

№ 10 (322). ОКТЯБРЬ 2017

МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

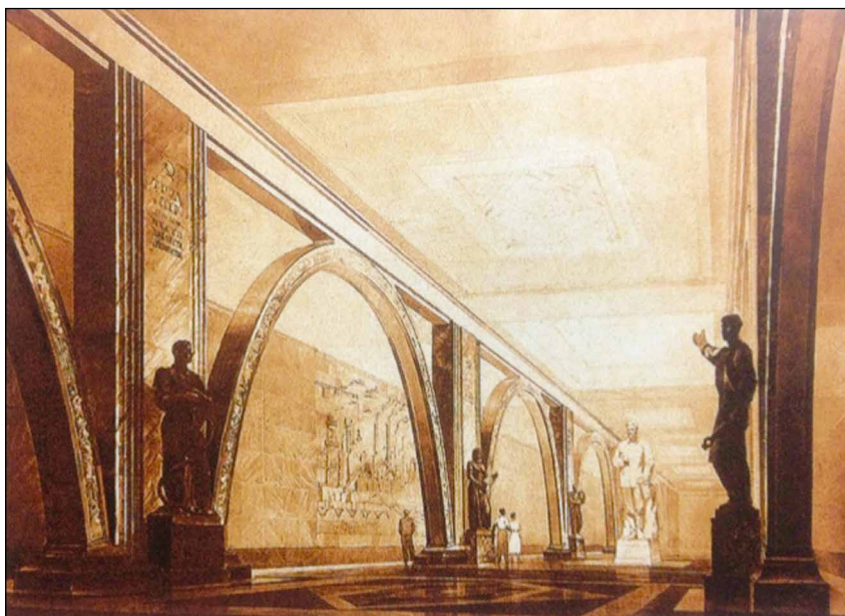

И.И. ЛЕВИТАН. ОСЕННИЙ ДЕНЬ. СОКОЛЬНИКИ.
ХОЛСТ, МАСЛО. 1879 ГОД.
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТРЕТЬЯКОВСКАЯ ГАЛЕРЕЯ

К 870-ЛЕТИЮ МОСКВЫ

*В.Д. Владимиров (архитектор), А.К. Болдырев (инженер).
Проект наземного павильона станции метро «Площадь Свердлова».
Трест МГЖД. 1927 год*

*И.Г. Таранов, В.С. Андреев. Проект интерьера
станции метро «Автозаводская»*

№ 10 (322). ОКТЯБРЬ 2017

МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО
ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ

Основан
Н.М. Карамзиным
в 1791 году.
Возобновлен
в 1991 году

Литературно-
художественный,
историко-
краеведческий журнал

Главный редактор
Анна Филипповна Грушина

Редакционный совет:
Митрополит Истринский
Арсений (Епифанов),
А.А. Белай, В.Ф. Козлов,
В.В. Максименко

Художник-верстальщик
С.А. Алопин

Редактор-корректор
А.Э. Варчева

Учредитель: АО «Редакция газеты
«Вечерняя Москва». 2017

Выпуск осуществлен при финансовой
поддержке Департамента средств массовой
информации и рекламы города Москвы

Адрес редакции и издателя: 127015, Москва,
Бумажный проезд, д. 14, стр. 2
Телефон: (499) 557-04-27, доб. 414, 416
E-mail: mosmag@mosjour.ru
Официальный сайт: www.mosjour.ru
Рекламная служба: (499) 557-04-03
E-mail: reklama@ym.ru

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство № ФС77-62785 от 18.08.2015 г.

Подписано к печати 14.09.2017.

Печать офсетная.

Объем 12 п. л. Формат 64 × 90/8.

Тираж 42 000 экз.

Цена договорная.

Заказ № 30116.

Отпечатано:

ОАО «Подольская фабрика офсетной печати»

142100, Московская обл., г. Подольск,

Революционный просп., д. 80/42

Материалы основных рубрик
рецензируются.

В НОМЕРЕ:

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ 2 Александр Викторович Вахрамеев
Медик, гуманист, новатор
О московском враче
Александре Сергеевиче Пучкове (1887–1952)

К 870-ЛЕТИЮ 8 Алексей Александрович Романов
МОСКВЫ «Есть метро!»
Московский метрополитен:
история замысла и его осуществления

БЫЛОЕ 30 Алексей Юрьевич Шаламов
«Сильный характер,
энергия и решимость...»
О путешественнике, а впоследствии
московском полицейском
Федоре Леонтьевиче Эклоне (1857–?)

ИЗ ИСТОРИИ 39 Вера Леонидовна Кошелева
РЕМЕСЕЛ «Таких изделий не видел мир...»
О русском камнерезном искусстве
XVIII–XIX веков

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ 56 Дмитрий Александрович Урушев
МОСКОВСКОГО Тишинка
СТАРОЖИЛА Страницы прошлого

РАССКАЗЫ 64 Алексей Петрович Назарьев
ИЗ ПРОШЛОГО Ерофеич, жженка, лампопо
Об этих старинных русских напитках

ПОЧТА 75 Анатолий Александрович Михайлов
Еще кое-что о Вольске
Несколько слов по поводу публикации
в «Московском журнале»
об этом старинном волжском городе
Саратовской области (1999. № 2)

ВИВЛИОФИКА 78 Александр Николаевич Акиншин
У истоков
Об историко-краеведческих трудах
Евфимия (в монашестве — Евгения)
Алексеевича Болховитина (1767–1837)

ТРУДЫ И ДНИ 88 Михаил Николаевич Глазков
«Мною собрано около
100 тысяч томов...»
О журналисте,
литературном критике, библиографе
Сергее Порфирьевиче Постникове
(1883–1965)

Александр Викторович Вахрамеев

Медик, гуманист, новатор

О московском враче
Александре Сергеевиче Пучкове (1887–1952)

В августе 2017 года исполняется 130 лет со дня рождения А.С. Пучкова — видного деятеля отечественного здравоохранения, доктора медицинских наук, заслуженного врача РСФСР. Сейчас это имя не известно даже коренным москвичам (стоит, однако, отметить публикацию в № 6 «Московского журнала» за 1992 год, посвященную А.С. Пучкову и его отцу, Сергею Васильевичу Пучкову. — *Ред.*). А ведь именно Александр Сергеевич создал и развивал в столице службу скорой помощи. Некогда богослов и литературовед С.Н. Дурылин

писал ему: «Вы сами, вероятно, не постигаете как должно, что вы сделали для родного города».

Он родился в Москве. Его отец, С.В. Пучков (1855–1926), долгие годы возглавлял Александровскую (Полицейскую) больницу в Малом Казенном переулке. В 1909 году во дворе учреждения по инициативе Пучкова-старшего был поставлен памятник основателю больницы — «святому доктору» Федору Петровичу Гаазу (1780–1853), известнейшему филантропу. Впоследствии Александр, присутствовавший

*Родители А.С. Пучкова —
Сергей Васильевич и Клавдия Александровна*

при открытии памятника, также немало потрудились на ниве помощи ближнему...

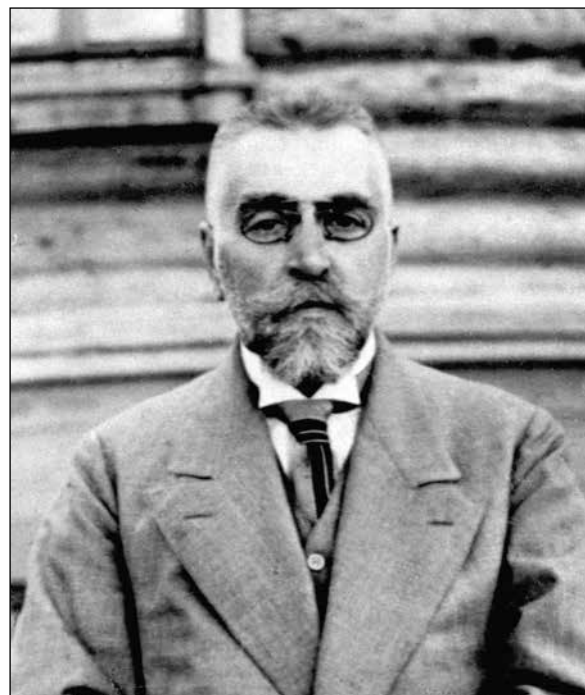
В 1906 году после окончания 4-й мужской гимназии А.С. Пучков поступил на медицинский факультет Московского университета. В 1911-м получил степень «лекаря с отличием». Работал врачом-экстерном в 5-м родильном приюте, в Басманной и Мясницкой больницах. В 1912-м сдал экзамен на звание доктора медицины. С началом Первой мировой войны его мобилизовали и откомандировали в распоряжение Российского общества Красного Креста. Служба проходила во 2-й армии. Там в полной мере проявились организаторские способности Александра Сергеевича, присущая ему пунктуальность. Позднее состоявший под началом А.С. Пучкова хирург Николай Михайлович Михельсон, уже будучи профессором, вспоминал: «Если Александр Сергеевич вам говорит, что приедет через десять дней в такое-то время, то вы можете быть уверены, что он приедет в этот день и в этот час, несмотря ни на какую обстановку. Если он бывал в лазарете и находил, что вам чего-то не хватает, обычно это не хватавшее вам доставлялось без напоминания».

После революции Пучкова избрали председателем армейского комитета Крас-

ного Креста. Он находился в этой должности до марта 1918 года, затем по болезни отбыл в Москву. Выздоровев, продолжил деятельность в Красном Кресте, однако вскоре вступил добровольцем в Красную армию; был начальником военно-санитарных поездов — сначала 123-го, а затем 37-го имени А.В. Луначарского.

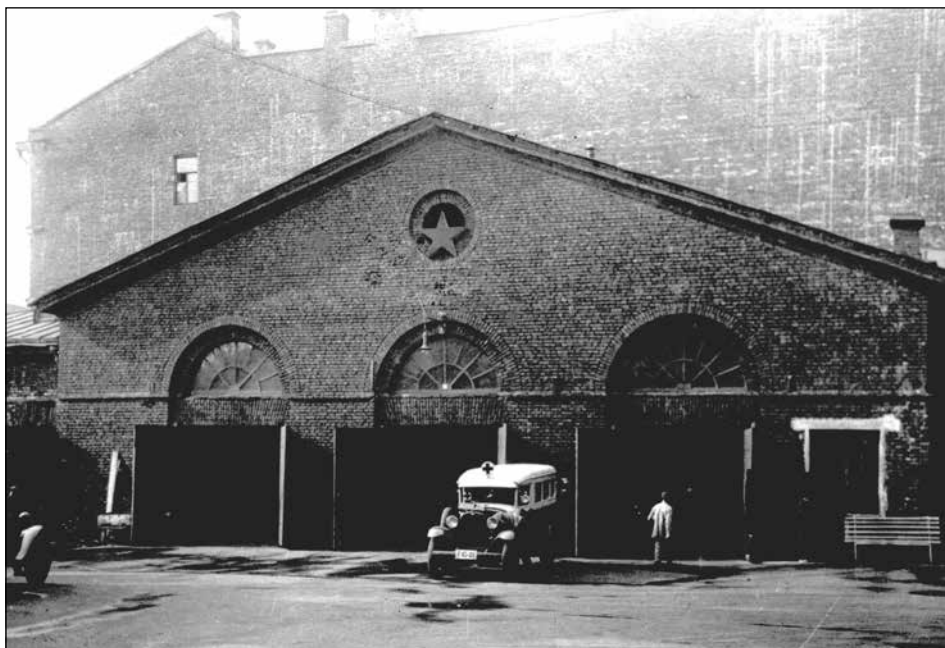
В 1921 году в Москве разразилась эпидемия сыпного тифа. Горожане заболевали сотнями. Среди командированных для борьбы с бедствием шести врачей оказался и А.С. Пучков. В тяжелейших условиях нехватки топлива, продовольствия, медикаментов, транспорта ему удалось организовывать и налаживать работу лечебно-эвакуационных учреждений. Так возник Центропункт (Горэвакопункт), занимавшийся госпитализацией инфекционных больных. В том же году по просьбе заместителя наркома здравоохранения РСФСР З.П. Соловьева Александр Сергеевич возглавил медицинский отдел Российского общества Красного Креста и многие годы совмещал эту службу с основной.

Двумя годами ранее Коллегия врачебно-санитарного отдела Московского совета рабочих депутатов организовала централизованную городскую станцию скорой медицинской помощи при Шереметьевской больнице (ныне — Московский городской научно-исследовательский институт скорой

*Первый заведующий
Станцией скорой медицинской помощи в Москве
Владимир Петрович Поморцов*

*Первый гараж
скорой помощи*

*Автомобиль
скорой
медицинской
помощи
Мосздравтодела*

помощи имени Н.В. Склифосовского) на Большой Сухаревской площади. Действовать станция начала 15 октября 1919 года, когда врач Леонид Григорьевич Овосапов принял первый вызов. Недолгое время ею заведовал доктор Владимир Петрович Поморцов, после ухода которого руководство московского здравоохранения озаботилось поиском на эту должность инициативного высокопрофессионального человека. В итоге выбор пал на А.С. Пучкова.

Станция, в 1922 году объединенная с Центропунктом, занимала пару небольших смежных комнат в Шереметьевской больнице. В распоряжении сотрудников имелись две побитые санитарные машины, два телефонных аппарата, две чернильницы и канцелярская книга для записи вызовов — вот и все!

При А.С. Пучкове начались преобразования. В конце 1923 года он ввел в штатное расписание должность старшего дежурного врача, который сам на вызов не отправлялся, а, приняв его, звонил в гараж, находившийся на Миусской площади, и требовал

машину — прибыв на станцию, та мчалась оттуда к больному с выездным доктором. Жизнь доказала правомерность подобной постановки дела — без должности старшего дежурного врача в наши дни представить функционирование скорой помощи просто невозможно.

Далее Пучкову пришлось самому разработать систему документации — формы книги и бланков вызовов, листов учета работы машин, контрольного сопроводительного листа.

Тем временем росло количество вызовов и, соответственно, телефонов на станции. Вскоре здесь одновременно трезвонили тринадцать аппаратов. Старший врач и диспетчеры путались в этих звонках. Александр Сергеевич решил проблему. В 1930 году он вместе с инженером Виноградовым сконструировал специальный телефонный пульт, снабженный бесшумными световыми сигналами.

Другой бедой стали хулиганы, осаждавшие врачей просьбами выехать «к якобы застрелившемуся или повесившемуся». А.С. Пучков писал: «Всего за пять лет (1923—1927 гг.) на московской станции скорой помощи было 187 ложных вызовов, что составляет 0,4% ко всем выездам. <...> За последнее время чуть ли не ежедневно (часто по несколько раз в день) пытаются дать ложные вызовы». Без определителя номера как вычислить злоумышленников? Однако Пучков и тут не сдавался: «Пробовали мы неоднократно поймать лицо, дающее ложный вызов. Притом один раз — с успехом. Вызывал чистильщик сапог из автомата

аптеки. Старшему дежурному врачу этот вызов показался подозрительным. И он по другому телефону аптеки попросил дежурного посмотреть, кто вызывает, и затем, узнав, кто это, — задержать с помощью милиции, что и удалось. К сожалению, хулигана как несовершеннолетнего не удалось привлечь к суду и пришлось ограничиться строгим внушением в отделении милиции с угрозой отобрать патент. Больше он не вызывал, очевидно, угроза подействовала».

Александр Сергеевич изобрел и внедрил различные приспособления, помогавшие оптимизировать работу станции. Например, указатели количества задействованных и свободных бригад. Специально сконструированные часы позволяли контролировать быстроту как подхода бригады к машине, так и ее выезда: они начинали

*Александр Сергеевич Пучков
за коммутатором в своем кабинете*

идти при передаче вызова и останавливались после сигнала сторожа об отбытии медиков.

Первоначально в компетенцию скорой помощи входили преимущественно несчастные случаи. Тяжелые больные оставались вне полномочий А.С. Пучкова, что его сильно заботило. Александр Сергеевич, обратившись в Народный комиссариат здравоохранения и получив одобрение, в 1926 году учредил службу неотложной медицинской помощи на дому. Аналога подобной организации тогда в мире не существовало. А уже в 1927-м Пучков организовал еще один вид экстренной помощи — психиатрической.

Он не только боролся с последствиями несчастных случаев, но и старался эти случаи предупредить. Можно назвать множество идей А.С. Пучкова на сей счет, воплощенных в жизнь; однако сейчас едва ли

кто-нибудь знает, кто являлся их автором. Приведем лишь несколько примеров.

В 1935 году заработал Московский метрополитен. Нередко люди спотыкались на эскалаторе, падали, возникала давка. Чтобы обезопасить пассажиров от получаемых таким образом травм, Александр Сергеевич предложил установить в начале и в конце каждого эскалатора поручни. Также по инициативе доктора двери поездов метро снабдили резиновыми прокладками, смягчавшими удар при закрывании.

Бывало, пешеходы падали, ломая руки и ноги, в околооконные люки подвальных помещений. Пучков настоял, чтобы эти «ловушки» заградили решетками или сетками.

Известно, как любили мальчишки кататься на задних буферах трамваев. Подобное озорство зачастую приводило к печальным последствиям — лихачи срывались под колеса следом идущего транспорта. Пучков добился снятия буферов с трамваев. Кроме того, с подачи Пучкова на снегоочистительных машинах, тоже достаточно травмоопасных, появились красные сигнальные огни.

Люди старшего поколения помнят, что некогда уксусная эссенция продавалась в стеклянных бутылках треугольного сечения. И опять-таки это заслуга Александра Сергеевича, который обратился в Министерство пищевой промышленности с предложением использовать подобную тару. До этого эссенцию разливали в емкости цилиндрической формы, и порой люди, перепутав бутылки, выпивали вместо водки уксус. После удовлетворения ходатайства Пучкова число подобных несчастных случаев значительно сократилось.

С 1926 года А.С. Пучков обивал пороги различных инстанций, доказывая, что бригады скорой помощи необходимо рассредоточить по всей Москве. Уговоры чиновников заняли немало времени. Только в 1930 году на территории 1-й Градской больницы открылась первая подстанция. К 1941 году число подстанций скорой помощи достигло семи, включая центральную. Предполагалось построить еще две, но началась Великая Отечественная война.

В октябре 1941 года враг стоял у стен Москвы. Многих москвичей охватила паника. Сотрудница А.С. Пучкова Наталья Константиновна Веселовская вспоминает, как однажды ее вызвали на мясокомбинат имени А.И. Микояна: «Подъезжаем к воротам, они открываются, пропуская нашу машину. Громадный заводской двор полон. Через толпу

возбужденных рабочих нас вводят в контору. Там трое мужчин средних лет в изорванной и окровавленной одежде и несколько молчаливых сотрудников. Осматриваю потерпевших. Их лица — в громадных сплошных кровоподтеках и ссадинах, заплывшие и опухшие глаза, из рассеченных губ и носов сочится кровь. Поднимаем рубашки — их спины представляют сплошной кровоподтек. Видимых переломов нет. Сознание ясное, самочувствие угнетенное. Что случилось? Эти трое — заводской “треугольник” (директор, секретарь парторганизации, завхоз) — еще ночью нагрузили грузовик окороками, колбасами, тушами свиней и хотели уехать, захватив и кассу завода. Рабочие остановили их в пути, вернули на завод и избili».

Александр Григорьевич Дрейсер в своих «Записках врача скорой помощи» свидетельствует: «Массами уезжают люди из Москвы. <...> Начальник Скорой (А.С. Пучков. — **А. В.**) успокоил всех сразу. Он никому не разрешил уезжать. “Если придется оставить Москву, мы все уедем вместе с войсками на наших машинах. Но Москвы мы не сдадим”. Все успокоились и стали работать по-прежнему. Для членов семейств работников Скорой были организованы эшелоны на восток».

В эти дни Александр Сергеевич перевел себя на казарменное положение и не уходил со станции, которая ни на минуту не прекращала функционировать. Когда поступал сигнал об очередном взрыве бомбы, Пучков тотчас направлялся туда, пребывая в разъездах днем и ночью. Все это нашло отражение в его статье «Организация скорой помощи пострадавшим во

время воздушных нападений», напечатанной в 1942 году в журнале «Советское здравоохранение». Позднее академик Николай Нилович Бурденко писал, что опыт «московской станции скорой помощи в годы Великой Отечественной войны может быть использован для внесения корректив в организацию военно-полевой хирургии».

В первые месяцы войны А.С. Пучков обратил внимание на все учащающиеся среди населения случаи голодных обмороков. Причина заключалась в потере продовольственных карточек, из-за чего целый месяц вся семья могла голодать. Александр Сергеевич обратился в Московский городской совет с предложением выдавать карточки не помесечно, а подекадно; после этого количество вызовов в связи с обмороками резко сократилось.

Своих подчиненных он окружал трогательной заботой. Старший диспетчер Полина Андреевна Некрасова вспоминала, как ей приходилось тяжело одной с четырьмя детьми (своими и племянниками). Пучков вызвал ее в кабинет и сказал: «Ты поедешь в магазин (он назвал адрес). Вот тебе талоны на вино, милиция тебя пропустит, договоренность есть. Ты отоваришь эти талоны, продашь на рынке вино и купишь детям все, что сочтешь нужным». Любыми мерами Александр Сергеевич добивался улучшения питания коллег, обеспечения их обувью, одеждой; сам же неизменно носил старенький френч и заплатанные брюки и часто говаривал с улыбкой: «Нам, медикам, не стыдно ходить в штопаной одежде, нас всегда вырывают халаты».

*Москвичи
запасаются
дровами.
Осень
1941 года*

*Автомобиль
скорой помощи
ЗИС-110А*

В 1944 году московская служба скорой помощи отмечала свое 25-летие. За выдающиеся заслуги в деле народного здравоохранения А.С. Пучкову присвоили звание заслуженного врача РСФСР. А в 1946-м в Центральном институте усовершенствования врачей состоялась защита диссертации Александра Сергеевича на тему «Организация скорой медицинской помощи в Москве». Н.Н. Бурденко счел работу достойной статуса классической и предложил сразу присвоить автору степень доктора медицинских наук, что в итоге и произошло.

Напряженную работу на скорой помощи Александр Сергеевич совмещал с активной общественной деятельностью. С 1947 года он неоднократно избирался депутатом Моссовета, одновременно трудился в Постоянной комиссии по здравоохранению, состоял членом ряда ученых советов, читал лекции, охотно делился своим богатым опытом с руководителями станций скорой помощи из других городов. Обращаясь к подчиненным, не уставал повторять: «Вы всегда должны оказывать помощь так, как если бы это был самый близкий, родной вам человек».

Много внимания он уделял транспорту скорой помощи. Созданный при его участии еще до войны санитарный вариант автомобиля ЗИС-101 уже не соответствовал требованиям времени. А.С. Пучков стал постоянным гостем конструкторского бюро

ЗИС — предлагал, спорил, доказывал, добивался, и уже в начале 1947 года новые белые с красными крестами машины появились на улицах Москвы. Рассказывают, как после смены, поздним вечером или ночью, Александр Сергеевич выходил на Большую Сухареvскую площадь и, если видел машину скорой помощи, спешащую на вызов, ласково шептал ей вслед: «Голубка моя».

* * *

А.С. Пучков всего себя отдал служению людям. Он так и не обзавелся семьей, не получил квартиры, а жил в комнате при Институте имени Н.В. Склифосовского, питался в столовой. Умер от кровоизлияния в мозг. Прощание состоялось в институтском конференц-зале. Люди шли нескончаемым потоком — казалось, вся медицинская Москва явилась проводить в последний путь врача, который, подобно «святому доктору» Ф.П. Гаазу, «спешил делать добро». Траурная процессия растянулась от Сухареvской площади до Пятницкого кладбища. Встречавшиеся машины скорой помощи в знак скорби и уважения громко сигнализировали.

В 1995 году постановлением Правительства Москвы станции скорой и неотложной медицинской помощи № 421 было присвоено имя А.С. Пучкова. А в 2012-м перед зданием станции в 1-м Коптеvльском переулке открылся памятник Александру Сергеевичу.

Литература:

Вахрамеев А.В. 75 лет московской станции скорой и неотложной медицинской помощи. М., 1994.

Веселовская Н.К. Записки выездного врача скорой помощи: 1940–1953. М., 2010.

Дрейцер А.Г. Записки врача скорой помощи // Москва прифронтовая. 1941–1942. Архивные документы и материалы. М., 2006.

Пучков А.С. Сборник научных трудов. К 130-летию со дня рождения. М., 2016.

Алексей Александрович Романов

«Есть метро!»*

Московский метрополитен: история замысла и его осуществления

Эль Лисицкий. Есть метро!

*Страница из журнала «СССР на стройке».
1935 год. № 8*

В начале 1930-х годов Москва имела сеть трамвайных линий и около 200 автобусов. 90% объема пассажирских перевозок приходилось на трамвай и 9% — на автобус⁴³. К этому времени население возросло по сравнению с дореволюционным периодом с 1,7 до 2,5 млн, а годовой пассажиропоток — с 247 до 820 млн человек⁴⁴. Трамваи и автобусы не справлялись с такой нагрузкой. Москве грозил транспортный коллапс⁴⁵.

Историк Н.М. Коробков так обрисовал проблему:

«Непрекращающийся рост города при постоянном увеличении площади и населенности его пригородов, ежедневно бросающих к центру огромные людские массы, ставит определенные границы возможности количественного увеличения всех видов наземного транспорта. Движение автомобилей замедляется необходи-

*Окончание. Начало в № 9 за 2017 год.

мостью идти вереницей, останавливаясь на перекрестках. Трамвайные линии по тем же причинам ограничивают свою пропускную способность: увеличение числа вагонов при необходимости сравнительно частых остановок, даже при очень четком и точном расписании, влечет за собой закупоривание путей и замедление скорости движения, а это, в свою очередь, несмотря на увеличенное количество занятых мест, понижает число перевезенных за день пассажиров.

Пропускная способность улиц исчерпывается. Рост города и пригородов становится невозможным вследствие все больших затруднений транспорта. Оказывается необходимым изыскание новых путей движения. Это мыслимо сделать, лишь устраивая новые, внеуличные, пути — надземные или подземные дороги. Предназначенные исключительно для транспорта и совершенно закрытые для пешеходов, они позволяют регулировать движение и повышать скорость пропускаемых по ним поездов⁴⁶.

Еще в 1923 году Моссовет образовал при Управлении московских городских железных дорог (МГЖД) Бюро по проектированию метрополитена. Его сотрудники провели геологические изыскания и к началу 1926 года подготовили проект подземки⁴⁷. В марте того же года отдел коммунального хозяйства Моссовета поручил составить проект немецкой фирме «Сименс-Бауэнион», чтобы сравнить его стоимость и возможности реализации с проектом МГЖД. Немецкие специалисты предложили проект метрополитена протяженностью 80,3 км, включавший 86 станций, из которых 17 являлись пересадочными⁴⁸. По финансовым соображениям приоритет был отдан проекту МГЖД, предусматривавшему в первую очередь прокладку линий Сокольники — Мясницкая — Центр (протяженностью 5 км), Тверская застава — улица Тверская — Центр (4,2 км), Смоленский рынок — Арбат — Воздвиженка — Центр (3,5 км), во вторую очередь — еще двух линий: полукольцевой от Арбата через Красные ворота до Таганской площади (9,4 км) и диаметральной от Крестовской заставы до Добрынинской площади (7,5 км)⁴⁹. Расходы на строительство первой очереди, которое должно было завершиться к 1930 году, оценивались в 70 млн золотых рублей. Считалось, что метрополитен окажется весьма прибыльным и финансирование можно будет про-

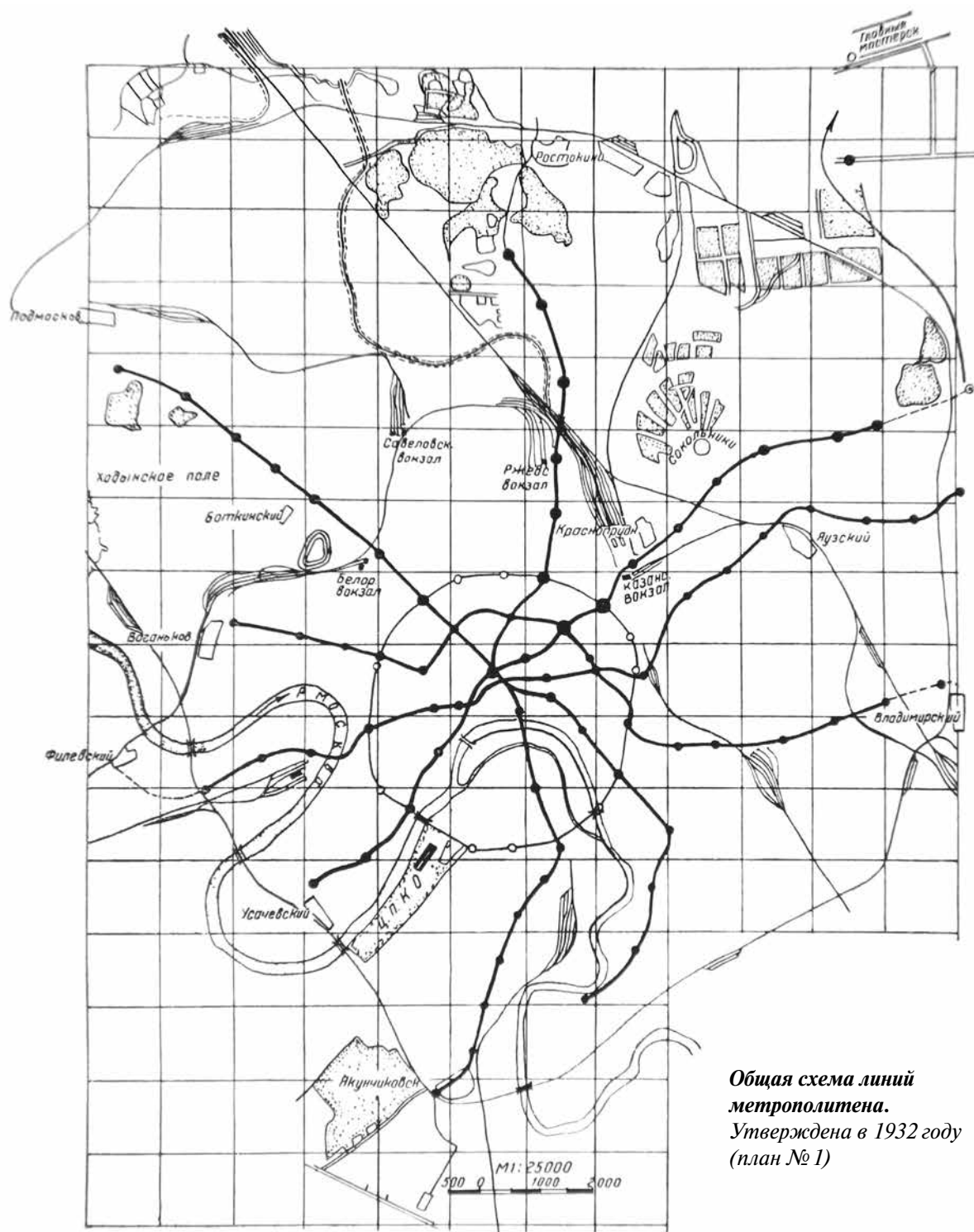
вести за счет выпуска 6-процентного займа с 15-летним сроком погашения, начиная с 1931 года. В сентябре 1928-го Президиум Моссовета принял решение о создании акционерной компании.

Однако мнения по поводу нужности метрополитена в среде партийного и советского руководства разделились. На страницах «Правды» развернулась острая дискуссия. Сообщалось, что сооружение метро «поставлено на практические рельсы», акционерное общество образовано, уже в 1928 году должны поступить инвестиции в размере 3,5 млн рублей, а всего ожидалось 55 млн⁵⁰. Тем временем Рабоче-крестьянская инспекция (Рабкрин) поставила вопрос, действительно ли Моссовет прав в своем решении и не лучше ли пустить «метрополитенные» средства на возведение фабрик и жилья⁵¹. Вскоре «Правда» известила читателей, что рабочие московских заводов против строительства метро. Газета опубликовала их письма, где утверждалось: сегодня есть вещи поважнее, чем метрополитен⁵².

В 1930 году в ходе инициированного «процессом Промпартии» поиска вредителей и саботажников аппарат МГЖД был подвергнут чистке, значительную часть проектировщиков арестовали. 31 декабря руководство МГЖД издало распоряжение о закрытии Бюро.

Но идея, как говорится, не умерла. Пленум ЦК ВКП(б) 11–15 июня 1931 года в частности констатировал: «Работы по улучшению трамвайного хозяйства, его частичной реконструкции и расширению трамвайной сети, смягчая транспортные затруднения города, не разрешают общей проблемы развития пассажирского транспорта в Москве. <...> Необходимо немедленно приступить к подготовительной работе по сооружению метрополитена в Москве как главного средства, разрешающего проблему быстрых и дешевых людских перевозок, с тем чтобы в 1932 году уже начать строительство метрополитена»⁵³.

Июньскому пленуму предшествовала деятельность комиссии Политбюро, в которую входили Сталин, Молотов, Ворошилов, Ягода, Киров, а также представители московской парторганизации. На заседании 14 мая 1931 года Сталин заявил: «Нужно постановить, что метрополитен необходим и что это дело следует форсировать. Рассматривая метрополитен в качестве основного средства сообщения, немедленно

Общая схема линий метрополитена.
Утверждена в 1932 году
(план № 1)

начать ориентировать на него все наземные линии»⁵⁴.

В августе Совет народных комиссаров СССР утвердил смету и трассу первой линии первой очереди метрополитена и поручил Наркомату путей сообщения выполнять функции заказчика по проектированию, строительству и вводу метрополитена в эксплуатацию. Тогда же Моссовет образовал оргбюро «Метростроя», руководителем которого был назначен П.П. Роттерт, ранее возглавлявший строительство Днепрогэса, первым заместителем

руководителя — инженер К.С. Финкель⁵⁵. Они подготовили положение об управлении «Метростроя» — специализированной организации по сооружению «городской скоростной дороги на собственном (подземном) полотне»⁵⁶, утвержденное 13 сентября Советом народных комиссаров РСФСР и 2 октября — Советом народных комиссаров СССР.

13 ноября Совет Труда и Оборона (СТО) объявил строительство метрополитена в Москве «ударным». Согласно постановлению Совнаркома СССР от 25 мая

*Павел
Павлович
Роттерт*

1932 года начинание получало статус «государственной стройки с обеспечением ее материалами, металлом, цементом, средствами транспорта и т. п. как первоочередной важности <...> стройки всесоюзного значения»⁵⁷.

Опытный участок был заложен 10 декабря 1931 года в районе Сокольников на Русаковской улице во дворе дома № 13А. Метростроевцев интересовала возможность проходки открытым («парижским») способом тоннеля между станциями «Сокольники» и «Гаврикова улица» (проектное название станции «Красносельская»).

На остальных участках работы начались в январе 1932-го. Практически сразу же инженер В.Л. Маковский сделал вывод о невозможности строительства в Москве

тоннелей мелкого заложения открытым способом (именно такая технология была применена на Каланчевской площади). Высказывался он и против закрытого метода на малой глубине, приверженцем которого являлся другой инженер — С.Н. Розанов, — отдавая предпочтение глубинам от 20 до 35 метров. Несмотря на то, что Маковскому возражали многие известные специалисты, его идею одобрило пар-

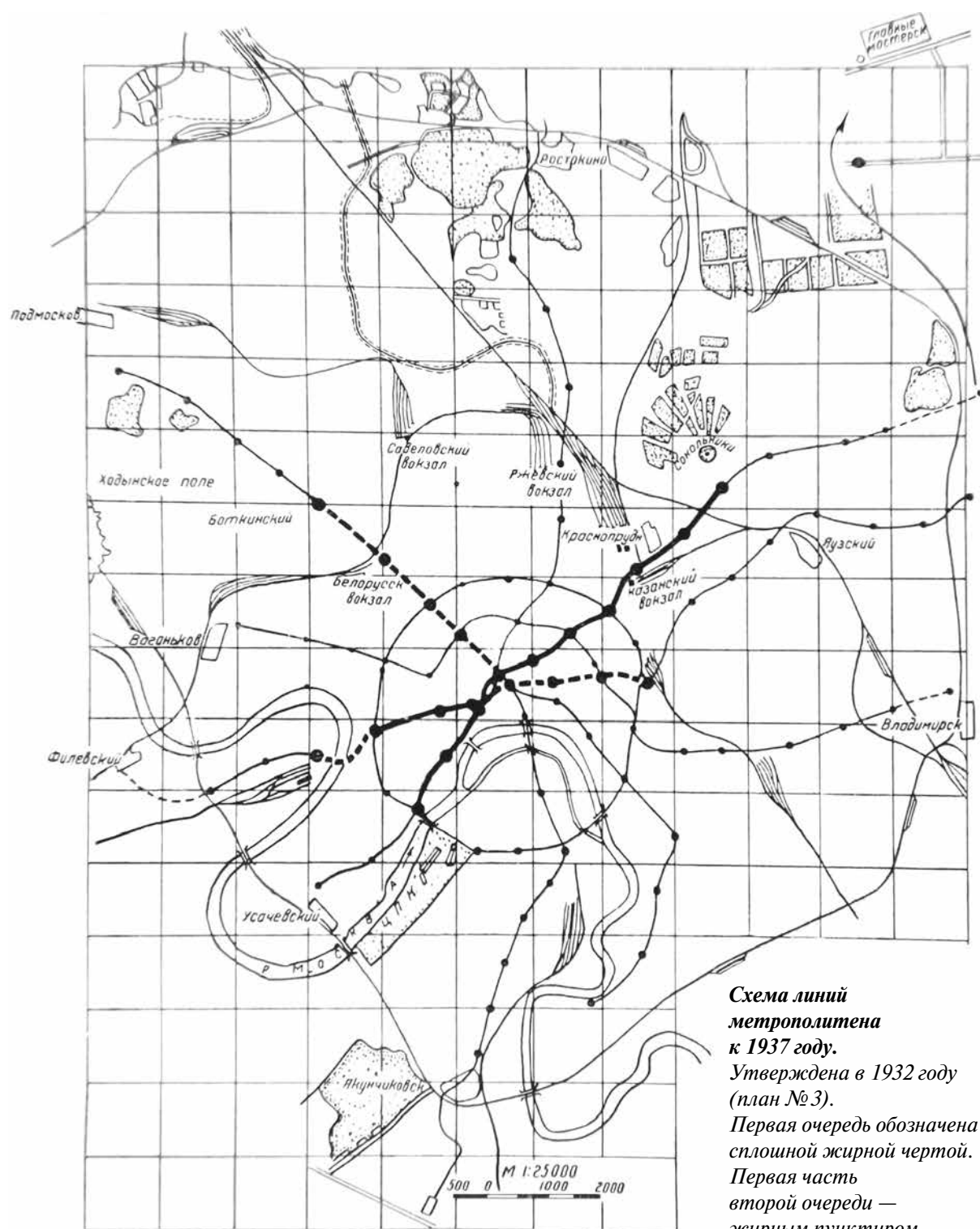
*Группа инженеров — первых строителей
Московского метрополитена*

Иван Михайлович Губкин

тийное руководство в лице Л.М. Кагановича и Н.С. Хрушева⁵⁸. На совещании в МГК ВКП(б) 23 мая 1932 года проект глубокого заложения поддержал И.В. Сталин.

Для решения сложных инженерно-технических задач руководство страны привлекло в качестве экспертов техников-корифеев не только из СССР, но и из Германии, Великобритании, Франции и командировало ряд наших инженеров за границу с целью изучения тамошнего опыта. Комиссией отечественных экспертов руководил академик И.М. Губкин⁵⁹. Теоретические основы, определившие методику проектирования и технологию строительства столичной подземки, заложили в своих трудах такие видные ученые, как А.М. Терпигорев, В.М. Келдыш, В.Л. Николаи, А.А. Скочинский, Н.Н. Давиденков, А.Ф. Лолейт, С.Н. Розанов, Б.Б. Васильев, Н.А. Цитович. Был создан Комитет научно-технического содействия «Метрострою» под руководством академика Г.М. Кржижановского.

Исследования показали, что нигде в мире строительство подземных дорог не велось при столь неблагоприятных условиях, как в Москве: кривые улицы, беспорядочная паутина коммуникаций, остатки древнего города, водоносные грунты, сложный рельеф местности. На одном только участке «Охотный Ряд» — «Сокольники» предстояло пересечь четыре заключенных в трубы водных потока: Неглинку — у Театрального проезда,

Ольховку — у Комсомольской площади, Чичеру — недалеко от Гаврикова переулка и Рыбинку — на Русаковском шоссе. И подобных участков на трассе первой очереди имелось немало⁶⁰.

После изучения результатов экспертиз, проведенных в июне — августе 1932 года, было решено применить комбинированную схему. Строительство участков «Сокольники» — «Комсомольская» и «Библиотека имени Ленина» — «Парк культуры» осуществлялось

Строительство первой очереди

В забое штольни

Подъем выбранной породы

Затопленный ствол шахты

Оборудование для заморозки грунта

Монтаж оборудования для заморозки грунта

открытым способом. Тоннели между станциями «Улица Коминтерна» («Александровский сад») и «Смоленская» сооружались траншейным методом. На участке глубокого заложения «Охотный Ряд» — «Площадь Дзержинского» («Лубянка») применялась щитовая проходка. При прокладке переходных (от мелкого заложения к глубокому) участков, где встретились плавунки, использовали кессонный способ с нагнетанием воздуха, заморажи-

Кессонные аппараты

Установка кессонов в шахте

В стволе шахты

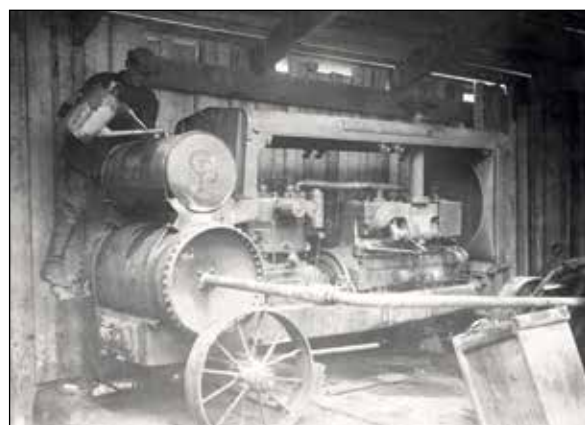
Шахта 18. Заготовка опалубки, кружал и арматуры воротника форшахты

Свод шахты

Монтажные работы

Компрессор

вание и силикатизацию грунтов, искусственное водопонижение⁶¹.

В стране впервые создавался такой сложный комплекс объектов, включавший подземные станции, перегонные и эскалаторные тоннели, вентиляционные камеры, электротехнические и другие устройства. Особое внимание уделялось обеспечению удобств для пассажиров и безопасности движения, достижению высокой степени надежности подвижного состава,

Строительство метрополитена на Арбатской площади

Собрание партийной ячейки метростроителей

*А.А. Лабас. Работница «Метростроя».
Из серии «Метрострой». 1932 год*

люди смогли в общих чертах ознакомиться с функционированием подземки во время заграничных командировок. Проектирование велось силами «Метропроекта», организованного на базе технического отдела «Метростроя». Проблемой было, в частности, устройство подземных трехсводчатых станций глубокого заложения под мощной водоносной толщей грунтов плавунного характера. Пришлось проводить многочисленные теоретические изыскания и практические эксперименты с целью установить величину и характер распределения давления грунтов на тоннельные конструкции, а также гидростатического давления на гидроизоляционные оболочки. Эти работы осуществлялись научно-исследовательским сектором (НИС) «Метростроя» и «Метропроектом».

При строительстве станций «Красные Ворота», «Кировская», «Дзержинская», «Охотный Ряд» на разных стадиях проверялась устойчивость отдельных элементов конструкций, поскольку нагрузка здесь на отдельные пилоны достигала колоссальных величин в десятки тонн. Сложным оказалось проектирование станции «Биб-

эскалаторов, путей, системы энергоснабжения. Серьезным препятствием явились недостаток геологических данных, нехватка специалистов, отсутствие практического опыта. Из инженеров «Метростроя» лишь С.Н. Розанов, К.С. Финкель и И.С. Шелюбский работали на сооружении метрополитенов в Европе, да еще несколько че-

Плакаты, посвященные строительству метрополитена

лиотека имени Ленина». В неустойчивых плавунных грунтах, из которых состояло подземное староречье реки Ольховки, с учетом расположения вблизи трассы многоэтажных зданий проектом преду-

сматривался специальный метод проходки: горным способом под сжатым воздухом в сочетании с искусственным замораживанием грунтов. Так же поступали и на ряде других участков⁶².

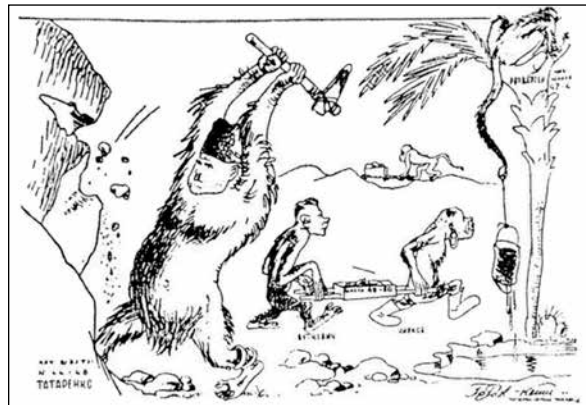

Первая полоса газеты «Ударник Метростроя» с обзором ежесуточного выполнения плана отдельными шахтами и дистанциями. 5 апреля 1934 года

Нехватка рабочих рук и средств механизации, плохая организация тормозили дело. В июле 1932 года на строительстве метрополитена трудились 5299 рабочих и ИТР, а сильно раздутый управленческий штат насчитывал 2217 человек⁶³. Тем не менее оперативное руководство работами практически отсутствовало. К началу 1933 года удалось проложить менее 1% от общей протяженности первой линии. Все планы оказались под угрозой срыва. Л.М. Каганович, курировавший ход работ, значительную часть своего времени проводил под землей (метростроевцы называли его «первым прорабом»). Весной 1933 года МГК ВКП(б) и Моссовет по инициативе Кагановича провели реорганизацию структуры управления «Метростроя», ликвидировав лишние промежуточные звенья. Зарплату рабочим, занятым в шахтах, повысили на 25%. Были приняты меры и по улучшению быта метростроевцев⁶⁴.

В марте Политбюро ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР опубликовали по поводу метрополитена специальное постановление. Схема линий подземки утверждалась в количестве 10 радиусов общей протяжен-

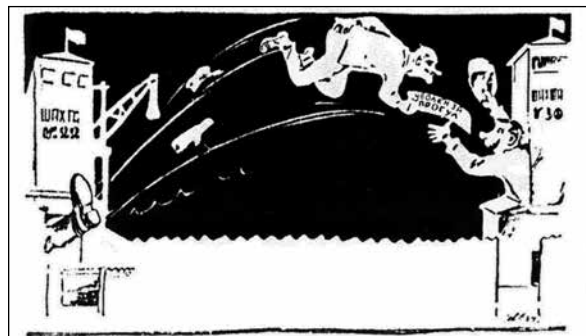
ностью 80,3 км, в том числе: Кировский радиус — 10 км, Фрунзенский — 6 км, Арбатский — 5 км, Горьковский — 9,5 км, Таганский — 10,6 км, Замоскворецкий — 8 км, Покровский — 9,3 км, Рогожский — 9,6 км, Краснопресненский — 4,5 км, Дзержинский — 7,8 км. Эти радиусы образовывали пять диаметров: Кировско-Фрунзенский, Арбатско-Покровский, Горьковско-Замоскворецкий, Краснопресненско-Рогожский, Дзержинско-Таганский. Устанавливался объем строительства линий первой очереди (11,6 км): по Кировскому радиусу — участок от площади Свердлова до Сокольников (5,8 км), по Фрунзенскому радиусу — от площади Свердлова до Крымской площади (3,5 км), по Арбатскому радиусу — от центра до Смоленской площади (2,3 км)⁶⁵. Срок окончания первой очереди переносился

Каменный век на Арбате. Карикатура в газете «Ударник Метростроя» от 26 февраля 1934 года.

Подпись к рисунку: «Некоторые работники на шахтах Метростроя игнорируют механизацию. Особенно отличаются начальники шахт 44—46, 49—50, 47—48.

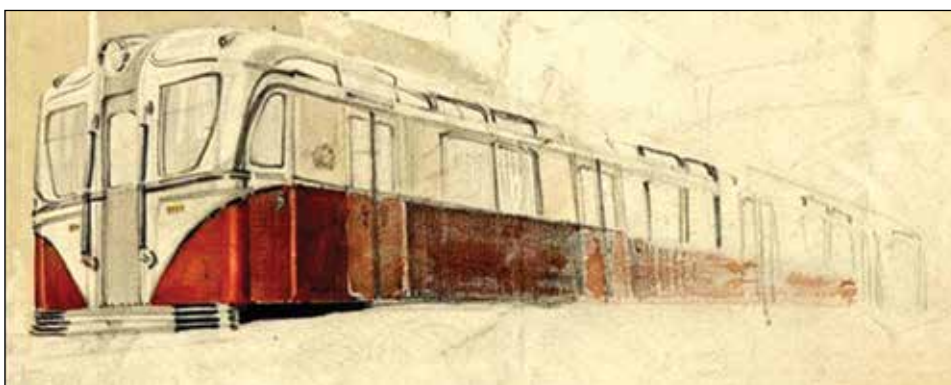
На последней шахте, между прочим, воду из траншей выносят ведрами»

У нас на шахту прогульщиков принимают. Карикатура в газете «За качество тоннеля» от 26 июля 1934 года. Подпись: «Голубчик, а мы тебя ждали, иди к нам, милый, а то у нас как-то скверно дело с труддисциплиной!»

И.Г. Таранов. Вариант вестибюля станции Московского метрополитена. 1930-е годы

*И.Г. Таранов.
Эскиз поезда
первой линии
Московского
метрополитена.
1930-е годы*

с 1 января на 1 декабря 1934 года. Госплану и СТО давалось указание лучше снабжать строителей материалами и оборудованием, а МГК ВКП(б) Моссовет и «Метрострой» обязывались устранить имеющиеся недостатки в организации работ⁶⁶.

Длительный период «раскачки» (а по существу — приобретения опыта) завершился пленумом Моссовета 29 декабря 1933 года с участием ударников «Метростроя». В принятом постановлении был намечен календарный план работ на каждом радиусе, шахте и станции, принят почин: «Ежедневно вынимать 9 тыс. кубометров грунта и укладывать 4 тыс. кубометров бетона»⁶⁷.

Выше уже говорилось о дефиците на строительстве метрополитена рабочих рук. Так, в августе 1932 года численность занятых здесь составляла всего 4602 человека при плановой в 12170 человек⁶⁸. Люди в шахтах долго не задерживались. Участ-

ница этой ударной стройки Г.И. Каменецкая вспоминала: «Первый бой с текучкой <...> начался у нас тогда, когда сезонники в связи с осенними сельскохозяйственными работами потянулись в деревню. Нам пришлось драться буквально за каждого. Первое время нас здорово надували: так, например, пользуясь тем, что в бригаде бывало несколько однофамильцев Ивановых, рабочие поодиночке приходили за отпусками, уверяя, что из Ивановых уезжает в отпуск только один. В результате от бригад ничего не оставалось — уезжали все»⁶⁹.

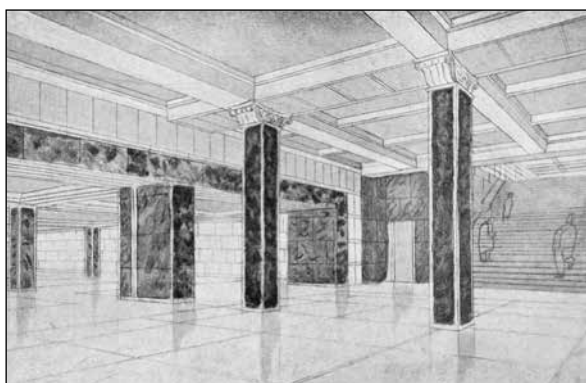
Коллектив «Метростроя» формировался из людей, в большинстве своем не имевших опыта работы под землей. Набирали их в основном из сельской местности, не пренебрегая даже «кулацким элементом». Навыки приобретались, что называется, «в процессе». К делу привлекали горняков из Донбасса и с Урала, тоннелестроителей Закавказья⁷⁰.

А.М. Рухлядев, В.Ф. Кринский. Павильон станции метро «Комсомольская площадь» (вариант)

Д.Н. Чечулин. Проект станции метро «Комсомольская площадь». Внутренний вид

А.М. Рухлядев, В.Ф. Кринский. Проект подземного вестибюля станции метро «Комсомольская площадь»

Наземный павильон станции метро «Комсомольская площадь» (не сохранился). Архитекторы А.М. Рухлядев, В.Ф. Кринский

Метростроевцам помогали московские заводы и фабрики, организовывавшие на различных участках метрополитена субботники и воскресники⁷¹, вскоре принявшие массовый характер. На пленуме Моссовета 29 декабря 1933 года Л.М. Каганович вы-

двинул лозунг: «Вся Москва строит метро». 8 января 1934-го МГК ВКП(б) постановил закрепить за каждым столичным предприятием определенный участок подземки⁷². 9 января газета «Рабочая Москва» сообщила о собраниях фабричных и заводских

*А.И. Гонцкевич,
С.С. Сулин.
Проект
станции метро
«Улица
Коминтерна»
(ныне
«Александровский
сад»)
Перронный зал.
Фрагмент.
1934 год*

Станция метро «Красные Ворота».
Архитектор южного вестибюля Н.А. Ладовский

И.А. Фомин, Н.Н. Андриканис.
Проект станции метро «Красные Ворота».
1935 год

коллективов, поддержавших эту инициативу⁷³. Артисты Большого театра заявили о проведении для метростроевцев двух бесплатных концертов, персонал глазной больницы имени Гельмгольца взял обязательство обсуживать их вне очереди⁷⁴.

Перелом в работу «Метростроя» внесла мобилизация молодежи, организованная летом и осенью 1933 года по призыву МГК ВКП(б) и ЦК ВЛКСМ. На стройку с различных предприятий и учреждений пришло 13 тысяч комсомольцев; к началу 1935-го их число выросло до 19 тысяч. Ставилась задача: повысить дисциплину, развернуть социалистическое соревнование, увеличить производительность труда. Участник строительства Т.В. Федорова: «Трудности были на каждом шагу. Огромный коллектив только складывался. Рядом с квалифицированными рабочими — донецкими, уральскими, сибирскими горняками — в шахты спустилась необстрелянная на подземных работах рабочая и сельская молодежь. Разнообразным был национальный состав. И всю эту массу людей надо было сплотить»⁷⁵. Комсомольцы привнесли в дело невиданный дотоле энтузиазм, в короткий срок они приобрели необходимую квалификацию и начали задавать тон всему строительству. Появились ударные комсомольские бригады⁷⁶. Старшие и более опытные специалисты удивлялись этому трудовому напору. «Такого мы до сих пор не испытали ни на одной стройке, это была полная неожиданность для нас», — признавался главный инженер Кировского радиуса А.И. Гертнер⁷⁷. Комсомольцев бросали на самые тяжелые участки. Если обстоятельства того требовали, молодежь не жалела себя: «При укладке бетона мы однажды проработали три смены подряд, всего 25 часов, поскольку первую смену начали на час раньше. Часть комсомольцев не сумели выдержать трехсменную работу, уходили в медпункт, там нюхали валерианку. Отдохнув, опять приходили к бетономешалке. Комсомолки Овчинникова и Сударикова часа в 4 ночи почувствовали, что не могут больше — нет сил работать. И когда <...> бригадир предлагал им уйти домой, они ни в коем случае не соглашались и, зайдя в медпункт, отдохнув минут 20–30, опять принимались за работу»⁷⁸.

Хотя стройку и отнесли к категории ударных, снабжалась она поначалу плохо. До февраля 1932 года из затребованных

К 870-ЛЕТИЮ МОСКВЫ

15 бетономешалок было выделено две, из 20 кранов — пять, из 24 компрессорных проходческих машин — ни одной⁷⁹. В апреле на опытном участке имелось в наличии лишь две электролебедки, три помпы, семь автомобилей и две нанятых гужевых повозки⁸⁰. Недоставало даже спецодежды. Из воспоминаний бригадира проходчиков шахты № 7–8 Колоколова: «Приходилось

работать в очень плохих спецовках и дырявых сапогах. А кругом вода. Поглядишь иной раз на свой сапог — портянка тебе из дыры рожки кажет. Вытянешь ее со злости, да так и работаешь на босу ногу»⁸¹.

Из-за нехватки экскаваторов, кранов, компрессоров, пневматических молотков, транспортных средств главную роль играл ручной труд. В ход шли кирки. Там, где грунт киркам не поддавался, применяли взрывчатку, для чего вручную бурили шурфы. Вручную же часто мешали и бетон⁸².

В декабре 1933 года отдел снабжения «Метростроя» подвергся чистке, многих сотрудников уволили, назначили нового начальника. Это позволило в следующем году несколько выправить ситуацию с техническим обеспечением. Появлялось современное оборудование, часть которого закупали за границей⁸³. Важное значение имела поставка проходческого щита, заказанного «Метростроем» в Англии. В феврале — марте 1933 года под площадью Свердлова заложили шахту, где устройство смонтировали под контролем английских инженеров. Между тем партийное руководство решило наладить отечественное производство подобной техники, для чего щит разобрали и сделали его подробное техническое описание, по которому эти сложные агрегаты смог изготавливать завод «Серп и молот».

Темпы работ сдерживались и недостатком транспорта. В июле 1933 года «Метрострой» получил 50 грузовых трамваев

Станция метро «Сокольники».

Архитекторы И.Г. Таранов, Н.А. Быкова

*Афиша праздника
в честь пуска
станции метро
«Сокольники»*

*И.Г. Таранов,
Н.А. Быкова.
Проект
станции метро
«Сокольники».
Подземный
вестибюль.
1934 год*

К 870-ЛЕТИЮ МОСКВЫ

для вывоза грунта; к шахтам и дистанциям проложили рельсы⁸⁴. В ноябре Совнарком обязал все московские организации, имеющие грузовые автомобили, на два дня в месяц передавать их в распоряжение «Метростроя»⁸⁵. В апреле 1934-го число мет-

ростроевских грузовиков увеличилось до 700 — это был самый крупный на тот момент парк грузовых автомобилей в стране.

Сроки ставились предельно жесткие, отчего возникало множество накладок и нестыковок. Случалось, архитекторов приглашали для оформления очередной станции лишь за месяц до ее сдачи в эксплуатацию — легко представить, что за спешка при этом начиналась. Несколько раз «переезжала» с места на место станция «Дворец Советов». Конкурс на главное здание СССР все не завершался, и станция, которая проектировалась в качестве подземного вестибюля дворца, никак не могла обрести окончательный вид. Попытки

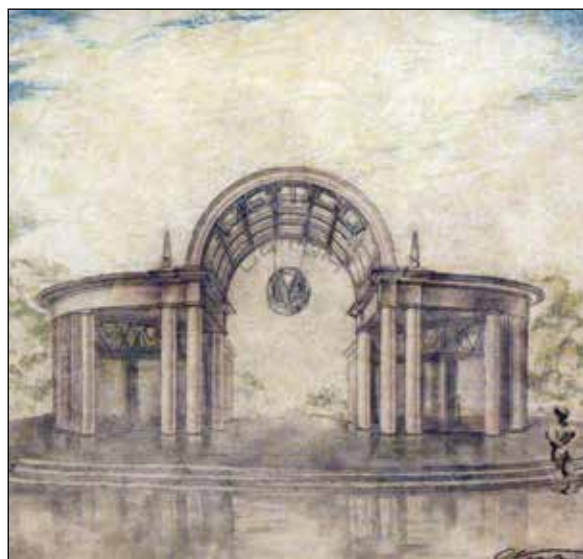

*Станция метро «Дворец Советов»
(ныне «Кропоткинская»).*

Архитектор западного вестибюля С.М. Кравец

*Станция метро «Дворец Советов».
Подземный вестибюль. Фотография 1935 года*

*С.М. Кравец. Проект станции метро
«Дворец Советов». Наземный павильон. 1934 год*

А.Н. Душкин, Я.Г. Лихтенберг. Проект станции метро «Дворец Советов». Наземный павильон. 1934 год

*Наземный вестибюль станции метро
«Библиотека имени Ленина» (не сохранился).
Архитекторы С.М. Кравец, А.И. Соколов.*

*Наземный вестибюль станции метро «Кировская»
(проектное название «Мясницкие Ворота»,
ныне «Чистые пруды»)
Архитекторы Н.Я. Колли, Ф.И. Саммер*

*А.И. Гонцкевич. Платформенный зал
станции метро «Библиотека имени Ленина»*

же нормализовать темпы приравнивались к актам саботажа: «Закрытое партсоборание, заслушав доклад тов. Трупака, категорически отвергло сроки окончания строительства, намеченные им. Тов. Трупак исходил из якобы “нормальной” обстановки строительства и таким образом ставил под сомнение конечные сроки, намеченные Московским комитетом партии. Пришлось

партийной организации крепко ударить по оппортунистическим настроениям в руководстве шахты»⁸⁶.

По замыслу руководства страны, метрополитен столицы должен был представлять собой комплекс выдающихся произведений архитектуры и декоративно-прикладного искусства. Архитектор С.М. Кравец писал: «Из всего сложнейшего организма

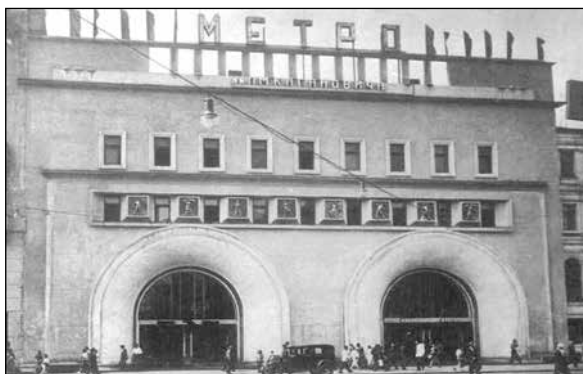
*Станция метро «Смоленская площадь»
(ныне станция «Смоленская» Филевской линии).
Архитекторы вестибюлей
В.Г. Поликарпова, В.А. Марова*

*С.Г. Андриевский. Интерьер наземного вестибюля
станции метро «Смоленская площадь»*

*Арбатский рынок и павильон станции метро
«Арбатская» Филевской линии.
Архитектор Л.С. Теплицкий. Конец 1930-х годов*

*Станция метро «Дзержинская» (ныне «Лубянка»)
Архитектор южного вестибюля И.И. Ловейко*

*Перрон станции «Дзержинская».
Фотография 1935 года*

метро пассажир будет зрительно воспринимать только вестибюли, станции и вагоны. Организовать эти элементы призвана архитектура, и она заняла в проектировке и строительстве московского метро такое видное место, какое ей не уделялось ни в одном метро мира»⁸⁷. Поэтому в оформлении станций участвовали известные зодчие — И.А. Фомин, Д.Н. Чечулин, В.Г. Гельфрейх, А.В. Шусев, А.Н. Душкин, Б.М. Иофан, Н.Я. Колли, выдающиеся художники и скульпторы — Е.Н. Лансере, В.А. Фаворский, А.А. Дейнека, П.Д. Корин, М.Г. Манизер, Е.В. Вучетич, В.И. Мухина,

*Наземный вестибюль станции «Охотный Ряд».
Архитекторы А.В. Шусев, Л.И. Савельев,
А.И. Старпан.*

Станция метро «Охотный Ряд»

*Стрелочный пост станции «Охотный Ряд».
Народный музей Московского метрополитена*

Схема линий первой очереди метрополитена

Демонстрация в честь пуска первой очереди

этих решений удостоились почетных дипломов на международных выставках и государственных премий СССР. На международной выставке в Париже (1937) станциям «Красные Ворота», «Сокольники», «Кропоткинская» присудили гран-при⁸⁹.

15 октября 1934 года началась обкатка одного пути на участке «Комсомольская» — «Сокольники»: был пущен пробный поезд, состоящий из двух вагонов — моторного и прицепного⁹⁰.

Достижения отечественной промышленности позволили уже при прокладке первой очереди метрополитена обойтись минимумом импорта. Вагоны строились на заводах в Мытищах, электрооборудование для них изготавливал завод «Динамо». Советские вагоны как по внешнему своему виду, так и по показателям пробного испытания не уступали иностранным⁹¹. Проблема возникла с эскалаторами, в СССР не выпускавшимися. Фирмы Karl Flohr и Otis запросили за свои поставки непомерную цену. Тогда «Метрострой» за 200 тысяч золотых рублей приобрел эскалатор у финской фирмы Kone, его разобрали и сняли чертежи, по которым организовали производство на заводах «Подъемник» в Москве и «Красный металлист» в Ленинграде.

В январе 1935 года основные работы на трассе первой очереди были закончены, 6 февраля в 4 часа утра группа метростроевцев — рабочих и инженеров — совершила первую поездку⁹². В тот же день пассажирами метро стали делегаты VII Всесоюзного съезда Советов. В 23 часа они собрались на станции «Крымская площадь» (проектное название станции «Парк культуры»), на нескольких поездах доехали до «Сокольников», пустившись в обратный путь, через ответвление на Арбатском радиусе домчались до «Смоленской», затем вернулись в центр, где у станции «Охотный Ряд» их ждали автобусы. На станциях поезда встречали советские и партийные руководители, среди которых были Н.С. Хрущев и Н.А. Булганин, велась киносъемка⁹³.

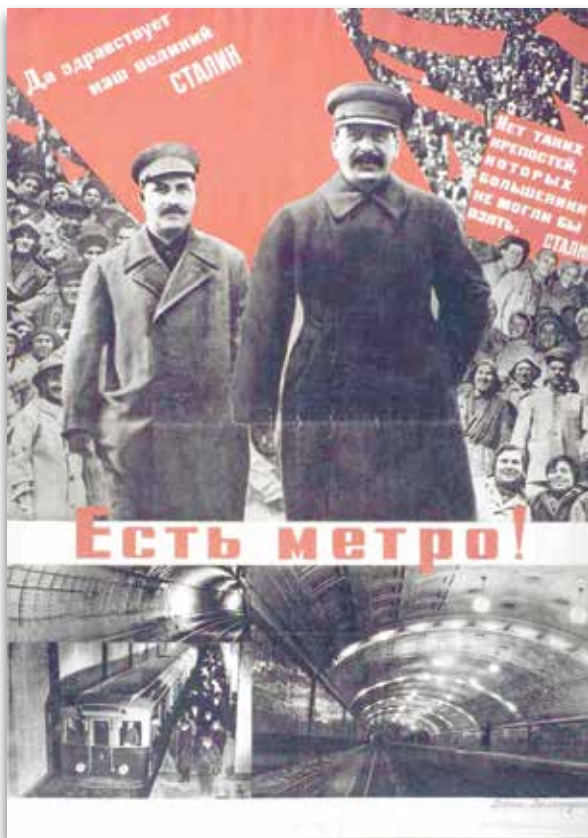
Н.В. Томский и другие. И. Ильф и Е. Петров всецело в духе времени писали: «Постройка метрополитена могла вначале показаться лишь созданием нового для Москвы вида транспорта. На самом деле она превратилась в целую метрополитеновскую эру. Ее великое содержание не только в том, что прорыты великолепные тоннели под землей, прорублены новые проспекты, возведены и возводятся монументальные здания на земле, а еще и в том, что вместе с булыжной мостовой исчезает и человеческий булыжник. Вместе с городом совершенствуются и люди, которые в нем живут. И это замечательное превращение есть самое главное, что заложено во всякой советской стройке»⁸⁸.

Декорируя станции, архитекторы, художники, скульпторы превращали их в великолепные дворцы. Неповторимость была возведена в принцип. Для каждой станции разрабатывалось собственное уникальное архитектурное решение. Авторы многих из

К 870-ЛЕТИЮ МОСКВЫ

В середине февраля метрополитен продемонстрировали делегатам проходившего в Москве съезда колхозников⁹⁴. 31 марта здесь побывал британский гость — лорд-хранитель печати Антони Иден⁹⁵. С 19 апреля до 15 мая ознакомительные поездки на метро совершили тысячи рабочих-ударников, 21 апреля с метрополитеном знакомились зарубежные военные атташе, а 22 апреля вечером в подземное путешествие в одном поезде с метростроителями отправились Сталин, Молотов, Каганович и Ворошилов⁹⁶. 1 и 2 мая движение поездов было остановлено и все станции открыты для желающих их осмотреть⁹⁷. В кинотеатрах шел документальный фильм «Есть метро!». Газеты публиковали эмоциональные письма москвичей и сообщения о митингах на московских предприятиях в честь предстоящего пуска метрополитена. «Миллионы трудящихся гордятся своим метро» — под таким заголовком вышла одна из передовиц «Рабочей Москвы». Другая статья на ту же тему называлась «Гордость нашей Родины»⁹⁸.

26 апреля 1935 года ЦК ВКП(б) и СНК СССР утвердили заключение Государственной комиссии по приемке первой очереди столичной подземки. 13 мая

В.Н. Дени, Н.А. Долгоруков.
Плакат «Есть метро!»

нарком путей сообщения Л.М. Каганович подписал приказ № 118/Ц «Об открытии нормального движения по линиям 1-й очереди Московского метрополитена» с 15 мая 1935 года. В тот же день наиболее отличившиеся метростроители удостоились правительственных наград: 37 человек получили орден Ленина, 13 — орден Красной Звезды, 32 — орден Красного Знамени. Почетными грамотами ЦИК СССР были отмечены 168 начальников шахт и дистанций, архитекторов, инженеров, бригадиров, рабочих-ударников⁹⁹. ЦИК СССР постановил: «В соответствии с желанием строителей метрополитена и московских партийных и советских организаций присвоить Московскому метрополитену имя тов. Кагановича Л.М.»¹⁰⁰

Открытие метрополитена стало для москвичей настоящим праздником. Всем хотелось увидеть подземные дворцы, спуститься и подняться по эскалатору. Движение на линиях первой очереди осуществлялось

К 870-ЛЕТИЮ МОСКВЫ

*Бумажные билеты Московского метрополитена.
1936–1961 годы*

с 7 часов утра до 1 часа ночи. В первый день услугами подземки воспользовались 350 тысяч пассажиров. Интервал между поездами составлял 5 минут на главном участке и 10 минут на ответвлениях¹⁰¹.

Грандиозная метростроевская эпопея завершилась в рекордно короткие сроки. Если в Берлине 11-километровая линия метро строилась (в основном открытым способом) шесть лет, в Токио 4-километровая — четыре года, в Нью-Йорке 20-километровая — семь лет, то для прокладки 11,5-километровой подземной трассы в Москве потребовалось всего три года. Ее пуск стал выдающимся достижением не только метростроителей, но и всей отечественной промышленности. Предприятия Ленинграда, Москвы, Подмоскovie обеспечивали поставку эскалаторов, моторов, вагонов, Кузнецкий металлургический завод выпускал рельсы, Чувашия и Север снабжали стройку лесом, с Волги и Северного Кавказа поступал цемент, из Баку — битум, из Карелии, Крыма, с Урала и Дальнего Востока — гранит и мрамор. На сооружение трассы первой очереди ушло 88 тысяч тонн металла, около 600 тысяч кубометров лесоматериалов, 330 тысяч тонн цемента, миллионы кубометров щебня, бута, гравия¹⁰². Общие затраты составили около 800 млн рублей¹⁰³.

Так через 60 лет после появления первых проектов внеуличного скоростного транспорта в Москве эта идея была блистательно воплощена в жизнь.

⁴³История железнодорожного транспорта России и Советского Союза. Т. 2. 1917–1945 гг. СПб., 1997. С. 102.

⁴⁴Лизин Е. Еще раз о метрополитене для г. Москвы // Коммунальное хозяйство. 1930. № 10. С. 46.

⁴⁵Правда. 1928. № 279. 1 декабря. С. 5.

⁴⁶Коробков Н.М. Метро и прошлое Москвы. М. — Л. 1935. С. 9.

⁴⁷Стенографическая запись беседы с техником Бедрицким. Б/д (1934?) (ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 7. Д. 266. Л. 106).

⁴⁸Стенографическая запись беседы с инженером Мышенковым. 31 августа 1934 г. (Там же. Д. 265. Л. 3).

⁴⁹Нойтати Д. Московское метро: от первых планов до великой стройки сталинизма (1897–1935). М., 2013. С. 65.

- ⁵⁰Правда. 1926. № 256. 2 ноября.
- ⁵¹Там же. 1928. № 261. 10 ноября.
- ⁵²Там же. 1928. № 273. 24 ноября.
- ⁵³О московском городском хозяйстве и о развитии городского хозяйства СССР. Резолюция по докладу т. Кагановича Л., принятая Пленумом ЦК ВКП(б) 15 июня 1931 года // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3. М., 1954. С. 120.
- ⁵⁴Стенограмма совещания комиссии Политбюро для разработки проекта резолюции о московском коммунальном хозяйстве 14 мая 1931 г. (РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 41. Л. 16.).
- ⁵⁵Рассказы строителей метро. М., 1935. С. 394.
- ⁵⁶Положение о государственном строительстве Московского метрополитена («Метрострой») (ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 24. Д. 9. Л. 55–59).
- ⁵⁷Метро. Сборник... С. 65.
- ⁵⁸Глубокое или мелкое заложение? // Метростроевец. 2011. № 18–19. С. 6.
- ⁵⁹Касаткин Г.С. Метрополитен: от первых задумок — к реальности // Локомотив. 1995. № 4. С. 21.
- ⁶⁰Метро. Сборник, посвященный пуску Московского метрополитена. М., 1935. С. 14.
- ⁶¹Родина. Иллюстрированная книга для чтения. М., 1939. С. 528.
- ⁶²Дни и годы «Метростроя». М., 1981. С. 44–45.
- ⁶³Отчет инспектора транспортной группы Назаровой 27 июля 1932 г. (ЦАГМ. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 437. Л. 10).
- ⁶⁴Метро. Сборник... С. 19.
- ⁶⁵Архитектура Московского метро. С. 26.
- ⁶⁶Политбюро. Решение № 133. 20 марта 1933 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 918. Л. 55–56).
- ⁶⁷Метро. Сборник... С. 21.
- ⁶⁸Нойтатц Д. Указ. соч. С. 117.
- ⁶⁹Рассказы строителей метро. С. 206.
- ⁷⁰Дни и годы «Метростроя». С. 22.
- ⁷¹Рабочая Москва. 1933. № 225. 27 сентября.
- ⁷²Комиссия МК ВКП(б) по подбору рабочей силы для «Метростроя». Протокол заседания от 8 января 1934 г. (ЦАГМ. Ф. 719. Оп. 9. Д. 20. Л. 1).
- ⁷³Рабочая Москва. 1934. № 8. 9 января.
- ⁷⁴Там же. 1934. № 9. 10 января.
- ⁷⁵Федорова Т.В. Наверху — Москва. М., 1981. С. 14.
- ⁷⁶Доклад о положении в комсомольской организации шахты 21–21 бис. 9 декабря 1934 г. (РГАСПИ. Ф. 1М. Оп. 3. Д. 129. Л. 188–189).
- ⁷⁷Стенограмма беседы с главным инженером Гертнером (ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 7. Д. 300. Л. 158).
- ⁷⁸Стенограмма беседы с комсомольцем Добрушиным, 3-я дистанция. 9 сентября 1934 г. (Там же. Д. 241. Л. 158). Отметим, что «за особые заслуги в мобилизации комсомольцев и комсомолок на строительство метро» МГК ВЛКСМ в 1935 г. был награжден орденом Ленина.
- ⁷⁹Заместитель начальника «Метростроя» Осколков. Конъюнктурный доклад по «Метрострою» за январь 1932 г. 9 февраля 1932 г. (Там же. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 162. Л. 5–8).
- ⁸⁰Хроника «Метростроя». [Б/д] (конец 1934 года?). (Там же. Д. 141. Л. 19).
- ⁸¹Рассказы строителей метро. С. 202.
- ⁸²Стенограмма совещания у Л.М. Кагановича. 15 ноября 1933 г. (РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 199. Л. 93–101).
- ⁸³Нойтатц Д. Указ. соч. С. 93.
- ⁸⁴Доклад о замене 150 грузовиков трамваями. 16 июля 1933 г. (ЦАГМ. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 679. Л. 34).
- ⁸⁵Метро. Сборник... С. 22.
- ⁸⁶Московский метрополитен: метро. М., 2005. С. 6–7.
- ⁸⁷Архитектура Московского метро. С. 37.
- ⁸⁸Дни и годы «Метростроя». С. 27.
- ⁸⁹История железнодорожного транспорта России и Советского Союза. Т. 2. С. 108.
- ⁹⁰Царенко А.П., Федоров Е.А. Московский метрополитен имени В.И. Ленина. Справочник-путеводитель. М., 1984. С. 4.
- ⁹¹Архитектура Московского метро. С. 35.
- ⁹²Рабочая Москва. 1935. № 31. 6 февраля.
- ⁹³Комсомольская правда. 1935. № 32. 8 февраля.
- ⁹⁴Рабочая Москва. 1935. № 40. 17 февраля; Комсомольская правда. 1935. № 41. 18 февраля.
- ⁹⁵Ударник «Метростроя». 1935. № 74. 1 апреля.
- ⁹⁶Рабочая Москва. 1935. № 94. 23 апреля.
- ⁹⁷Там же. 1935. № 104. 8 мая.
- ⁹⁸Там же. 1935. № 98. 28 апреля.
- ⁹⁹Там же. 1935. № 109. 14 мая.
- ¹⁰⁰Как мы строили метро. М., 1935. С. 9. С 1955 г. Московский метрополитен носит имя В.И. Ленина.
- ¹⁰¹Рабочая Москва. 1935. № 111. 16 мая.
- ¹⁰²По Москве. Краткий путеводитель. М., 1954. С. 178.
- ¹⁰³Как мы строили метро. С. 195.

Алексей Юрьевич Шаламов

«Сильный характер, энергия и решимость...»

**О путешественнике, а впоследствии московском полицейском
Федоре Леонтьевиче Эклоне (1857—?)**

**Участники третьей центральноазиатской экспедиции Н.М. Пржевальского.
Ф.Л. Эклон — крайний справа**

Его имя упоминается в связи с экспедициями Н.М. Пржевальского и В.И. Роборовского. О каждом из этих прославленных путешественников написано немало книг и статей, о Федоре же Леонтьевиче не было ни одной опубликованной работы. Постараемся исправить эту несправедливость.

Он родился в Петербурге в семье чиновника. Окончил Введенскую классическую гимназию. Трудился препаратором в Академии наук, где и познакомился с Н.М. Пржевальским. Недавно вернувшись из экспедиции по Центральной Азии

(1870—1873), Николай Михайлович искал помощников для следующего похода. Кандидатов он подбирал под стать себе: «Безусловно необходимы как крепость физическая, так и сила нравственная, цветущее здоровье, с одной стороны, а с другой — сильный характер, энергия и решимость: вот те качества, которые всего надежнее будут гарантировать успех предприятия. Вместе с тем, конечно, необходима научная подготовка, специальная хотя бы в некотором, но при хорошем умственном развитии вообще и при достаточном

знакомстве с различными отраслями предстоящих исследований. Далее, прирожденная страсть к путешествиям и беззаветное увлечение своим делом. <...> В дальнейших деталях своей личности путешественник должен быть отличным стрелком и еще лучше страстным охотником; не должен гнушаться никакой черной работой; <...> не должен иметь избалованных вкуса и привычек, ибо в путешествии придется жить в грязи и питаться чем Бог послал; не должен знать простуды, так как лето и зиме станет проводить на открытом воздухе; должен быть отличным ходоком; наконец, должен иметь ровный покладистый характер»¹ и не состоять в браке.

Перечисленным требованиям Ф.Л. Эклон отвечал, однако не являлся военным служащим. Пржевальский же считал, что научной экспедиции следует походить на воинское подразделение с жесткой армейской дисциплиной. Видимо, по его настоянию Федор Леонтьевич в 1875 году начал службу рядовым в 7-м гренадерском Самогитском полку. Через год Эклону присвоили звание унтер-офицера и в тот же день откомандировали в состав второй центральноазиатской экспедиции (1876–1877) Н.М. Пржевальского. Он оказался не только старшим, но и единственным помощником Николая Михайловича. В путешествии также участвовали несколько казаков и солдат, переводчик, проводники.

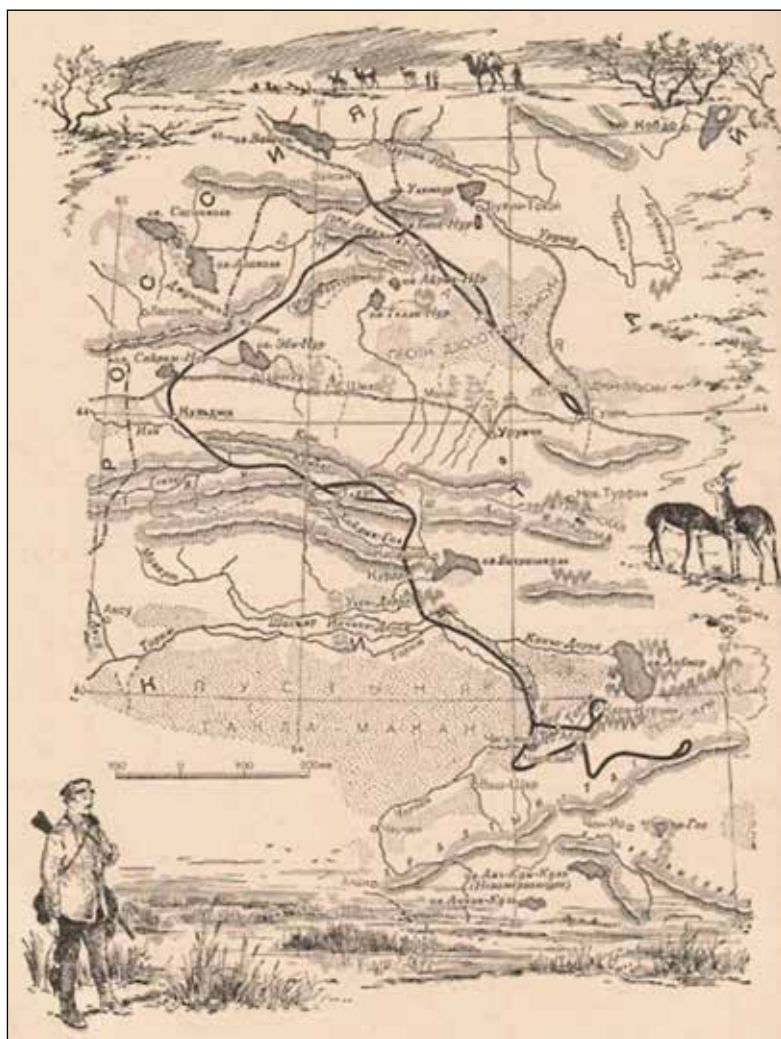
Николай Михайлович Пржевальский.
Фотография В. Класена

Всеволод Иванович Роборовский

Летом 1876 года экспедиция выступила из приграничного с Россией китайского города Кульджа, затем, преодолев отроги Тянь-Шаня, двинулась к озеру Лобнор. До тех пор ученые ничего не знали об этом водоеме, кроме того, что он существует где-то в пустынных песках Центральной Азии. Пржевальский и Эклон первыми из европейцев обследовали озеро. Далее отряд прибыл в Джунгарию — область, куда не ступала нога исследователя со времен Марко Поло. Там пришлось остановиться из-за болезни Николая Михайловича и временного ухудшения русско-китайских отношений, а вскоре и вернуться домой. Все участники экспедиции были награждены (Эклон — чином прапорщика). Позднее Пржевальский писал: «Для ее (экспедиции. — *А. Ш.*) начальника на первом плане должна стоять забота об удачном выборе спутников, в особенности своих помощников. И тем труднее такая задача, что, как известно, “в душу человека не влезешь”, а при фальши и маскировке нашей цивилизованной жизни весьма легко принять позолоченную медь за чистое золото. Поэтому удача выбора будет зависеть и от счастья. Я лично почти всегда был счастлив в выборе товарищей»².

В 1878 году Ф.Л. Эклон встретил в Петербурге своего гимназического одноклассника В.И. Роборовского. Тот окончил Гельсингфорское юнкерское училище

*Карта второй
центральноазиатской
экспедиции
Н.М. Пржевальского*

*Серебряная медаль
«За походы
в Средней Азии»*

*Участники третьей
центральноазиатской
экспедиции
Н.М. Пржевальского*

и служил прапорщиком в Новочеркасском пехотном полку. Впоследствии Всеволод Иванович вспоминал: «Увлекательные рассказы [Эклон] о путешествиях в Средней Азии так заинтересовали меня, что во мне загорелось сильное желание испытать самому все то, о чем я слушал с таким любопытством, и я просил его познакомить меня с Николаем Михайловичем»³. Эклон знакомство устроил. Роборовский понравился Пржевальскому и был приглашен в состав следующей экспедиции, что предопределило всю его дальнейшую судьбу.

В 1879 году в путь отправилась третья центральноазиатская экспедиция Пржевальского. Старшим помощником в ней являлся Эклон, младшим — Роборовский. Другие участники: препаратор — отставной унтер-офицер Андрей Коломейцев, переводчик Абдул-Басид Юсупов, трое солдат и пятеро забайкальских казаков. Главной целью был таинственный Тибет. Пржевальскому и его людям пришлось пробиваться с боями через земли тангутских племен. Николай Михайлович высоко оце-

нивал моральные и физические качества спутников: «Их не пугали ни страшные жары и бури пустыни, ни тысячевёрстные переходы, ни громадные, уходящие за облака горы Тибета, ни леденящие там холода, ни орды дикарей, готовые растерзать нас»⁴.

В глубь Тибета исследователей, однако, не пропустили по приказу далай-ламы. Тогда экспедиция повернула к верховьям реки Хуанхэ. В 1880 году отряд вышел к пограничному российскому городу Кяхте. Хотя достигнуть столицы Тибета не удалось, путешественники смогли собрать

Карта третьей центральноазиатской экспедиции Н.М. Пржевальского

множество сведений, в том числе полезных для военного ведомства на случай ведения боевых действий в Центральной Азии. 24-летнему Ф.Л. Эклону император Александр I «по всеподданнейшему докладу об особых трудах и лишениях, понесенных в экспедиции полковника генерального штаба Пржевальского, пожаловал пожизненную пенсию по 200 рублей ежегодно и чин подпоручика»⁵. Позже Федор Леонтьевич удостоился серебряной медали

«За походы в Средней Азии» (1899) и «всемиловитейшего зачитания ему за военный поход времени, проведенного в экспедиции Н.М. Пржевальского в Центральной Азии» (1903)⁶.

В четвертую центральноазиатскую экспедицию Пржевальский старшим помощником опять пригласил В.Л. Эклона, младшими помощниками — подпоручика В.И. Роборовского и вольноопределяющегося П.К. Козлова. Однако отряд в 1883 году

покинул Петербург без Федора Леонтьевича, который отчислился из экспедиции, собравшись жениться. Так он отказался от стези путешественника в пользу семейной жизни.

* * *

Эклон вернулся в полк. Его ждала обычная карьера армейского офицера. В 1886–1888 годах он служил при штабе 2-й гренадерской дивизии, затем снова в полку. В 1885-м стал поручиком, в 1890-м — штабс-капитаном и командиром роты, в 1895-м получил орден Святого Станислава 3-й степени, в том же году перевелся в запас армейской пехоты и поступил в штат московской полиции. Через три месяца его назначили младшим, а еще через два месяца — старшим помощником участкового пристава (говоря по-современному, начальника районного отделения полиции).

В 1900–1917 годах Ф.Л. Эклон заведовал 3-м полицейским участком Рогожской части. Служба была хлопотной, а порой и весьма опасной. Храбрости, терпения и выносливости требовалось не меньше, чем в экспедициях. Ежемесячно через участок проходило примерно полторы сотни уголовных и административных дел, а также дела по циркулярному (общероссийскому) розыску наиболее опасных преступников. Эклон действовал и на международном уровне (поимка британской подданной Сары Гард, занимавшейся в России вербовкой женщин для южноамериканских публичных домов)⁷.

Еще беспокойней жизнь стражей закона становилась во время приездов в Первопрестольную членов императорской фамилии, высокопоставленных иностранных делегаций, проведения крупных торжеств. При этом применялись меры особой предосторожности. Следить за их соблюдением должна была в том числе и участковая полиция. Например, когда в Москву ожидалась депутация буров⁸ (1900), Эклон получил предписание пресекать «встречи, чествования и всякие овации по отношению к гостям»⁹.

Все служебные обязанности и поручения Федор Леонтьевич выполнял тщательно и ответственно. Это вообще являлось его отличительной чертой. Вскоре он заслужил репутацию одного из самых умелых московских полицейских офицеров среднего звена. Эклона произвели в чин капи-

Орден Благородной Бухары

тана. Ему были пожалованы орден Святой Анны 3-й степени, две медали (в память царствования Александра III и в память коронации Николая II), болгарский орден Святого Александра 5-й степени, орден Благородной Бухары (Бухарская Золотая Звезда) 1-й степени, две личные высочайшие награды — золотые запонки с изображением короны и золотые часы.

В числе лучших московских полицейских Федора Леонтьевича командировали в Саров, где в 1903 году проходили торжества по случаю канонизации и обретения честных мощей преподобного Серафима Саровского. На празднество собралось огромное количество паломников со всей страны. Сложность задачи по поддержанию порядка усугублялась тем, что в монастырь прибыл император Николай II

*Николай II несет раку с мощами
преподобного Серафима Саровского.
19 июля 1903 года*

в сопровождении супруги Александры Федоровны и матери Марии Федоровны. Один из участников события оставил следующее описание: «Бесконечные вереницы паломников потянулись к святой обители. Скоро монастырский двор был наполнен; тысячи народа должны были оставаться вне монастырских стен. Повсюду в монастыре и за монастырем — море голов. Почти все стояли с зажженными свечами. Но гуще всего было занято пространство по предположенному пути шествия святых мощей преподобного. Тут с той и другой стороны были расположены разного рода увечные, болящие, недугующие»¹⁰.

празднеств — орден Святого Станислава 2-й степени.

В начале Русско-японской войны (1904–1905) полиция организовывала мобилизацию воинов запаса. И, как всегда, участок Ф.Л. Эклон действовал образцово. Также Федор Леонтьевич помогал военно-медицинским учреждениям Красного Креста, за что удостоился медали этой организации «В память Русско-японской войны».

После окончания боевых действий правительство приняло программу по восстановлению и развитию сильно пострадавшего в войну флота. Эклон участвовал в координации сбора добровольных по-

Страстная площадь. Открытка начала XX века

Наиболее напряженным для полиции выдалось 18 июня — день общения императора с народом. Тот же очевидец свидетельствует: «Он нередко появлялся то там, то здесь: в пределах монастырского двора и вне монастыря. <...> Нередко к нему подходила группа крестьян. Образовывался круг, в центре государь»¹¹. Все это время Ф.Л. Эклон находился возле августейших особ, готовый в любой момент предотвратить могущую возникнуть опасность. В итоге торжества прошли без сколько-нибудь крупных происшествий. За обеспечение охраны членов императорской семьи Федор Леонтьевич получил подарок из кабинета Его величества — золотой перстень, а за контроль над общим порядком в ходе

жертвований и был награжден нагрудным знаком организовавшего эту работу Особого комитета.

Самые тяжелые времена для московской полиции настали в годы первой русской революции (1905–1907). Бюстители закона, охранявшие порядок на улицах, действовали бок о бок с военными. Наряды армии и полиции располагались в ключевых точках города, где ожидалась антиправительственные выступления. Ф.Л. Эклон со своими людьми в течение трех месяцев находился в доме Чижова на Страстной площади (теперь это застроенное место между нынешней Пушкинской площадью и Настасьинским переулком).

Баррикады на улицах Москвы во время декабрьского восстания 1905 года

Напряжение в Москве быстро нарастало. Революционные партии начали формирование вооруженных отрядов. Полицейские документы сообщали о «хулиганах, шляющихся толпами по улицам и наводящих панический страх на малодушных граждан». Инструкция полицейским чинам предписывала «не допускать ни под каким предлогом никаких сборищ и всякое сборище немедленно окружать нарядом и отводить в ближайший двор»¹². Забастовщики требовали закрытия всех предприятий, угрожая их хозяевам, поэтому полиция не спускала глаз с наиболее важных для жизнеобеспечения города объектов. Действовать приходилось молниеносно. Когда, например, забастовали служащие при водоразборных будках, их тут же заменили подчиненными полиции ночными сторожами.

17 октября 1905 года был обнародован Манифест об усовершенствовании государственного порядка. Ожидались волнения. Московские полицейские получили на вооружение пулеметы. Эклон с особым нарядом стоял на Страстной площади. Он располагал кроме полицейских приданными четырьмя ротами пехоты и полусотней казаков — сила немалая. Какие чувства обу-

ревали тогда Федора Леонтьевича — нам остается только предполагать. Ведь на сей раз ему предстояло не обороняться от враждебно настроенных тибетских аборигенов, а стрелять по соотечественникам. О его конкретных поступках в складывавшейся обстановке судить мы можем также лишь предположительно, из этой обстановки исходя. Она же была такова.

Полицейские вели борьбу на трех фронтах. Левые опубликование манифеста сочли признаком слабости правительства и решили максимально активизироваться с целью насильственного захвата власти. Правые пытались подавить революционное движение путем опять же насилия. Кроме того, пользуясь беспорядками, в городе разгулялась уголовщина.

Первое время полиция пыталась, согласно предписанию, действовать в духе манифеста — «на началах действительной неприкосновенности личности, свободы слова, собраний и союзов»¹³. 18 октября вышли на свободу все подвергнутые ранее административному аресту, в том числе за уличные беспорядки. Фактически правительство предложило революционерам заключить «гражданский мир», но те предложение не приняли.

По отношению к черносотенцам московские власти тоже сперва были настроены миролюбиво. Градоначальник генерал-майор барон Г.П. Медем 18 октября разослал полицмейстерам и приставам телеграмму: «Внушить всем околоточным и городовым, чтобы они в случаях патриотических манифестаций не оказывали сопротивления и, наоборот, способствовали бы охранению порядка»¹⁴. Однако черносотенные демонстрации заканчивались погромами еврейских домов, избиениями студентов и иностранцев, особенно поданных Великобритании, которых демонстранты считали главными врагами России. Поэтому вскоре полиция получила приказ: «Принять все зависящие от вас меры к недопущению по улицам шествий

*Федор Васильевич Дубасов,
московский генерал-губернатор
в 1905–1906 годах*

<...>, хотя бы с выражением патриотических чувств <...>, довольно этих выражений — пора перейти к мирной жизни, столь необходимой для обывателей и полиции. Оградить всех от насилий»¹⁵. Повсюду расклеили объявления московского градоначальника: «Лихие люди во что бы то ни стало желают породить смуту и вызвать междоусобицу в Москве, для чего <...> призывают честный народ к насильственным действиям против крамольников. Только злейший враг земли Русской может взывать к таким преступным действиям. Предупреждаю, что с настоящими крамольниками — сам слажу, но распра-

вы, да еще под таким кощунственным знаменем, не допущу»¹⁶. Полиция установила «неослабное наблюдение» за студенческими общежитиями и «всеми жилищами мирных еврейских граждан в ограждение как их личностей, так и имущества от насилий и погрома»¹⁷.

В результате предпринятых мер к ноябрю напряжение в городе постепенно спало. Но тут революционеры перешли в новую атаку. 9 декабря в Москве началось вооруженное восстание боевых отрядов левых партий — большевиков, меньшевиков, эсеров и анархистов. С построенных баррикад, из фабрично-заводских зданий и жилых домов повстанцы вели обстрел войск и полиции. Количество боевиков достигало 6000 человек, в то время как численность московской полиции по штату составляла 3125 человек. Солдаты большинства частей московского гарнизона не хотели участвовать в подавлении восстания: сказывалась развернувшаяся в среде военнослужащих революционная пропаганда, да и решиться стрелять в народ было нелегко. Полицейским из кремлевского арсенала дополнительно выдали винтовки и патроны. Градоначальник вменил в обязанность приставам следующее: «Внушить городовым и сторожам не трогать патронов даром. Их надо беречь, стараясь, чтобы каждый выстрел приносил действительный урон мятежникам»¹⁸. Против восставших применяли пулеметы и артиллерию. К местам баррикадных боев, кроме отрядов войск и полиции, высылали пожарные команды, чтобы тушить многочисленные возгорания и ликвидировать завалы. При полицейских участках из горожан формировались «вольные дружины», которые первоначально намеревались использовать лишь для разборки баррикад, но людей не хватало, и московский генерал-губернатор генерал-адъютант Ф.В. Дубасов приказал снабдить дружинников револьверами и резиновыми палками.

Перелом наступил 15–16 декабря, когда в Москву прибыли войска из Петербурга и Варшавы. Опорные пункты революционеров уничтожались один за другим. Городские районы последовательно очищались от боевиков. 18 декабря восстание завершилось, но еще три дня после этого войска и полиция проводили обыски и задержания.

К началу 1906 года жизнь в городе постепенно стала входить в мирное русло, хотя ситуация еще долго оставалась нестабильной. В частности, нападения на блюстителей закона продолжались. Полицеймейстер 4-го отделения Москвы генерал Будберг рекомендовал участковым приставам: «Обратите внимание на то, чтобы чины участка не ходили бы поодиночке и наблюдали бы особую осторожность при выходе своем из квартир и возвращении домой»¹⁹.

Такова в 1905–1906 годах была обстановка, в которой Ф.Л. Эклон, судя по всему, действовал решительно и эффективно, поскольку после описанных событий его произвели в подполковники.

Служба продолжалась. Дважды Ф.Л. Эклон обеспечивал порядок и безопасность в дни крупных государственных торжеств, за что был награжден медалями в память 100-летия Отечественной войны 1812 года и в память 300-летия царствования дома Романовых. В 1912-м ему вручили орден Святой Анны 2-й степени. В начале Первой мировой войны Федор Леонтьевич опять участвовал в мобилизационных мероприятиях и удостоился медали «За труды по отличному выполнению всеобщей мобилизации 1914 года»

Тогда на волне вызванного войной патриотического подъема многие россияне, имевшие немецкие или звучащие на немец-

Медаль «За труды по отличному выполнению всеобщей мобилизации 1914 года»

кий лад фамилии, поменяли их. Ф.Л. Эклон, получив на то высочайшее соизволение, стал именоваться Федором Леонтьевичем Леонтьевым. В 1915 году его вновь наградили — на сей раз орденом Святого Владимира 4-й степени. А в 1917-м уволили от должности приказом комиссара Временного правительства по городу Москве в связи с расформированием прежней российской полиции. Что с ним случилось далее, когда и как он умер — неизвестно...

¹Пржевальский Н.М. Как путешествовать по Центральной Азии // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XXXII. СПб., 1888. С. 143–144.

²Там же. С. 148.

³Николай Михайлович Пржевальский в 1878–1888 гг. Воспоминания В.И. Роборовского // Русская старина. 1892. Т. 73. Кн. 1. С. 218.

⁴Пржевальский Н.М. Третье путешествие в Центральной Азии. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. СПб., 1883. С. 469.

⁵ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 46. Оп. 42. Д. 42. Л. 43.

⁶Там же. Л. 44 об.

⁷Там же. Ф. 475. Оп. 17. Д. 985. Л. 189.

⁸Буря — жители ЮАР и Намибии европейского происхождения. Во время Второй Англо-бурской войны (1899–1902) мировая общественность следила за ее ходом, пре-

имущественно выражая сочувствие бурям. Тогда в России большую известность получила песня «Трансвааль, Трансвааль, страна моя, ты вся горишь в огне...» Однако московские власти прием депутации буров решили провести со всей возможной сдержанностью, чтобы избежать восторженных эксцессов со стороны встречающих горожан.

⁹ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 475. Оп. 17. Д. 985. Л. 141.

¹⁰Боцановский В. Саровские торжества. N.Y., 1950. С. 12.

¹¹Там же. С. 11.

¹²ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 475. Оп. 19. Д. 114. Л. 9, 73.

¹³Там же. Л. 98.

¹⁴Там же. Л. 77.

¹⁵Там же. Л. 91.

¹⁶Там же. Л. 66.

¹⁷Там же. Л. 87.

¹⁸Там же. Л. 222.

¹⁹Там же. Л. 231.

Вера Леонидовна Кошелева

«Таких изделий не видел мир...»

О русском камнерезном искусстве XVIII—XIX веков

К.А. Ухтомский. Виды залов Нового Эрмитажа. Зал Колыванской вазы

Отечественное камнерезное искусство указанного периода — подлинная гордость России. Вот как писал о нем минералог А.Е. Ферсман: «Нельзя забыть эти <...> колоссальные чаши и вазы из алтайских и уральских яшм, таких изделий не видел мир, перед ними бледнели чудесные изделия эпохи Возрождения»¹. В постановлении жюри Всемирной выставки в Лондоне (1851) говорилось по поводу русских яшмовых ваз: «Мы не думаем, чтобы столь грандиозные и так хорошо сделанные

произведения были когда-либо исполнены со времен греков и римлян»². Слово развивая эту мысль, исследователь XX века Н.Я. Савельев отмечал: «В отличие от греков и римлян, русские камнерезы сочетали с мастерством технику и создали народную промышленность из камнерезного искусства. В этом русские люди не только значительно превосходили искусство античного мира, но и опередили все мировое камнерезное производство»³. Наши камнерезы освоили обработку как мрамора

Петергофская шлифовальная фабрика

и малахита, так и твердых пород цветных камней — яшмы, порфира, брекчии, изготавливая из них колоссальные колонны, обелиски, вазы, чаши, торшеры, камины...

Начиналась же «народная камнерезная промышленность»⁴ с маленькой «шлифовальной мельницы», которую Петр I приказал устроить в Петергофе по чертежу шлюзного мастера Питера Фонгезеля в 1721 году⁵. Как предполагают историки, государь собственноручно положил «первый камень в основание мельницы»⁶. Впоследствии она выросла в целую фабрику. Тамошние мастера работали с камнем, привозимым сначала из-за границы, а затем с Урала и Алтая. Крупногабаритный материал тяжело было транспортировать на столь далекие расстояния, поэтому про-

изводство ограничивалось мелкими и средними изделиями⁷. Среди выдающихся петергофцев того времени — механик Морев, родоначальник целой династии камнерезов. К нему домой частенько «для советов» наведывался сам император.

* * *

Важную роль в развитии камнерезного дела сыграл сподвижник Петра I В.Н. Татищев⁸, основатель Екатеринбурга и металлургического завода на реке Исеть⁹. Находясь на Урале, он тщательно собирал сведения о природных богатствах края, в том числе о драгоценных и цветных поделочных камнях — агате, сердолике, мраморе, малахите, яшме. В 1725 году Василий Никитич отправился в Швецию, где ему удалось, несмотря на отказы властей, нанять мастера гранильных дел поручика Христиана Рефа. По условиям заключенного на пять лет договора, швед обязывался не только разыскивать «узорчатые камни», резать их и гранить, но и учить этому искусству уральцев. Однако за время пребывания в России Реф ничего годного, кроме горного хрусталя, не нашел, и ничего выдающегося в художественном отношении не произвел. В архивных документах упоминаются несколько его учеников, в частности, Матвей Несенцов — «один

*Ваза. Байкальский лазурит.
Петергофская шлифовальная фабрика. 1852 год*

*Ваза. Орская яшма.
Петергофская шлифовальная фабрика. 1803 год*

Василий Никитич Татищев

из первых уральских гранильщиков, уже ко встрече со шведом обладавший немалым опытом»¹⁰. Кстати, многие самоучки Урала задолго до приезда Рефа могли извлекать из земли драгоценные и поделочные камни и гранить их. Они работали сначала на примитивных станках в деревнях, затем в кустарных мастерских, среди которых наиболее крупной являлась екатеринбургская, ставшая впоследствии знаменитой гранильной фабрикой.

Тем временем продолжал строиться Петербург, куда в большом количестве требовался камень для отделки дворцовых фасадов и интерьеров. Удовлетворить эти запросы уральцы с имеющейся у них весьма несовершенной технической оснасткой были не в состоянии. Изготовить же станки для распиловки и шлифовки мрамора Реф и присланный на Урал в 1738 году немец

Иоганн Рейнер оказались неспособны — последнего в 1746-м и вовсе «по незнанию устройства машин» уволили¹¹. Пришлось нашим умельцам до всего доходить своим умом: через год механик Никита Бахарев (1705—?)¹² докладывал президенту Берг-коллегии, что вододействующие механизмы для обработки мрамора построены и пущены в ход. В дальнейшем новые станки ввел в эксплуатацию ученик Бахарева Иван Иванович Сусоров (1721—1760). Им помогали «каменного дела подмастерье Кирилл Шагов, каменного дела ученик Иван Хапаков и гранильщик Матвей Несенцов»¹³.

* * *

Во второй половине XVIII века лидером по художественной отделке мрамора стала Екатеринбургская гранильная фабрика. Изделия ее работников украсили в Петербурге Зимний и Мраморный дворцы, Смольный монастырь, здания Петергофа. Когда возводились постройки Царского Села, заказ на 2000 мраморных плит достался голландскому купцу Кесселю, но две из них

Мраморный дворец в Санкт-Петербурге. Внутренний двор (вверху) и общий вид. Уральский мрамор. XVIII век

*«Сибирская галерея»
в Царском Селе.
Уральский мрамор.
1771–1776 годы*

* * *

забраковал зодчий — Бартоломео Растрелли, который предпочел мрамор, обработанный уральцами. Мраморный мостик через Царскосельский пруд — «Сибирскую галерею» создавали в 1771–1776 годах по проекту архитектора В.И. Неелова камнерезы уральского Горнощитского завода. Историк искусства В.Б. Павловскому удалось установить имена мастеров, которые не только выполнили все детали этого изысканного сооружения, но и прибыли с далекого Урала, чтобы установить их на месте: Григорий Семенов, Прокопий Бороздин, Иван Иванов, Иван Григорьев, Петр Петровский, Федор Шахмин¹⁴.

В совершенстве освоив художественную обработку мрамора, уральцы перешли к твердым породам цветных поделочных камней. Особенно их привлекала яшма, обширные месторождения которой были открыты на Южном Урале.

Яшма — ценный поделочный материал, многоликий по цвету и рисунку: «полосатая», «копейчатая», «волнистая», «струйчатая»... Недаром академик А.Е. Ферсман писал: «Я не знаю другого минерального вида, который был бы более разнообразен по своей окраске, чем яшма. Все тона, за исключением чисто синего, нам известны

*А.М. Васнецов.
Тайга на Урале.
Синяя гора.
Холст, масло.
1891 год*

*Камень «Петр I». Орская яшма.
Екатеринбургская гранильная фабрика.
Около 1800 года.
Государственный Эрмитаж*

В.П. Петров. Вид Екатеринбурга. 1789 год

Екатеринбургская гранильная фабрика

в яшме, и переплетаются они иногда в сказочную картину»¹⁵. При этом яшма, в отличие от мрамора, из-за высокой твердости с трудом поддается обработке. На работу с крупной формой уходили годы и даже десятилетия. Камень доставляли с каменоломни на фабрику, где начиналась его обесечка пилами с использованием абразива — наждака. Чтобы «скруглить» глыбу, ее помещали во вращающуюся трубу, стесывающую углы, далее железными терками и брусками придавали ей окончательные очертания, после чего шлифовали и полировали.

Днем начала обработки на Урале твердых цветных камней можно считать 8 декабря 1751 года, когда И.И. Сусоров впервые испытал изобретенную им машину¹⁶. Под руководством Ивана Ивановича уральские мастера в 1752–1754 годах работали над изготовлением чарок и подносов различной формы из темно-зеленой яшмы, осваивая нелегкую задачу «выемки нутра» из камня. В 1769 году Екатеринбургская гранильная фабрика уже выпускала небольшие круглые чаши. В 1777-м там создали два великолепных обелискообразных торшера из розово-красного орлеца (родонита) с включением коричневых и черных полос и пятен (оба сегодня находятся в Эрмитаже).

С 1780-х годов фабрика полностью переходит на изготовление изделий из твердых камней (больших декоративных ваз, чаш, торшеров, столешниц, каминов), которыми декорировали дворцы Санкт-Петербурга, Москвы, других русских и зарубежных городов¹⁷. Нужно отметить, что западноевропейские камнерезы XVIII века, в отличие от наших, избегали производства чаш и ваз из яшмы.

На рубеже XVIII–XIX столетий Василий Евстафьевич Коковин (1760–1818) и его сын Яков (1787–?)¹⁸ стали применять новые механизмы для художественной обработки твердых камней, многократно увеличившие производительность труда. Кроме того, В.Е. Коковин изобрел «надносную машину» для рельефной резьбы по камню, с помощью которой изготовил четыре вазы (ныне — в Павловском дворце-музее и в Эрмитаже). Камнерезам запрещалось ставить подпись на своих произведениях, но Василий Евстафьевич скрыл автограф в месте соединения ножки с вазой — его обнаружили только в 1956 году. Изделия выполнялись по рисункам именитых архитекторов и скульпторов, однако выбор материала, способ обработки оставались за мастерами, из чьих рук выходили шедевры, занявшие со временем достойное

ИЗ ИСТОРИИ РЕМЕСЕЛ

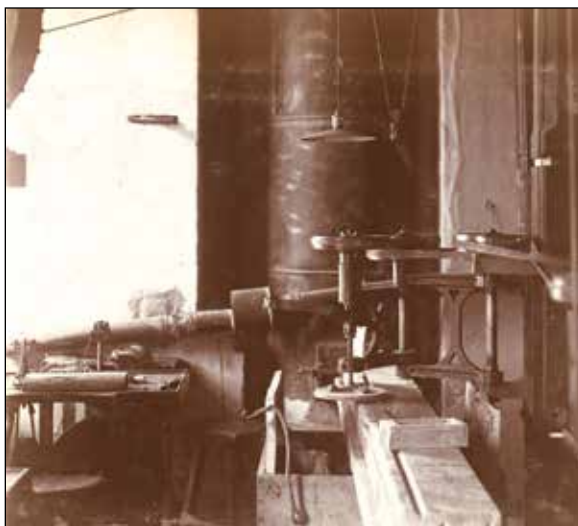
*На Екатеринбургской гранитной фабрике. 1909 год.
Черно-белые репродукции с фотографий С.М. Прокудина-Горского*

Шлифовка изделий из камня

Полировка орлеца

Машины для распиливания (слева) и шлифовки и полировки камней

место в крупнейших музеях¹⁹. Вот, например, одна из чаш 1807–1809 годов, созданная по эскизу А.Н. Воронихина из серо-зеленой яшмы²⁰. Камень здесь срезан не вдоль или поперек слоистости (что легче и удобнее), а под углом; в итоге впечатление такое, будто серо-зеленые волны переливаются через края чаши и стекают вниз. Знаток уральских яшм Г.Н. Матюшин справедливо отмечал: «Камень <...> подобран настолько искусно, что это мог сделать только большой художник»²¹. Или ваза, изготовленная из листовенита (невьянского мрамора) по рисунку скульптора С.И. Гальберга. В период, когда огромной популярностью стал пользоваться уральский малахит (1830–1840-е годы), неизвестные народные мастера вырезали ма-

лахитовую вазу колоссальных размеров. В 1827–1833 годах Я.В. Коковин выполнил две вазы яйцевидной формы из аушкульской яшмы: черные и бурые прожилки на палевом фоне создают иллюзию золотистого ковра осенней листвы, а благодаря искусной полировке кажется, будто на листьях сверкают капли дождя.

* * *

Расцвету у нас камнерезного искусства в первой половине XIX века во многом способствовал выдающийся государственный деятель и меценат граф Александр Сергеевич Строганов (1733–1811). До него дети крепостных уральских мастеров обучались в Екатеринбургской геометрической школе, основанной В.Н. Татищевым (1723). Здесь

Чаша из калканской яшмы. Фрагмент

*Мастер Г.Ф. Налимов. Чаша. Калканская яшма.
Екатеринбургская гранильная фабрика.
1829–1851 годы. Государственный Эрмитаж*

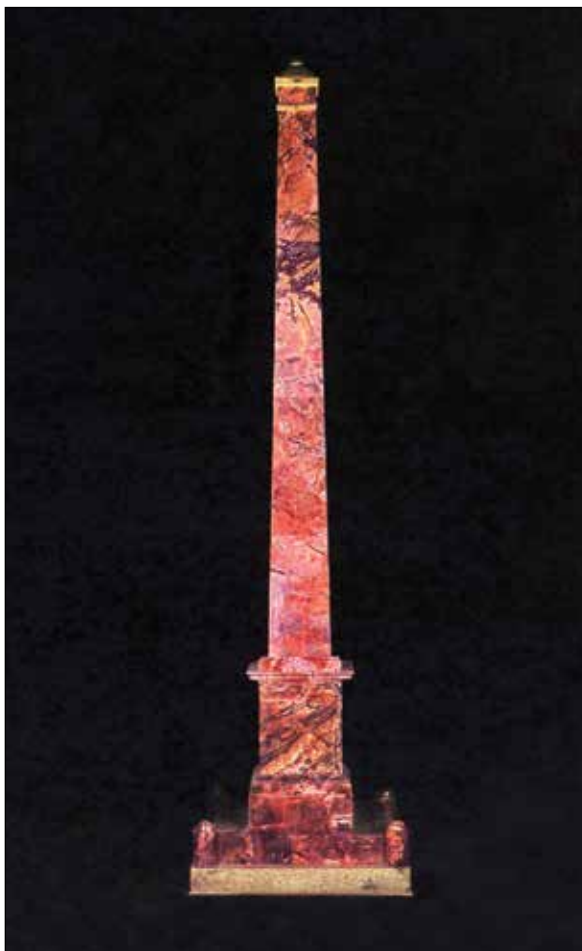
А.Г. Варнек. Портрет Александра Сергеевича Строганова. Фрагмент

ИЗ ИСТОРИИ РЕМЕСЕЛ

Изделия Екатеринбургской гранильной фабрики

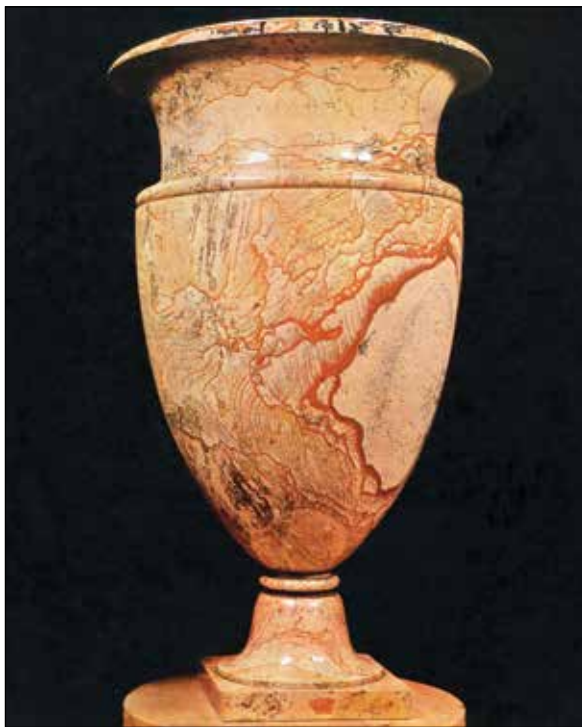
*Мастер Я.В. Коковин. Торшер. Орлец.
1833 год. Государственный Эрмитаж*

*Обелиск. Орлец.
1777 год. Государственный Эрмитаж*

*Большая ваза. Уральский малахит.
1841–1843 годы.
Государственный Эрмитаж*

*Мастер Я.В. Коковин. Ваза.
Палевая аушкульская яшма. 1827–1833 годы.
Государственный Эрмитаж*

*Торшер из серо-зеленой калканской яшмы.
Фрагмент*

*Мастер Г.Ф. Налимов. Торшер.
Серо-зеленая калканская яшма. 1848–1858 годы.
Государственный Эрмитаж*

преподавали не только грамоту, но и рисование, черчение, живопись. А.С. Строганов значительно поднял уровень образования в школе, посылал особо талантливых юношей в Академию художеств. В их числе оказался упоминавшийся выше Я.В. Коковин.

В 1806 году он окончил два академических класса — медальерный и скульптурный, удостоившись за оказанные успехи золотой медали и «первой степени аттестата», освобождения от крепостной зависимости, чина 14 класса и назначения на стажировку

*Я.В. Коковин.
Рисунок вазы из белого мрамора.
Бумага, акварель. 1820-е годы*

*Мастер В.Е. Коковин. Ваза.
Калканская яшма. 1805–1809 годы.
Государственный Эрмитаж*

*Мастер Я.В. Коковин. Ваза.
Яшма. 1816 год*

в «чужие края». За границу, однако, уралец не попал из-за начавшихся наполеоновских войн и в 1807 году вернулся в Екатеринбург. Помимо прочего он создал по собственному рисунку вазу из калканской яшмы, на которой получил право выгравировать надпись: «Екатеринбург. 1816. Под руководством мастера Коковина». Выполняя обязанности главного художника, главного мастера (с 1818 года) и командира (1826–1835) Ека-

теринбургской гранильной фабрики, Яков Васильевич занимался ее переустройством, установкой новых механизмов, поиском месторождений драгоценных и цветных камней²². Вместе с тем он почти 18 лет руководил организованным при фабрике «классом резного и орнаментального искусства». Автограф его лучшего ученика, Гаврилы Фирсовича Налимова (1807–1867), можно встретить на многих предметах, находящихся в Эрмитаже. Среди них — большая овальная чаша из серо-зеленой калканской яшмы, покрытая обильной резьбой в виде акантовых листьев и виноградных лоз. Работал Налимов над этой вазой, вызвавшей фурор в Петербурге, с 1829 по 1851 год. Другую гигантскую вазу, выполненную под началом Гаврилы Фирсовича в 1835–1842 годах и, напротив, лишенную рельефных

*Под руководством мастера Г.Ф. Налимова.
Чаша. Таганайский авантюрин.
1835–1842 годы.
Государственный Эрмитаж*

*Чаша. Невьянский лиственит. 1835 год.
Государственный Эрмитаж*

украшений, называют «одним из лучших изделий из [таганайского] авантюрина, сделанных на Екатеринбургской фабрике»²³. Благородство и монументальность произведению придает искусно найденное соотношение диаметра и высоты. Золотистые тона переходят в красновато-розовые, рождая впечатление восходящего солнца. Восхищают посетителей Эрмитажа два одинаковых торшера из серо-зеленой калканской яшмы с рожками золоченой бронзы наверху. Тонкие точеные стержни украшены каннелюрами и резными листьями. Гравированная надпись гласит: «Екатеринбург. Работа начата в 1848 году, кончена 1858-м. Мастер Г. Налимов». Один из этих шедевров экспонировался на Всемирной выставке в Лондоне (1862), где получил первую премию.

П.П. Верещагин. Камень, писанный на реке Чусовой. 1877 год

* * *

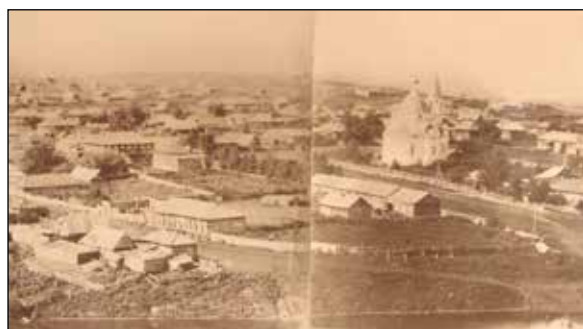
Произведения уральских умельцев пользовались успехом и на других зарубежных выставках — Парижской (1867), Венской (1873), Чикагской (1893)... Там представлялись также изделия Колыванской шлифовальной фабрики, основанной Филиппом Васильевичем Стрижковым (1769—1811), которого по праву называли «гением камня» и о котором стоит сказать особо.

В 1786 году в скалистом Коргонском ущелье Алтая поисковая партия открыла крупные залежи порфиоров и яшм. Туда из Петергофа направили мастера-камнереза Петра Бакланова, каменодельного подмастерья Михайлу Денисова и камнеломца Андрея Голбина. Им предстояло построить при Локтевском медеплавильном заводе «шлифовальную мельницу», руководить добычей и обработкой крупных монолитов цветных камней, а также обучать камнерезному искусству юношей, «знающих грамоте, проворных, понятливых, расторопных, летами не менее пятнадцати»²⁴. В числе этих юношей был Ф.В. Стрижков.

Родившийся в семье потомственного мастерового, он начинал промывальщиком на Змеиногорском руднике. Здесь любознательного парнишку заметил выдающийся изобретатель-механизатор в области горнозаводского дела Козьма Дмитриевич Фролов (1726—1800) и перевел его учеником в Змеиногорскую горнозаводскую школу, а далее Стрижков оказался на Локтевском заводе у Петра Бакланова. В 1791 году после смерти учителя Филипп Васильевич, успевший к тому времени освоить

Колывань. Гравюра середины XIX века

Вид на Колывань с северной стороны. XIX век

Колыванская шлифовальная фабрика

*Управляющий Колыванской
шлифовальной фабрикой
П.А. Ивачев с семьей*

*Мастера-камнерезы
Колыванской шлифовальной
фабрики Тит Трофимович
(сверху) и Александр Титович
Воротниковы*

*Семья мастера-камнереза
Колыванской фабрики.
XIX век*

все премудрости профессии, возглавил производство. В 1793-м он подал управляющему заводом проект «сверлительной машины», с помощью которой можно было изготавливать вазы, чаши и пьедесталы со значительно меньшими трудозатратами и потерями материала по сравнению с ручной обработкой. Устройство приводилось в действие силой водоналивного колеса. Для проверки машины выбрали два камня одинаковой величины и формы — риддерскую брекчвидную яшму. Из них получились две чаши. Стрижков на своей машине изготовил одну за 26 дней, другую ручным способом обрабатывали 10 месяцев. В 1794 году обе вазы доставили в Петербург. Сегодня они стоят в Павловском дворце, вызывая восхищение посетителей строгой формой, зеркальной полировкой и изумительным сочетанием зелено-розовой риддерской брекчии и се-

ро-фиолетового коргонского порфира (пьедестал). Признанием высокого мастерства Ф.В. Стрижкова стало пожалованное ему дозволение подписывать свои изделия.

Маленькая Локтевская шлифовальная мельница находилась слишком далеко от крупных месторождений цветного камня. В 1798 году Филипп Васильевич начал работать над проектом новой Колыванской шлифовальной фабрики. По составленным им чертежам и под его непосредственным руководством в 1801-м уже вблизи месторождений было построено двухэтажное фабричное здание. В 1802-м фабрика заработала; Ф.В. Стрижкова назначили ее управляющим. Все станки приводились в действие одной центральной машиной, сконструированной Стрижковым. Вращение передавалось к ним посредством расположенных под полом валов. Вместо

А.Л. Ганжинский.
Алтайские
камнерезы

Река Коргон

прежних «тарелочных» и «бочечных» зубчатых колес были применены более надежные и эффективные «колеса косого сада» и зубчатые «репчатые». С помощью рычагов те или иные станки могли включаться и отключаться от общей системы передаточного механизма без его остановки. Как следствие, «если в 1793 году [Ф.В. Стрижков] в один месяц обеспечил выполнение работы, требовавшей 10 месяцев, то в 1802 году за пять месяцев сделал <...> то, что после 1793 года делали в течение полутора лет. В целом в период с 1793 по 1802 год он повысил производительность

Камнерезы за работой

труда в камнерезном производстве на 3600 процентов»²⁵. Своим опытом мастер делился с учениками — младшим братом Николаем Васильевичем и Михаилом Осиповичем Ивачевым, будущими родоначальниками известных алтайских династий камнерезов, потомки которых трудились на Колыванской шлифовальной фабрике в течение XIX и XX столетий (Окуловы, Воротниковы, Голубцовы, Кошкаревы, Мурзинцевы, Поднебесновы, Тихоновы).

Фабрика специализировалась на изготовлении крупных предметов. Если в конце XVIII века размеры основных видов ее продукции исчислялись в вершках, то после 1802 года — в аршинах. С 1786 по 1889 год здесь создали 886 изделий²⁶. Почти половина их (40%) была выполнена из порфира различных цветов, остальные — из яшм и брекчий.

ИЗ ИСТОРИИ РЕМЕСЕЛ

Изделия Колыванской шлифовальной фабрики

*Мастер Ф.В. Стрижков. Ваза.
Большереченский порфир. 1803 год.
Государственный Эрмитаж*

*Мастер П. Бакланов. Ваза.
Коргонская копейчатая яшма. 1789 год.
Павловский дворец-музей*

*Мастер Ф.В. Стрижков.
Чаша круглая.
Риддерская брекчия. 1794 год.
Павловский дворец-музей*

В Государственном Эрмитаже хранится около 100 работ камнерезов Колыванской шлифовальной фабрики. Автором более десятка шедевров является Ф.В. Стрижков. Особую ценность представляет изготовленная им в 1803 году ваза из темно-вишневого большереченского порфира²⁷, богато украшенная золоченой бронзой. В 1805-м по собственному проекту Филипп Васильевич выполнил овальную чашу из светло-серого с фиолетовым оттенком коргонского порфира. Главное в этом произведении — природная красота камня, которую подчеркивает строгая и благородная форма; бронзовые детали есть лишь на ножке и основании пьедестала; имеющаяся гравировка извещает: «Колыванских заводов. 1805. М. Ф. Стрижков» (буква «М» означает «мастер»). Последнее изделие Ф.В. Стрижкова, законченное в год смерти, — овальная чаша из коргонского порфира высотой 183 и шириной 195 сантиметров по эскизу художника-архитектора И.И. Гальберга. Эскиз изображал олицетворяющих злые вулканические силы природы химер, поднимающих из недр земли прекрасный цветок, символизирующий изобилие. Мастер-камнерез внес в замысел изменения — добавил в центре бронзовую ножку в виде стебля, а черно-фиолетовую порфиоровую вазу поставил

*Проект А.Н. Воронихина.
Мастер Ф.В. Стрижков. Чаша круглая.
Коргонский порфир. 1811 год.
Государственный Эрмитаж*

на бронзовый цилиндрический пьедестал. Тем самым «химеры <...> оказались в плену у распутившегося цветка изобилия. <...> Цветок распустится и, лишив чудовище света и пищи, погубит этот символ зла»²⁸.

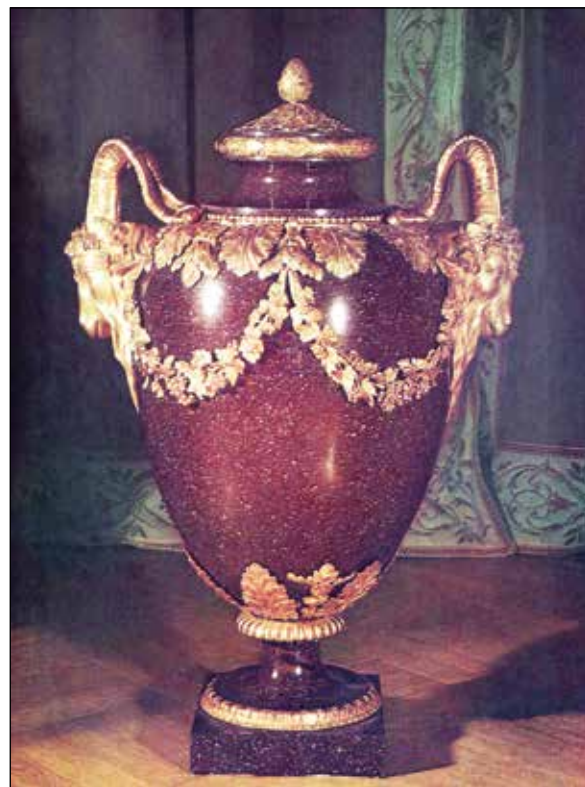
* * *

После кончины Ф.В. Стрижкова управляющим Колыванской фабрикой был назначен опытный механик Михаил Сергеевич Лаулин (1775—1835), сохранивший заложенные предшественником традиции. Ученики Филиппа Васильевича осуществляли надзор за обделкой изделий и подготовкой камнерезов (М.О. Ивачев), разрабатывали зелено-волнистую яшму на горе Ревневой (П.М. Коновалов), добывали каменные монолиты в ущелье реки Коргон (И.С. Колычев).

В 1820 году М.С. Лаулин построил новый фабричный корпус площадью 350 квадратных метров, оборудованный приспособлениями для изготовления сложных «колоссальных вещей». Здесь алтайские камнерезы создали самую крупную в мире чашу из ревневской яшмы — «царицу vaz» (ширина — 506, высота — 258 сантиметров, вес — свыше 11 тонн). Гигантский монолит яшмы, найденный на склоне горы Ревневой, обсекали на месте вручную в течение года (1829—1830). Чтобы доставить его

*Мастер П. Бакланов. Ваза.
Хаир-куминская брекчия. 1788 год.
Государственный Эрмитаж*

*Мастер П. Бакланов. Ваза.
Коргонский порфир. 1789 год.
Павловский дворец-музей*

*Г.К. Тарский.
Доставка
монолита
на Колоссальную
шлифовальную
фабрику
для изготовления
«царицы ваз»
в 1831 году.
1956—1959 годы*

*Под
руководством
мастеров
И.М. Ивачева,
И.С. Колычева,
И.М. Коновалова.
Колоссальная
чаша
(«царица ваз»)
Ревневская
яшма.
Колыванская
шлифовальная
фабрика.
1831—1843 годы.
Государственный
Эрмитаж*

* * *

на Колыванскую фабрику, с рудников и ближайших селений собрали 1000 человек. Груз успевали перемещать всего на полверсты в сутки. В итоге весь путь (32 версты) занял 2 месяца. Когда глыбу втащили в корпус «колоссальных вещей», за дело взялись 60 мастеров-камнерезов под началом И.М. Ивачева и П.М. Коновалова. На все про все — от первой грубой обработки до изготовления украшений — ушло 12 лет напряженного труда²⁹. В феврале 1843 года изделие отправилось в Петербург. До пристани на реке Чусовой «царицу ваз» везли на сани, впрягши в них более сотни лошадей, затем перегрузили на баржу. По Чусовой, Каме, Волге, Шексне и далее по рекам Мариинской водной системы судно достигло берегов Северной столицы только в августе. Потребовалось 770 рабочих, чтобы доставить вазу во внутренний двор Зимнего дворца. Там она находилась, пока шло строительство Нового Эрмитажа, куда ее водворили только в 1849 году³⁰.

После отмены крепостного права камнерезные фабрики, использовавшие преимущественно дешевый подневольный труд, оказались нерентабельными. Количество заказов резко сократилось. Но русские мастера-камнерезы, преодолев все трудности, смогли сохранить эту уникальную отрасль художественной промышленности до наших дней.

Иллюстрации из книг:

Ефимова Е.М. Русский резной камень в Эрмитаже. М., 1961;

Павловский Б.В. Декоративно-прикладное искусство промышленного Урала. М., 1975;

Родионов А.М. Колывань камнерезная. Барнаул, 2002;

Савельев Н.Я. Алтайские камнерезы. Барнаул, 1985;

Ферсман А.Е. Рассказы о самоцветах. СПб., 2014.

¹Ферсман А.Е. Рассказы о самоцветах. СПб., 2014. С. 49.

²Матюшин Г.Н. Яшмовый пояс Урала. М., 1977. С. 77.

³Савельев Н.Я. Сыны Алтая и Отечества. Ч. I. Барнаул, 1985. С. 168–169.

⁴Ферсман А.Е. Указ. соч. С. 49.

⁵Исследователи Н.И. Влодавец, А.Е. Ферсман, В.К. Макаров, Е.М. Ефимова и многие другие датировали основание Петергофской шлифовальной фабрики 1725 годом. Однако архивные находки В.Е. Ардикуцы доказали, что в действительности это произошло в 1721 г. (см.: Ардикуца В.Е. Одна из первых гранильных фабрик России // Советский архив. 1970. № 4. С. 108–109).

⁶Шарубин Н.Г. Очерки Петергофа и его окрестностей. СПб., 1868. С. 51.

⁷Об истории Петергофской фабрики и выпущенных ею изделиях подробно см.: Влодавец Н.И., Ферсман А.Е. Государственная Петергофская гранильная фабрика в ее прошлом, настоящем и будущем. Пг., 1922. Поскольку архив фабричного музея погиб в годы Великой Отечественной войны, сегодня «безоговорочно можно атрибутировать только небольшую часть памятников, вышедших из стен этой фабрики» (Мавродина Н.М. Искусство русских камнерезов XVIII–XIX веков. СПб., 2007. С. 7–8).

⁸Татищев Василий Никитич (1686–1750) — государственный и политический деятель, автор многотомного труда «История Российская». В 1720–1722 и 1734–1737 гг. был руководителем горнозаводского производства на Урале.

⁹Официальной датой основания Екатеринбурга считается 7 (18) ноября 1723 г., когда начала работать первая очередь казенного металлургического завода на реке Исеть, построенного также по инициативе В.Н. Татищева.

¹⁰Павловский Б.В. Декоративно-прикладное искусство промышленного Урала. М., 1975. С. 42.

¹¹Там же. С. 43.

¹²Исследователи проделали огромную работу по восстановлению имен русских камнерезов. Списки мастеров Петергофской, Екатеринбургской и Колыванской фабрик см.: Мавродина Н.М. Указ. соч. С. 393–395, 502–535; Павловский Б.П. Камнерезное искусство Урала. Свердловск, 1953. С. 133–148; Родио-

нов А.М. Колывань камнерезная. Барнаул, 2002. С. 299–310.

¹³Семенов В.Б., Шакинко И.М. Уральские самоцветы. Из истории камнерезного и гранильного дела на Урале. Свердловск, 1982. С. 16.

¹⁴Павловский Б.П. Камнерезное искусство Урала. С. 31.

¹⁵Ферсман А.Е. Рассказы о самоцветах. М., 1957. С. 160.

¹⁶Семенов В.Б., Шакинко И.М. Указ. соч. С. 18.

¹⁷Об отечественных изделиях из камня, оказавшихся за границей, см.: Мавродина Н.М. Указ. соч. С. 538–559.

¹⁸Точная дата смерти Я.В. Коковина неизвестна. Называются 1835, 1838, 1840 гг. Последнее прошение Якова Васильевича датируется 9 декабря 1839 г. (см.: Семенов В.Б., Шакинко И.М. Указ. соч. С. 77).

¹⁹Например, в Государственном Эрмитаже находится крупнейшая коллекция, насчитывающая 378 произведений из цветного камня.

²⁰У искусствоведов нет единого мнения относительно места изготовления этой чаши. Одни считают, что она создавалась на Екатеринбургской гранильной фабрике, другие называют Петергофскую шлифовальную фабрику (ср.: Ефимова Е.М. Русский резной камень в Эрмитаже. М., 1961. С. 18–19; Мавродина Н.М. Указ. соч. С. 94–96).

²¹Матюшин Г.Н. Указ. соч. С. 96.

²²Я.В. Коковин открыл первое в России месторождение изумруда и наждака.

²³Павловский Б.В. Декоративно-прикладное искусство... С. 108.

²⁴Родионов А.М. На крыльях ремесла. М., 1988. С. 98.

²⁵Савельев Н.Я. Указ. соч. С. 142.

²⁶Он же. Изделия алтайских камнерезов за время с 1786 по 1889 год // Краеведческие записки. Вып. 1. Барнаул, 1956. С. 222.

²⁷О создании Ф.В. Стрижковым этой вазы см.: Родионов А.М. На крыльях ремесла. С. 143–145.

²⁸Савельев Н.Я. Указ. соч. С. 178.

²⁹Обо всех этапах работы камнерезов над «царицей ваз» более подробно см.: Мавродина Н.М. Указ. соч. С. 343–348.

³⁰Буданов С.М. «Царица ваз» // Декоративное искусство СССР. 1974. № 11. С. 46–47.

Дмитрий Александрович Урушев

Тишинка

Страницы прошлого

Тишинская площадь. Конец 1930-х годов

«Края Москвы, края родные», кто только не воспевал вас! А.Н. Островский и И.С. Шмелев — Замоскворечье, Б.Ш. Окуджава и Ю.П. Казаков — Арбат, В.С. Высоцкий — Большой Каретный... Но множество московских улиц, переулков, площадей, дворов так и не попало в рассказы, стихи, пьесы. Среди них и моя малая родина — Тишинка. Постараюсь, насколько смогу, хотя бы частично исправить эту несправедливость.

Народный топоним «Тишинка» обозначает Тишинскую площадь, Большой, Средний и Малый Тишинские переулки.

Часто Тишинкой называют вообще округу площади со всеми близлежащими улицами и переулками. (Кстати, в начале XX века площадь иногда именовали Сенной: там продавали фураж.)

В книге «Имена московских улиц» (М., 1979) говорится, что, поскольку площадь и переулки «возникли в малонаселенной местности, отдаленной от городского движения и шума», они получили название Тишина. Я думаю иначе: в XVII веке здесь текли речки Пресня и Синичка, располагались пахотные земли ямщиков Тверской слободы и «новое сель-

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ МОСКОВСКОГО СТАРОЖИЛА

*В начале XX века
Тишинскую площадь
иногда называли Сенной:
здесь торговали фуражом*

цо» царя Федора Алексеевича Воскресенское. В нем государь устроил летний дворец с домовою каменною церковью, садом и «потешным двором» (зверинцем), катался на лодке на местных прудах, ловил рыбу. Образованные там Потешинские переулки со временем превратились в Тешинские, потом в Тишенские и, наконец, в Тишинские.

В начале XVIII столетия в Воскресенском появляются грузины, а в 1725 году

*Армянский храм Богородицы
(Сурб Аствацацин),
сносенный в 1920-х годах*

*Храм Святого великомученика
Георгия Победоносца в Грузинах*

*Церковь Василия Великого
на Тверской-Ямской*

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ МОСКОВСКОГО СТАРОЖИЛА

селится сам царь Картли Вахтанг VI. Вынужденный бежать с родины от турецких и персидских захватчиков, он обрел кров в Москве. Вместе с ним в Белокаменную последовала его свита — три тысячи человек, в числе которых были не только грузины, но и армяне. Так началась история Грузинской слободы, в просторечии — Грузин. Сейчас ее границы прослеживаются по Грузинскому и Пресненскому валам, Большой и Малой Грузинским улицам, Грузинскому и Зоологическому (бывшему Георгиевскому) переулкам.

Армяне прежде возвели в Воскресенском церковь — Сурб Аствацацин (Святой Богородицы). Случилось это в 1716–1719 годах. Судя по всему, изначально церковь была деревянной, а в 1830 году ее сменила каменная. В 1920-х годах церковь снесли. Ныне на этом месте — жилой дом (Большая Грузинская улица, 20).

В 1750 году сын Вахтанга VI Георгий Вахтангович, генерал-аншеф русской армии, построил в слободе деревянную же Георгиевскую церковь. В 1779-м она сгорела, в 1792-м была возобновлена в камне, затем перестраивалась, расширялась; сохранилась до наших дней (Большая Грузинская улица, 13).

При одной из этих церквей (сведения разнятся) существовал небольшой погост. На нем с начала XVIII века хоронили

представителей обрусевшего армянского купеческого рода Лазаревых. В 1815 году потомки перенесли захоронения на армянское кладбище в селе Новое Ваганьково, где воздвигли храм Сурб Арутюн (Святого Воскресения). Кстати, Лазаревы владели недвижимостью на Тишинке еще в начале XX века.

* * *

В первой трети XIX века Тишинка представляла собой глухую окраину с деревянными домиками, трактирами, огородами, садами, банями и прудами. Здесь жили русские, грузины, армяне, а на углу Садового кольца и нынешней улицы Красина обитали оседлые цыгане. Сегодня мало кто помнит или знает, что некогда улица Красина называлась Живодеркой (в книге «Имена московских улиц» находим другое название — Староживодерная). В конце XIX века В.А. Гиляровский писал о ней как о «населенном мастеровым людом, извозчиками, цыганами и официантами» месте, шумном «и днем и ночью». Писатель С.П. Подъячев изображал такую картину: «С Живодерки, <...> грязной, вонючей, узкой, плохо освещенной, часто неслись по ночам отчаянные вопли: “Ка-а-раул! Гра-а-бют!”». Злоумышленники обирали и убивали извозчиков, съезжавшихся к фуражной палатке на Тишинской площади. Оттого улица и получила

*Тишинская
площадь, б.
Фотография
конца
1920-х годов*

столь «кровожадное» название. Впрочем, историки объясняют топоним иначе: когда-то улица Красина шла по Живодерной слободе, жители которой занимались убоем скота и разделкой туш.

А.С. Пушкин не раз бывал на Живодерке, захаживал в знаменитый трактир Глазова послушать пение цыган. Об этом вспоминал писатель Петр Кузьмич Мартынов (1827–1899). Семилетним ребенком он увидел «брюнета невысокого роста, с небольшими баками, в шинели с капюшоном и шляпой на голове». Ожидая экипаж, поэт «спустился с крыльца и пошел вглубь двора. У перил, окаймлявших берег пруда, на котором стояли бани, он остановился и начал смотреть на отражавшуюся в воде луну, деревья и строения. <...> Затем Пушкин сел в коляску, товарищи за ним. Цыгане, окружая экипаж, просили скорей приезжать опять к ним».

Владелец трактира — стряпчий (судебный чиновник) В.М. Глазов — обитал в собственном доме в Грузинах; принадлежащие ему трактир и бани находились на обширном земельном участке возле Тишинской площади. Сейчас на их месте располагаются жилые дома по переулку Красина и торговый центр «Тишинка». А нынешняя Васильевская улица некогда была Глазовским переулком.

Пушкин наведывался на Тишинку не только ради цыган. В 1830 году он навещал помутившегося рассудком поэта К.Н. Батюшкова, сестра которого сняла для страдальца деревянный домик на Большой Грузинской улице. Здесь Константин Николаевич жил под наблюдением доктора Дитриха, состоя на попечении своей родственницы Е.Ф. Муравьевой — матери декабристов Никиты и Александра Муравьевых. Историк М.П. Погодин свидетельствовал о больном: «Лежит почти неподвижный. Дикие взгляды. Взмахнет иногда рукою, мнет воск. И так лежит он два месяца. Боже мой! Где ум и чувство? Одно тело чуть-чуть живое. Страшно!» Когда Пушкин вошел в комнату к Батюшкову, тот не узнал старого знакомого.

* * *

Из достопримечательностей Тишинки отметим местный рынок. Мои детские впечатления о нем смутны. Помнится что-то сутолочное, шумное и пахучее. Отчетливо вижу точильщика ножей. В фартуке и кеп-

Тишинский рынок

ке, он ногой управляет своим нехитрым станком. Вертится точильный круг, во все стороны летят искры...

Вокруг рынка всегда царило оживление. В пестрой толпе выделялись необычной яркой внешностью ассирийцы. Они появились на Тишинке во время Первой мировой войны. В 1914 году проживавшие в Османской империи ассирийцы-христиане, надеясь на поддержку Антанты, подняли восстание против господства турок-мусульман. Помощь не пришла, восстание было подавлено. Погибли сотни тысяч ассирийцев, десятки тысяч выживших бежали в Россию. Так в Москве образовалась крупная ассирийская община. Ее представители занимались ремонтом и чисткой обуви; принадлежавшая им большая обувная мастерская располагалась возле Тишинского рынка. Старожилы до сих пор вспоминают ассирийские свадьбы, многолюдные и громкие, с игрой на барабанах и дудках. Рассказывают, музыка играла и на ассирийских похоронах.

В 1965 году на рынке торговали герои комедии Л.И. Гайдая «Операция Ы и другие приключения Шурика» в исполнении Ю.В. Никулина, Г.М. Вицина и Е.А. Моргунова. В 1982-м там же сбывал «чужуйские дыни» сыгранный О.В. Басилашвили Платон Рябинин из фильма Э.А. Рязанова «Вокзал для двоих». Кроме того, в 1962-м на Тишинке М.М. Хуциев снимал сцену

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ МОСКОВСКОГО СТАРОЖИЛА

*Тишинская
площадь.
Кадр из фильма
«Застава
Ильича
(Мне
двадцать
лет)»*

танцев для своей картины «Застава Ильича (Мне двадцать лет)». Только указанные ленты и запечатали старый рынок, ныне не существующий. Таким образом, Тишинку можно назвать кинозвездным местом. При этом проживающими в нем знаменитостями район, в отличие, например, от улиц Тверской или Арбата, богат не был. В доме № 12 по Большому Тишинскому переулку имел квартиру писатель И.В. Можейко — прославленный фантаст, всем известный как Кир Булычев (иногда статьи в журналах он подписывал псевдонимом «Б. Тишинский»). В доме № 3 по Среднему Тишинскому переулку жила актриса театра и кино, заслуженная артистка РСФСР Т.К. Окуневская, в доме № 10 по Среднему Кондратьевскому переулку — народный артист СССР А.Б. Джигарханян, в доме № 6 на Тишинской площади (дом кооператива «Военный строитель») — генерал-майор инженерных войск, изобретатель противотанкового «ежа» М.Л. Гориккер с сыном Владимиром Михайловичем, режиссером театра и кино, и супругой последнего — оперной певицей, солисткой Большого театра, народной артисткой РСФСР Г.В. Олейниченко.

Мне из числа известных личностей Тишинки наиболее интересны примадонна московской оперетты Татьяна Яковлевна

Бах (1895—1983) и самобытный поэт Иван Васильевич Шамов (1918—1965).

О заслуженной артистке РСФСР Т.Я. Бах я уже имел удовольствие писать

*Татьяна Яковлевна Бах
в оперетте «Вольный ветер».
1950-е годы. РГАЛИ*

Иван Васильевич Шамов

в журнале «Русский мир.ru» (2016. № 1). Отсылаю читателя к этой публикации, здесь же лишь напомним, что Татьяна Яковлевна жила в доме № 15 по Большому Тишинскому переулку, и еще раз посетую на несправедливость судьбы: некогда знаменитая на всю страну певица сегодня практически забыта, а ее записи утеряны.

Имя И.В. Шамова тоже кануло в Лету, а ведь в 1950-х годах песню на его стихи «Костры горят далекие» распевала вся страна. Несомненно, этот человек достоин отдельной статьи. Задумав ее, я посетил Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), где обнаружил письма Ивана Васильевича к М.В. Исаковскому, Б.А. Мокроусову, Л.О. Утесову, другим лицам. Некоторые из этих писем я процитирую ниже в своем по необходимости кратком рассказе.

И.В. Шамов родился в селе Хлыстово Моршанского уезда Тамбовской губернии. В 1937 году окончил Моршанский библиотечный техникум, затем учился в Московском библиотечном институте; в 1940-м ушел с последнего курса и стал курсантом Батайской военной школы пилотов, о чем впоследствии сожалел, чув-

ствуя себя недоучкой: «Это моя главная ошибка в жизни, что бросил институт, променяв на авиацию» (из письма критику С.Л. Львову).

Во время Великой Отечественной войны Иван Васильевич служил в авиаполку. В 1947 году у нового самолета, который осваивал Шамов, отказал двигатель. Машина разбилась, а летчик, получив перелом позвоночника, стал инвалидом. Намыкавшись по госпиталям, он оказался в Москве. Сначала проживал в Измайлово, потом получил однокомнатную квартиру в Малом Тишинском переулке, 20 — здесь и провел остаток дней. Его верной спутницей и помощницей была жена Наталья Федоровна. О ней Шамов с любовью писал М.В. Исаковскому: «Только с Наташей <...> моя жизнь и возможна. Она за мной и ухаживает, и поддерживает в грустные минуты. Она для меня все. Без нее я вообще неспособен буду жить».

Сломленный телесно, бывший пилот не пал духом. Наперекор всем невзгодам он остался «в боевом строю»:

*Пусть недуг свинцовым грузом в теле,
Не желаю людям быть в обузу.
И сейчас, прикованный к постели,
Я служу Советскому Союзу!*

Еще лежа на госпитальной койке, Иван Васильевич стал пробовать себя в поэзии и позже признавался все тому же С.Л. Львову: «Оказывается, начать писать куда страшнее, чем, например, прыгнуть первый раз с парашютом. <...> Прыгнуть в бездну, в пустоту с тверди крыла куда легче, чем вот начать мараить бумагу и сочинить что-нибудь достойное людей».

Впервые стихотворения И.В. Шамова удостоились публикации в 1949 году и в дальнейшем неоднократно печатались не только в газетах и журналах, но и выходили отдельными сборниками. Однажды однопольчане поэта послали композитору Б.А. Мокроусову письмо с просьбой навесить их друга, послушать сочиненные им стихи и, возможно, какой-то из них положить на музыку. Борис Андреевич откликнулся и побывал у Шамовых на Тишинке. Так родилась песня:

*Костры горят далекие,
Луна в реке купается,
А парень с милой девушкой
На лавочке прощается...*

Семья Беликовых. 1930 год

* * *

Конечно, Тишинка дорога мне не знаменитостями, а тем, что она для меня — малая родина. В начале 1920-х годов здесь появился мой прадед Павел Дмитриевич Беликов — тульский крестьянин, занимавшийся извозом. Впрочем, он не постоянно жил в Москве, иногда возвращаясь в родные края в Веневский уезд Тульской губернии. В 1928-м, если верить семейному преданию, Павел Дмитриевич с матерью Екатериной Кузьминичной (отец, Дмитрий Сергеевич, умер раньше), братом Семеном, сестрой Анной, супругой Анастасией Ивановной, сыном Сергеем, дочерьми Александрой и Марией навсегда перебрался в столицу.

Туляки еще застали старозаветную Москву. Моя бабушка помнила, например, Страстной монастырь на Тверской, снеженный в 1937 году, торговавших булками монахинь.

Семья получила комнату в доме №8 по Большому Тишинскому переулку. Во время Великой Отечественной войны, когда немцы совершали авианалеты, Екатерина Кузьминична в бомбоубежище, слишком далеко (на станции метро «Маяковская») располагавшееся, не ходила. Лишь

Мой дом

Наш двор

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ МОСКОВСКОГО СТАРОЖИЛА

однажды она решилась отправиться туда — и именно на сей раз бомба угодила в дом Беликовых.

После войны семья прадеда жила в том же переулке в доме № 13, строение 1. Тишайший уголок Москвы: одно- и двухэтажные деревянные строения, булыжная мостовая, старые липы, трамвай «Аннушка», кинотеатр «Смена», дровяные сараи, водоразборные колонки, голубятни... Уничтожение этой старомосковской благодати началось при Хрущеве и завершилось лишь в 1980-х годах. Моя мама, свидетельница разорения, рассказывает, как в начале 1970-х сносили добротные деревянные дома в Малом Тишинском переулке.

Автор статьи во дворе на Тишинке. 1978 год

Моя мама с детьми и снеговиком

ке. Возле одного из сломанных зданий она нашла старинный адрес: «Владелец — купец Ульянов. 1870 год». В 1960 году снесли и прадедушкин дом. Сейчас на его месте — здание посольства Республики Польша.

Летом 1958 года мамины родители Терентий Кондратьевич и Александра Павловна получили комнату в коммунальной квартире в доме № 14/16 по Малому Тишинскому переулку. Мне хорошо помнится наша трехкомнатная коммуналка на четвертом этаже. Кухня была с «холодильником» — подоконным шкафчиком для хранения продуктов (имелся, впрочем, и настоящий холодильник). Гладили большими чугунными утюгами, которые грели на плите. Ими же, кстати, кололи орехи. В комнате находились и другие вещи из прежнего быта — керосиновая лампа, патефон...

А в 1979 году мы переехали в новую квартиру на окраине. И началась новая жизнь.

Литература, не указанная в тексте:

Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 3. СПб., 1890.

Вересаев В.В. Пушкин в жизни. Т. 2. М., 1936.

Гиляровский В.А. Избранное. Т. 3. М., 1960.

Паламарчук П.Г. Сорок сороков. Т. 3. Москва в границах 1917 года. М., 1995; Т. 4. Окраины Москвы. Инославие и иноверие. М., 1995.

Подъячев С.П. Моя жизнь. М., 1934.

Алексей Петрович Назарьев

Ерофеич, жженка, лампопо

Об этих старинных русских напитках

*П.П. Кончаловский. В трактире. Холст, масло. 1925 год.
Государственный Русский музей*

Многие некогда популярные на Руси «пития» (алкогольные и нет) сегодня забыты. Чтобы убедиться в этом, достаточно открыть любое кулинарное дореволюционное издание и найти там рецепт, например, «бишофа» или «шиповки Маседуан». И это не только зафиксированные в литературе наименования. Существовало огромное множество местных напитков, которые «сочинялись» стихийно, пользовались какое-то время спросом, а затем уходили в небытие. Сегодня восстановить старинные рецепты пробуют энтузиасты — каждый на свой лад.

О некоторых таких напитках, давно исчезнувших из обихода (а если и оставшихся, то лишь в качестве экзотики), — наш рассказ.

* * *

Считается, что ерофеич был крепким (70–73 градуса) настоем на травах напитком. Употребляли его по рюмочке-другой перед обедом для аппетита. Одна из версий происхождения ерофеича гласит, что настойка появилась еще при Петре Великом и что готовил ее фельдшер или подлекарь (помощник врача) по имени Иван Ерофеич. Другую версию приводит писатель, ученый, мемуарист А.Т. Болотов. Когда граф Алексей Григорьевич Орлов сильно занедужил, помочь ему смог не иностранный доктор, а один иркутский мужичок. Про себя он рассказывал, что бывал в Китае, где обучился лекарскому искусству; возвратившись на родину, попал в рекруты, служил фельдшером, а пос-

ле был определен к Академии наук, откуда его Орлову и рекомендовали. Представ перед больным, мужичок спросил: «Как лечить: по-китайски или по-русски? Удивился граф сему вопросу и спрашивал, а что это значит? — А то, мой государь! в Китае ежели взяться лечить, то надобно вылечить, а ежели не вылечишь, завтра же повесят; а ежели лечить по-русскому, то делать частые приезды и выманивать более денег, а ты человек богатый и от тебя можно поживиться нашему лекарю. Рад был граф, на каких кондициях (условиях. — *А. Н.*) он его лечить хочет. <...> Сперва давал он ему те же капли и траву; но как по крепкой натуре его он тем не пронялся, то, чтобы ее переломить, дал рвотного; и как его повычистило, то дал он опять капель, и тут-то его уже прямо вынесло. Потом, положив его в постель, велел лежать и давать ему потового, а сам велел две печи жарить и запереть его в комнате заснувшего. Проснувшись, лежал он как в морсу. Пот всю постель смочил, и он вскочил как встрепанный и тотчас в зеркало, и не узнал сам себя; дивится и говорит, что он власно (будто. — *А. Н.*) <...> переродился»¹.

Русский лубок XVIII века

Как установила исследователь Л. Манькова, история излечения Орлова не вымышлена, и лекарь, его пользовавший, существовал на самом деле. В 1767–1768 годах граф действительно тяжело болел «воспалением желудка». Однако «в то время как все признанные доктора держались того мнения, что он не переживет двух недель, русский фельдшер одного из полевых полков, бывший некоторое время в знаком-

стве с китайским доктором, вызвался его лечить и выполнил свое обещание менее чем в шесть недель»². Спаситель Орлова оказался Василием Ерофеевичем Вороновым — титулярным советником, отставным унтер-офицером Ингерманландского полка. Императрица Екатерина II за восстановление здоровья своего сподвижника пожаловала Воронову 3000 рублей. Позднее всю эту историю беллетризовал писатель И.З. Крылов³. Только в его варианте лекарь является жителем села, лежащего на юге от Москвы.

Снадобье, о котором шла речь, якобы и есть настойка ерофеич. Так ли это на самом деле — выяснить теперь невозможно. Важно, что напиток со временем получил огромную популярность среди самых разных сословий. Он упоминается в русских поговорках («Ерофеич часом дружок, а другим вражок», «Ничто нипочем: был бы ерофеич с калачом»), в произведениях М.Е. Салтыкова-Щедрина, П.Д. Боборыкина, А.Ф. Писемского, А.Ф. Вельтмана, М.Н. Загоскина, менее известного А.А. Орлова и других литераторов⁴. У Ф.В. Булгарина выражение «убить француза» обозначает употребление ерофеича после французского вина⁵. Писали о настойке и поэты, правда, часто в насмешливом тоне. Например: «Пушкин Лев Сергеевич / Истый патриот, / Тянет ерофеич /

РАССКАЗЫ ИЗ ПРОШЛОГО

В африканский рот». Или: «Яков Феодосеич / В жажде завсегда, / Тянет ерофеич, / А ром никогда»⁶. В первой эпиграмме речь идет о младшем брате А.С. Пушкина, во втором о живописце Я.Ф. Яненко. В 1829 году из печати вышла анонимная ода «Послание Выпивалина к ерофеичу»:

*Вот первое твое законно достоянье,
Что каждое тебя не чуждо состоянье:
Тебе и господа, и слуги, и крестьяне
Приносят своего усердья должны дани —
Купцы особенно, как в город ни пойдут,
Уж верно за тебя и рюмочки нальют.
И в честь таких твоих отличнейших талантов
Правдиво назван ты напитком коммерсантов!*

Хотя это произведение появилось без подписи, скорее всего, его создатель — поэт-самоучка Феоктист Андреевич Улегов. А сочинил он свой панегирик в подражание поэту П.П. Иксову — автору «Письма похвального пуншу» (1799).

Стоит также вспомнить книжку некоего И.О. Гурьянова «Йорик, Йорик! Ты прав: не все то золото, что блестит, или Спор полушампанского с ерофеичем», где настойка является одним из персонажей. Сразу скажем, что полушампанское тоже относится к ныне забытым алкогольным напиткам, бытовавшим на Руси. В.И. Даль в своем словаре определял его как фальшивое шампанское⁷. Однако знаток русской кулинарии В.В. Похлебкин считал, что

Титульный лист книги И.О. Гурьянова
«Спор полушампанского с ерофеичем»

полушампанское — всего лишь дешевый продукт отечественного производства, изготовленный из яблочного сока и по вкусу напоминающий сидр⁸. В пользу качества полушампанского говорит то, что его некогда изготавливал крупный винодел

Л.И. Соломаткин.
Пирушка дельцов.
Холст, масло.
1880 год.
Тульский
областной
художественный
музей

РАССКАЗЫ ИЗ ПРОШЛОГО

Русский человек всегда готов выпить. Он пьет:

...с радости: награду получил

*...для смелости: перед отправлением
к начальству для объяснения
по делам службы*

*...для скрепления союза:
ловкая стачка
по казенному подряду*

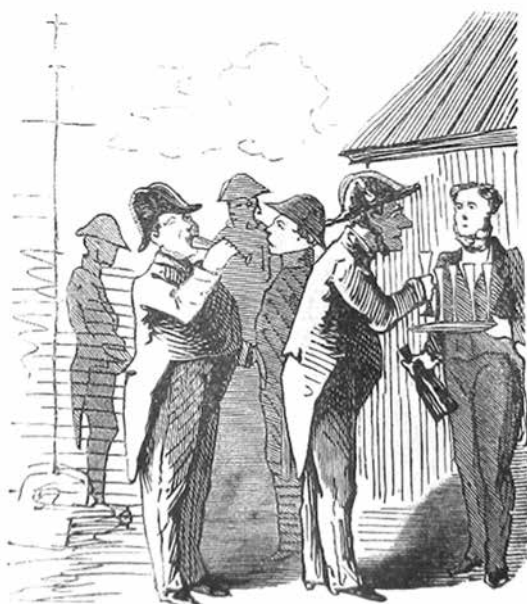
*...с горя: под судом за ловкие
проделки по подряду*

*...из молодечества:
широкая натура прокучивает
наследство с Каролиною*

*...с отчаянья: Каролина,
обобрав, идет обирать другого,
но оставляет на память
свой портрет и 20 тысяч долгу*

*...для придания
торжества:
при каждом
удобном случае,
при закладке
казенного здания,
при открытии
комитета,
после
благополучной
ревизии и проч.*

*...в знак скорби:
на прощанье
с начальником
(при этом
полагаются
хвалебные
спичи)*

Карикатуры из цикла «Русский человек всегда готов выпить». Журнал «Будильник»

Карикатура из цикла «Так, да не так». Журнал «Ералаш»

Алексей Федорович Ребров (1776–1862), поставщик двора Его императорского величества.

Название «Спора...» отсылает к книге английского писателя Л. Стерна «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» и ее герою Йорику — человеку наблюдательному, вдумчивому и впечатлительному. Подобен ему рассказчик, от лица которого пишет Гурьянов. Задремав на постоялом дворе, он во сне становится свидетелем необычайной дискуссии. Один оппонент, полушампанское, представлен «в образе европейца — с цилиндром набекрень, в красном жилете и с бокалом в руке», второй, ерофеич, изображен «русским мужичком со штофом в руках»⁹. Полушампанское чванится, пытается унижить противника: «Мною запивывают разные кушанья; <...> я служу во всех столах обедающих последними и важнейшими угощениями, а ты...» Ерофеич парирует: «Да кто как не я открываю тебе путь в желудки тщеславных богачей, не я ли служу каждому средством возбуждения аппетита?». Полушампанское: «Но твой противный запах отвратителен для всякой дамы». Ерофеич: «Но гораздо полезнее для желудка и кармана пьющего». Полушампанское: «Я принадлежу к изделиям иностранным, к изделиям просвещеннейшей нации». Ерофеич: «Но нация не производит тебя и не мешается в пролазы промышленности, что же касается до отца твоего, винограда, то он, как и все те травы, из которых состою я, есть произведение одной и той же земли; а люди могут ошибаться, называя тебя даже нектаром, обогащая за тебя погребщиков

- Ну, каково же ты провел время в деревне?
- Довольно весело. По целым дням стреляли в цель, на пари.
- И большие пари?
- К несчастью, нет! Попал — пьешь две рюмки водки, не попал — одну.

Карикатура из журнала «Будильник»

и забывая меня, земляка своего. <...> Вкус твой есть женская красота, которая, как цветок, с каждой минутой увядает»¹⁰. В итоге победа остается за ерофеичем.

К началу XX века рецепт напитка утратился (или исказился) — в основном по вине откупщиков, в погоне за прибылью «замышлявших начать настаивать его не на травах, стоящих все-таки цены, а на пареных вениках»¹¹. Конечно, в различных руководствах рецептура ерофеича встречается¹², но за соответствие вкуса приготовленного по этим руководствам продукта тому ерофеичу, которым угощались в старину, ручаться вряд ли можно.

* * *

Более счастливая судьба у жженки. Так называлась разновидность пунша, бывшего в большой чести у военных. Брели емкость, куда сливали шампанское, ром, бросали кусочки ананаса (иногда лимон, апельсин, вишню, землянику, прочие фрукты и ягоды); на положенные сверху сабли помещали куски сахара и поджигали их; воспламененную от горячей патоки жидкость помешивали, затем пили. Это лишь один из рецептов, да и то изложенный в общих чертах. Подробные способы приготовления жженки сохранились в старинных кулинарных книгах¹³.

Вот что передает писатель В.П. Бурнашев со слов родственника и друга М.Ю. Лермонтова о вечеринке у поэта в Царском Селе: «Нас принудили <...> принять участие в балтазаровой пирушке, кончившейся непременно жженкою, причем обнаженные гусарские сабли играли не последнюю роль, служа усердно своими невинными лезвиями вместо подставок для сахарных голов, облитых ромом и пылавших великолепным синим огнем, поэтически освещавшим столовую, из которой, эффекта ради, были вынесены все свечи и карсели (лампы. — *А. Н.*). Эта поэтичность всех сильно воодушевила и настроила на стихотворный лад»¹⁴.

Михаил Юрьевич, видимо, пристрастился к жженке еще в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Именно к этому периоду относится его озорная поэма «Уланша»: «Кто в сбруе весь, кто без штанов, / Пируют — в их кругу туманном / Дубовый стол и ковш на нем, / И пунш в ушате деревянном / Пылает синим огоньком»¹⁵.

Можно сказать, что у военных пунш играл роль ритуального напитка. Офицер 10-го гусарского Ингерманландского полка Ю.А. Слезкин вспоминал: «Существовала традиция, по которой молодой только что вышедший в полк корнет не сразу становился полноправным членом “полковой семьи”. Лишь с течением времени, когда старшие товарищи, “приглядевшись” к нему и определив, что он во всех отношениях “подходит”, — его с соблюдением известного “ритуала” принимали в “полковую семью”. Церемония “приема” сопровождалась раз навсегда принятыми правилами: в выбранный для этого день все офицеры полка приглашались в Офицерское собрание на товарищеский ужин. После ужина с соответствующим возлиянием все переходили в традиционную “гусарскую комнату”, в которую вносили громадный серебряный жбан. В этот жбан вливалось

*М.А. Зичи. Гусарская пирушка. Ротмистру Кириллу Дружинину.
Бумага, акварель. 1873 год. Вологодская областная картинная галерея*

несколько бутылок красного вина. На жбан клались две скрещенные гусарские сабли, на которые ставилась голова сахара, которую обильно обливали крепким ямайским ромом. Затем, потушив в комнате свет, облитую ромом сахарную голову поджигали, и ром, горя красивым голубым светом, заставлял таять сахар и вместе с ним падал горящими каплями в жбан на поверхность вина. Когда вся сахарная голова, растаяв, попадала в жбан и вместе с ромом еще некоторое время горела голубым пламенем, то горящую поверхность «тушили» бутылкой или двумя шампанского. Затем эту смесь хорошенько размешивали большим

А.С. Пушкин и лицейские друзья

Н.В. Кузьмин.

Иллюстрация к «Евгению Онегину»

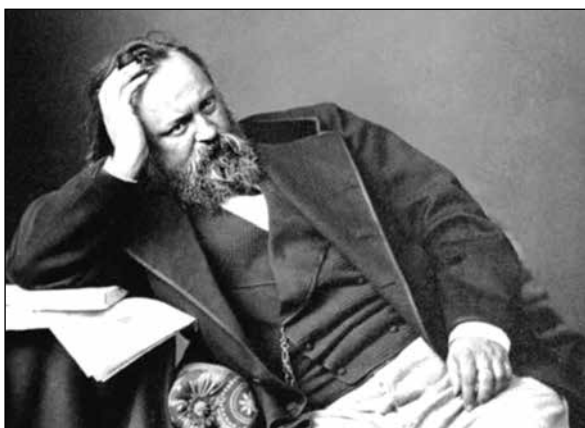
серебряным черпаком и крепкий, сладкий, ароматно пахнувший напиток разливали по стаканам. Напиток этот носил название «гусарской жженки», и варил его «знаток этого дела», обычно какой-нибудь старый ротмистр. Во время этого «ритуала» пелась старая гусарская застольная песнь: «Где гусары прежних лет». Первая чарка подносилась новопринятым в полк молодым корнетам, которые выпивали ее стоя, вытянувшись. После этого все присутствовавшие старшие офицеры выпивали с ними «на ты», и это символизировало принятие их «равными» в дружную полковую семью. Вся романтика этой передаваемой из поколения в поколение традиции при мерцающем свете горящего голубым огнем рома и пении старой, еще времен Дени-

са Давыдова, застольной песни создавала у молодых офицеров приподнятое настроение, связывая крепко с избранным ими полком»¹⁶.

Не обходили вниманием жженку и штатские. По ее вине А.С. Пушкин, например, порой оказывался в самых острых ситуациях. Современник поэта генерал-майор И.П. Липранди рассказывал случай, происшедший с Александром Сергеевичем в Кишиневе. Дело происходило в бильярдной. «Орлов и Алексеев продолжали играть <...> на интерес и в придачу на третью вазу жженки. Ваза скоро была подана. Оба гусара порешили пить круговой. <...> Первая ваза кое-как сошла с рук, но вторая сильно подействовала, в особенности на Пушкина. <...> Пушкин развеселился, начал подходить к краям бильярда и мешать игре. Орлов назвал его школьником, а Алексеев присовокупил, что школьников проучивают... Пушкин рванулся от меня и, перепутав шары, не остался в долгу и на слова; кончилось тем, что он вызвал на дуэль обоих, а меня пригласил в секунданты. <...> Я пригласил Пушкина ночевать к себе. Дорогой он опомнился и начал бранить себя за свою арабскую кровь, и когда я ему представил, что главное в этом деле то, что причина не совсем хорошая и что надо как-нибудь замять: — Ни за что! — произнес он, остановившись. — Я докажу им, что я не школьник. — Оно все так, — отвечал я ему, — но все-таки будут знать, что всему виной жженка, а потом, я нахожу, что и бой не ровный»¹⁷.

И в дальнейшем Пушкин от жженки не отказался. Его сосед по имению в Михайловском А.Н. Вульф вспоминал: «Сестра моя, <...> бывало, заваривает всем нам

после обеда жженку: сестра прекрасно ее варила, да и Пушкин, ее всегдашний и пламенный обожатель, любил, чтобы она заваривала жженку, и вот мы <...> сидим, беседуем да распиваем пунш»¹⁸. Добавим, что поэт называл жженку «Бенкендорфом», «потому что она, подобно ему, имеет полицейское, умиротворяющее и приводящее все в порядок влияние на желудок»¹⁹. Так же шутил в адрес жженки и Н.В. Гоголь. С.Т. Аксаков объяснял это цветом пламени над сосудом с напитком — голубым, как жандармский мундир²⁰. Сергей Тимофеевич рассказывал о праздновании именин Гоголя в саду у историка М.П. Погодина. После обеда и прогулки гости собрались в беседке, «где Гоголь собственноручно, с особенным старанием приготавливал жженку. Он любил брать на себя приготовление этого напитка, причём говаривал много очень забавных шуток»²¹.

Александр Иванович Герцен

Вспоминая молодые годы, А.И. Герцен описывает дружеские сходки, кульминацией которых становилось приготовление жженки. Причем оказывалось, что пирующие мастерами этого дела отнюдь не являлись:

«Возникал обыкновенно капитальный вопрос — вопрос, возбуждавший прения, а именно: “Как варить жженку?” Остальное обыкновенно елось и пилося, как воitiруют по доверию в парламентах, — без спору. Но тут каждый участвовал, и с высоты ужина. “Зажигать, не зажигать еще? как зажигать? тушить шампанским или со-терном? класть фрукты и ананас, пока еще горит, или после?” <...>

Огонь краснеет от шампанского, бежит по поверхности пунша с какой-то тоской и дурным предчувствием. А тут отчаянный голос:

— Да, помилуй, братец, ты с ума сходишь! разве не видишь, смола топится прямо в пунш.

— А ты сам поддержи бутылку в таком жару, чтобы смола не топилась.

— Ну, так ее прежде обить, — продолжает огорченный голос.

— Чашки, чашки! довольно ли у вас их? сколько нас... девять, десять... четырнадцать, — так, так.

— Где найти четырнадцать чашек?

— Ну, кому чашек не достало — в стакан.

— Стаканы лопнут.

— Никогда, никогда, стоит только ложечку положить.

Свечи поданы; последний зайчик огня выбежал на середину, сделал пируэт — и нет его.

— Жженка удалась!

— Удалась, очень удалась! — говорят со всех сторон.

На другой день болит голова, тошно. Это, очевидно, от жженки — смесь! И тут искреннее решение впредь жженки никогда не пить, это отравы»²².

* * *

В московском Троицком трактире на Ильинке некогда подавали коктейль, названный странным словечком «лампопо». Ингредиенты следующие: «Пиво, ржаная поджаренная корка, лимон для аромата, лед для прохлады»²³. Этот рецепт приводит в своем романе «Проселочные дороги» Д.В. Григорович, ставящий напиток в один ряд с такими московскими достопримечательностями, как Царь-пушка и Царь-колокол. Кстати, коллега Дмитрия Васильевича по журналу «Современник» А.В. Дружинин в своем дневнике, описывая эффект после принятия лампопо, использует слово «гебетация» (от французского *hebetation* — ‘одурение’).

В трактире Гурина на Воскресенской площади коктейль заказывали «особые любители» или компании, которые, «перебрав все вина, решительно не знали, что еще спросить». Готовилось питье в «большом открытом жбане: наливалось вино, коньяк, всыпался мелкий сахар и нарезанный лимон и, наконец, погружался громадный специально зажаренный обязательно горячий сухарь из ржаного хлеба, шипевший и дававший пар при торжественном его опускании в жбан»²⁴.

Тестовский трактир на Театральной площади предлагал схожий рецепт: «Взять

Л.И. Соломаткин.
Утро у трактира.
Холст, масло.
1860-е годы

Иван
Федорович
Горбунов

горбушку черного хлеба, чтобы был пропечен, внимательно осмотреть ее. Горбушку изжарить на жару, сжигая дочерна. В стеклянную вазу, обложенную льдом, влить пива, положить несколько кусков сахара и цедру лимона. Раскаленный хлеб опустить в холодное пиво и крепко закрыть сосуд. Через несколько минут напиток готов»²⁵.

Знатным поклонником коктейля был актер и литератор Иван Федорович Горбунов,

основавший даже клуб «Общество лампопистов», куда входили поэты Л.И. Пальмин, Л.Г. Граве, А.Ф. Иванов-Классик, философ П.Е. Астафьев, актеры Л.И. Градов-Соколов и К.С. Лошивский, историк литературы Е.В. Барсов, адвокаты Ф.Н. Плевако и А.Ф. Кони, журналист И.А. Вашков. Последний написал такой стишок: «Много гроздей виноградных / На берегах цветущих По; / Мы же здесь, в местах прохладных, / Пьем родное лампопо»²⁶.

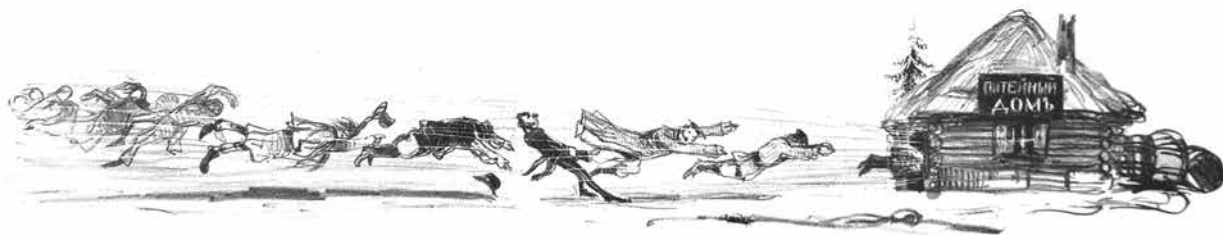
Существовала и иная точка зрения. Юрист Н.В. Давыдов считал, что лампопо пили «не ради вкусового эффекта, а из чудачества или когда компания доходила до восторженного состояния»²⁷. Литератор В.В. Михеев оценивал коктейль как «гадкую смесь»²⁸. Быть может, Н.С. Лесков придерживался подобного же мнения, поскольку сделал из лампопо средство соблазнения одного из положительных персонажей своего романа «Соборяне» — дьякона Ахиллы Десницына. Злодей Измаил Термосесов искушает простодушного дьякона:

«— Ну вот и прекрасно: есть, господа, у нас пиво и мед, и я вам состряпаю из этого такое лампопо, что <...> язык свой, и тот, допивая, проглотите.

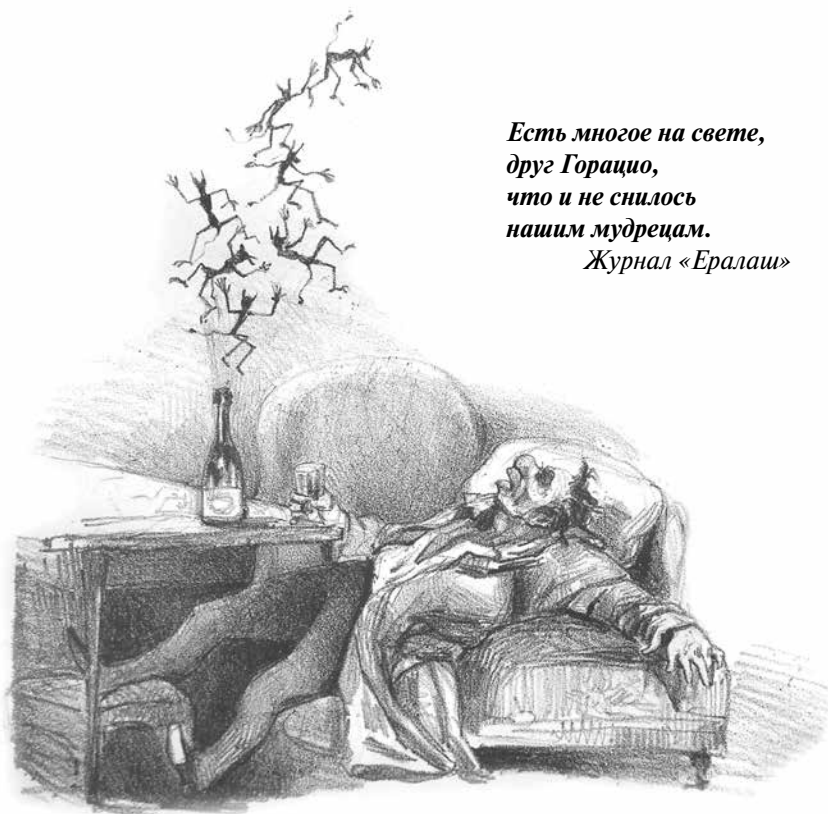
— Что это за ланпопо? — спросил Ахилла.

— Не ланпопо, а лампопо — напиток такой из пива и меду делается. Идем! <...>

— Нет, постой! — опять оборонялся Ахилла. — Я знаю это пивомедие... Оно,

Сила трехпробного магнетизма. Журнал «Ералаш»

*Есть многое на свете,
друг Горацио,
что и не снилось
нашим мудрецам.
Журнал «Ералаш»*

брат, опрокидонтом с ног валит... я его ни за что не стану пить».

Откуда же произошло столь диковинное название коктейля²⁹? У В.И. Даля читаем: «Лампопо (шутч.) — переиначенное пополам; говор. об онерах в картах, поровну, партаже; напиток из холодного пива с лимоном и ржаными сушками (грёнками)»³⁰. Недаром позднее Н.Л. Дарузес (1899–1982), переводя на русский язык прозу

забылись. Так, поэт А.Е. Крученых вспоминал о В.В. Маяковском: «У него есть такие странные слова, что мы даже не знаем, откуда они. Например, у него в одном журнале (“Бов” или “Крысодав”, не помню) были к рисункам четверостишия. Вся страница была его, и они были даже без подписи. Там есть такая строка: “Успокойтесь жизнь малина лампопо”. Что такое “лампопо”?»³².

У. Теккерея, в качестве эквивалента выражения half-and-half (смесь двух напитков в равных частях) использовала слово «лампопо». Судя по толкованию В.И. Даля, это слово было в ходу у любителей не только застолий, но и азартных игр. У московских купцов до 1880-х годов «танцевать лампопо» значило «бездельничать, проказить». Кстати, хотя напиток приобрел популярность во второй половине XIX века, существовал он и в пушкинскую эпоху. Возможно, самое раннее упоминание лампопо в печати датируется 1832 годом³¹.

В XX столетии и коктейль, и его название

¹Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. Т. 2. СПб., 1871. Стб. 734–735.

²Манькова Л. Русский лекарь Ерофеич. Как эскулапу фамилию вернули // Родина. 2001. № 9. С. 25.

³Крылов Иван Захарович (1816–1869) — писатель, автор лубочных произведений.

⁴Салтыков-Щедрин М.Е. Пошехонская старина. СПб., 1890. С. 14; Он же. Благонамеренные речи. СПб., 1883. С. 182; Боборыкин П.Д. Китай-город. СПб., 1883. С. 281; Писемский А.Ф. Полн. собр. соч. Т. 5. СПб., 1895–1896. С. 321; Вельтман А.Ф. Приключения, почерпнутые из моря житейского. Саломея. М., 1864. С. 113; Загоскин М.Н. Кузьма Петрович

Мирошев. Русская быль времен Екатерины II. М., 1902. С. 113; Орлов А.А. Муромский Дон-Кишот, или Честные сумасброды. М., 1833. С. 21. О последнем авторе И.З. Крылов (см. прим. 3) писал: «Ты в неисчисленных нравственно-сатирических (так в оригинале. — А. Н.) романах своих изображал идеал прекрасного чиновника, ставил ему всегда в одно из лучших достоинств его, что он поутру, возстав ото сна, вместо того чтобы засесть распивать чай и кофий, как его модная женушка и дочка, выпивал рюмку ерофеича» (см.: Крылов И.З. История Ерофея Ерофеича, изобретателя ерофеича, аллегорически горькой водки. М., 1863. С. 73–74).

⁵Булгарин Ф.В. Дурные времена. Очерки русских нравов. СПб., 1843. С. 73.

⁶Соболевский, друг Пушкина. СПб., 1922. С. 37; Михаил Иванович Глинка глазами современника. СПб., 2005. С. 10. Кроме того, упоминание ерофеича встречается у А.И. Полежаева в поэме «Сашка» и в стихотворении Н.А. Некрасова «Эй, Иван!».

⁷Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. СПб. — М., 1882. С. 261.

⁸Похлебкин В.В. Из истории русской кулинарной культуры. М., 2008. С. 140–141.

⁹Что читать народу? Критический указатель книг для народного и детского чтения. СПб., 1884. С. 251.

¹⁰Гурьянов И.О. Йорик, Йорик! Ты прав: не все то золото, что блестит, или Спор полушампанского с ерофеичем. М., 1885. С. 24–26.

¹¹Крылов И.З. Указ. соч. С. 72.

¹²Рецептура ликеров, наливок, настоек и инструкция по закладке и выдержке ликеров. М., 1939. С. 183; Молоховец Е.И. Подарок молодым хозяйкам, или средства к уменьшению расходов в домашнем хозяйстве. Ч. 1. СПб., 1901. С. 86.

¹³См., напр.: Радецкий И.М. Хозяйка, или полнейшее руководство к сокращению домашних расходов. СПб., 1888. С. 377; Плешкова М. Денщик за повара. Поваренная книжка для военных. С. 144; Карвасовский И.А. Кулинарная гигиена и практический повар. Варшава, 1891. С. 598.

¹⁴Русский архив. 1872. Т. 9. Стб. 1842.

¹⁵Полное собрание сочинений М.Ю. Лермонтова. В 2 тт. (сплетены вместе). СПб., [1901]. С. 187.

¹⁶Слезкин Ю.А. Летопись пережитых годов. Буэнос-Айрес, 1975. С. 43–44. Жженка упоминалась в качестве «ритуально-

го» напитка и в воспоминаниях юриста П.Н. Обнинского: «К чести нашего кружка следует заметить, что ни Бахус, ни Гамбринус особенными симпатиями в нем не пользовались и, если фигурировали кое-когда на наших собраниях, то скорее как неизбежный ритуал, с жженкою» (Воспоминания о студенческой жизни. Сборник. М., 1899. С. 39). В этом смысле небезынтересен и эпизод из романа Н.А. Лейкина «Счастливец», где героя принимают в кружок прожигающей жизни молодежи: «Посвящение <...> заключалось в том, что Алопаевский велел Тупицыну стать на одно колено, разбил над его головой стакан, заставил выпить три разливательные ложки жженки, сам поднося к его рту ложку» (Лейкин С.А. Счастливец. СПб., 1901. С. 58).

¹⁷А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2 тт. Т. 1. М., 1985. С. 332.

¹⁸Там же. С. 447.

¹⁹Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П.И. Бартеневым в 1851–1860 годах. М., 1925. С. 49.

²⁰С 1826 г. А.К. Бенкендорф был шефом жандармов.

²¹Аксаков С.Т. История моего знакомства с Гоголем. Со включением всей переписки с 1832 по 1852 год. М., 1890. С. 35–36.

²²Герцен А.И. Былое и думы. М. — Л., 1931. С. 126–127.

²³Григорович Д.В. Полн. собр. соч. В 12 тт. Т. 3. СПб., 1896. С. 358

²⁴Москва в ее прошлом и настоящем. Т. 11. М., 1912. С. 10.

²⁵Сочинения И.Ф. Горбунова. Т. III. Ч. 1–4. СПб., 1907. С. 350.

²⁶Там же.

²⁷Давыдов Н.В. Москва. Пятидесятые и шестидесятые годы XIX столетия // Московская старина. Воспоминания москвичей прошлого столетия. М., 1989. С. 56–57.

²⁸Михеев В.М. Художники. Очерки и рассказы. М., 1894. С. 79.

²⁹Примечательно, что существует рецепт хлебного напитка под названием «лимпопо» (см.: Молоховец Е.И. Указ. соч. Ч. 2. СПб., 1902. С. 85).

³⁰Даль В.И. Указ. соч. Т. 2. СПб. — М., 1881. С. 240.

³¹Бегичев Д.Н. Семейство Холмских. Некоторые черты нравов и образа жизни, семейной и одинокой, русских дворян. Ч. 4. М., 1832. С. 105–106.

³²http://www.ka2.ru/hadisy/kruch_4.html (дата последнего обращения 25.07.2017).

Еще кое-что о Вольске

Несколько слов по поводу публикации в «Московском журнале»
об этом старинном волжском городе Саратовской области
(1999. № 2)

Петр Григорьевич Бестужев

Василий Алексеевич Злобин

Уважаемая редакция!

Недавно прочитал в указанном номере «Московского журнала» статью В.В. Брока и Л.Б. Масленникова «Ампириная столица Волги, или Вольск на старинных открытках». Хотелось бы ее слегка дополнить.

Немногие старожилы Вольска помнят исконные названия городских улиц. К тому же некоторые здания XVIII и XIX веков разрушены или до неузнаваемости перестроены. Хотя и называют Вольск «Петербургом уголком», но своим возникновением он обязан московскому Новоспасскому монастырю. Еще в 1632 году царь Михаил Федорович пожаловал обители земли, на которых образовалась рыбная слобода Малыковка. В 1780-м Екатерина II преобразовала ее в город Волгск (впоследствии — Вольск). Стараниями купца Василия Алексеевича Злобина (1750—1814) здесь появились каменные особняки. Примеру Злобина последовали и другие разбогатевшие вольчане — Мясниковы, Сапожниковы, Плигины, Расторгуевы, Меркульевы, Парфеновы... Их, без преувеличения,

ПОЧТА

дворцы украсили Вольск и были в начале XX столетия запечатлены на почтовых открытках. Не стану перечислять вслед за В.В. Бромом и Л.Б. Масленниковым издателей, остановлюсь лишь на двух, чьи открытки, как оказывается, выполнены с ошибками.

Начнем с Петра Григорьевича Бестужева — саратовского купца первой гильдии. Его продукция печаталась в фототипии «Шерер,

Набголец и Ко» в Москве. Причем в 1902 году надписи делались шрифтом красного цвета, а в 1905-м — черного. В основном это открытки с видами Саратова, но на добром десятке карточек мы видим частные дома и общественные здания Вольска — на тот момент второго по численности города Саратовской губернии. Трудно сказать, как могло случиться, что на одной из открыток неправильно указан адрес: улица Караванная (сегодня — Коммунистическая). Местные краеведы прошли улицу от начала до конца, но дома, изо-

браженного на открытке, не обнаружили. Сначала предположили, что это — здание нынешнего отдела природы Вольского краеведческого музея по улице Льва Толстого (бывшая Моховая). Однако данный особняк расположен по улице Октябрьской (некогда Камышинской): достаточно сравнить два снимка — до 1905 года и сделанный столетие спустя.

Вторая ошибка выявилась на открытке издательства О.М. Поляковой «Общий вид. Г. Вольск». Здесь улица Моховая превратилась в Маховую. В 1912 году улицу переименовали в честь Л.Н. Толстого и, естественно, выпустили новую открытку.

К слову, после революции ряд вольских улиц получили новые названия — в духе времени, а на исходе XX века вольчане, в отличие от жителей многих других городов, эти названия раннесоветского периода решили сохранить. Собственно, даже предложений по переименованию к властям не поступало. Посему на домах так и остались таблички с фамилиями Свердлова, Урицкого, Лысенко, Вышинского...

Анатолий Александрович Михайлов,
город Вольск Саратовской области

Александр Николаевич Акиншин

У истоков

Об историко-краеведческих трудах Евфимия (в монашестве — Евгения) Алексеевича Болховитинова (1767–1837)

*Митрополит Киевский и Галицкий Евгений
(Болховитинов)*

Систематическое изучение истории России и ее отдельных местностей начинается в одно и то же время — на рубеже XVIII–XIX веков. Эпоха Екатерины II способствовала возникновению интереса просвещенного общества к прошлому своей страны. С небольшой разницей во времени историю большой родины пишет Николай Михайлович Карамзин, историю своей малой, воронежской, — Евфимий Алексеевич Болховитинов, будущий митрополит Киевский и Галицкий Евгений.

Он появился на свет в Воронеже в семье священника Ильинской церкви Алексея Андреевича Болховитинова (1740–1776). Рождение у отца Алексея старшего сына по времени совпало с перестройкой деревянной церкви в каменную, донные сохранившуюся.

Предки митрополита происходили из города Болхова, во второй половине XVII века они значились детьми боярскими и обитали в Коротоякском уезде. Первым священническим сан принял прадед Евфимия Стефан Федосеевич¹.

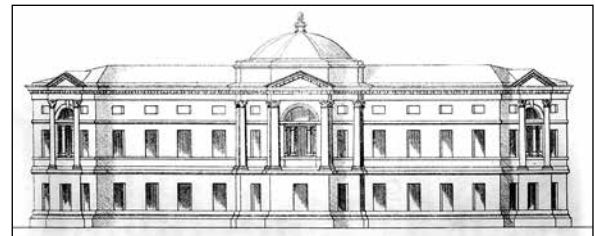

Ильинская церковь в Воронеже

В семье Болховитиновых родились трое детей — Евфросиния, Евфимий и Алексей. Евфросиния (1763 — после 1827) была замужем за священником церкви Иоанна Предтечи в пригородной слободе Чижовке Романом Галяренковым (около 1754 — начало XIX века). Их сыновья Алексей и Никандр в семинарии получили фамилию Болховские, дочери Вера и Глафира стали в замужестве Постниковой и Устиновской; потомки Устиновских проживали в Воронеже вплоть до революции. Алексей Болховитинов (1774—1831), чиновник почтового ведомства, служил в Воронеже, Тамбове, Вольске Саратовской губернии. Женится на дочери воронежского кафедрального протоиерея Ивана Турбина Елене. Их дочь Евпраксия (ок. 1804—?) в 1824 году вышла замуж за военного лекаря Измаила Межова и несколько лет спустя скончалась.

Жена священника А.А. Болховитинова (ее имя можно назвать лишь предположительно — Евфросиния) надолго пережила супруга и умерла в Воронеже в 1804 году². Болховитиновым принадлежал деревянный на каменном этаже дом, занимавший «в Ильинском приходе, идучи от Спасовской улицы по Ильинскому переулку к церкви Ильи Пророка, на левой стороне четвертое от погоста угольное место»³. В десятилетнем возрасте Евфимия отдали в певчие архиерейского хора. Архиерейское подворье располагалось рядом с домом — надо было лишь чуть подняться в гору, на то место, где в 1836 году разместился Митрофановский Благовещенский монастырь, а ныне стоит главный корпус Воронежского университета. Вскоре Евфимий поступил во второй синтаксиче-

ский класс семинарии (значится в списках с 15 октября 1777 года⁴), где прошел все ступени наук вплоть до философского класса. Незаурядные природные дарования юноши, подкрепленные стремлением приобретать знания, обратили на него внимание педагогов и епархиального архиерея, которым тогда являлся епископ Тихон III (Ступишин-Малинин). Недавно возникшая семинария остро нуждалась в педагогах. Позднее Евфимий писал о себе в третьем лице: «Во время вакации сего 1785 года один студент философии Евфим Болховитинов подал прошение Преосвященному о увольнении его в Московские училища для dokonчания учения своего. Преосвященный изъявил на сию прозбу благоволение свое и не только уволить обещался, но и дать еще ему жалованье для содержания себя в Москве; и приказал ему сыскать себе товарища еще кого-нибудь из студентов. Посему объявил желание с Болховитиновым ехать один студент философии Иван Богомолов. Вследствие того отправлены они оба в Москву на казенном коште 10 сентября 1785 года с подтверждением, дабы они для пользы семинарии в надежду учительства более всего учились греческому языку»⁵. Архиепископу Московскому и Калужскому и директору Славяно-греко-латинской академии Платону (Левшину) епископ Тихон писал 7 сентября 1785 года: «Представшие пред священнейшую особу Вашу два мальчика имеют нужду обучаться в <...> Академии философии и богословия, а паче греческому языку, в надеянии их и моем: их — заступить места учительские, а моем — видеть достойных учителей в Воронежской семинарии»⁶.

Здание семинарии в конце XVIII века

В Славяно-греко-латинской академии Е.А. Болховитинов провел три года, одновременно посещая лекции в Московском университете. В академии изучал философию, богословие, греческий и французский языки, в университете — философию, политику, физику, красноречие, немецкий язык. Здесь

он сблизился с Н.И. Новиковым, Н.Н. Бантыш-Каменским, Н.М. Карамзиным, типографами С.И. Селивановским, М.И. Пonomareвым, Ф.Ф. Розановым, приобрел типографский и издательский опыт, работая в качестве корректора и переводчика.

В конце декабря 1788 года Е.А. Болховитинов возвратился в Воронеж и 9 января 1789-го был определен учителем риторики и французского языка в семинарию. В дальнейшем он преподавал курс греческих и римских древностей, богословие, философию, церковную историю, толкование Священного Писания, греческий язык. В 1789—1790 годах заведовал семинарской библиотекой. В течение десяти лет, начиная с 1790 года, состоял префектом (заведующим учебной частью) семинарии, а в 1796—1798 годах выполнял обязанности ректора⁷.

4 ноября 1793 года Евфимий Алексеевич обвенчался с дочерью липецкого купца Анной Антоновной Расторгуевой. Брак длился недолго: умерли трое детей — Адриан (26 августа 1794 — 25 марта 1795), Николай (9 марта 1797 — 3 августа 1798) и Пульхерия (3 августа 1798 — 9 июля 1799), а за ними и жена (21 августа 1799). Все они были погребены на Чижовском кладбище близ церкви Иоанна Предтечи. Надгробные надписи гласили: «Здесь погребены / Анна и Пульхерия / супруга и дочь / Болховитиновы / скончавшиеся / первая на 22-м году жизни / августа 21 дня 1799 года / вторая на 1-ом году от рождения / июля 9-го того же года / которым / супруг и отец / от скорби сердца / с надгробным рыданием / взывает / вечную память / Прот. Евфимий Болховитинов»; «Покойтесь, милые / До вечного свиданья / Болезней где уж нет / Ни скорби, ни вздыханья / Прот. Евфимий Болховитинов»⁸.

Вступив в брак, Е.А. Болховитинов в том же 1793 году был рукоположен в сан иерея к Спасо-Преображенской церкви села Репьевка Коротоякского уезда⁹, а 25 марта 1796 года произведен в протоиереи и приписан к Спасо-Преображенскому собору уездного Павловска, став по этой должности членом духовной консистории¹⁰. И священство в Репьевке, и протоиерейство в Павловске представляли собой своего рода синекуру — воздаяние за преподавательские труды в семинарии, ибо регулярно совершать богослужения в селе и придонском городе, отстоящих от Воронежа на 150 верст, Болховитинов, конечно, не мог. К семинарскому пре-

*Автограф Е.А. Болховитинова
под родословным древом*

[illegible]

*Подписи Евгения и его брата Алексея
Болховитиновых под прошением
о внесении в родословную книгу*

фекту благоволили воронежские архипастыри, управлявшие епархией в 1790-х годах, — Иннокентий (Полянский. 1751—1794) и Мефодий (Смирнов. 1761—1815). В 1792 году Е.А. Болховитинова с братом внесли в шестую часть («столбовое дворянство») дворянской родословной книги Воронежской губернии — по заслугам предков, владевших землями и крестьянами¹¹. Сам Евфимий Алексеевич именем обзаводиться не собирался, но принадлежность к благородному сословию счел нелишней.

С середины с 1790-х годов вокруг Е.А. Болховитинова складывается кружок друзей-единомышленников, ревнителей

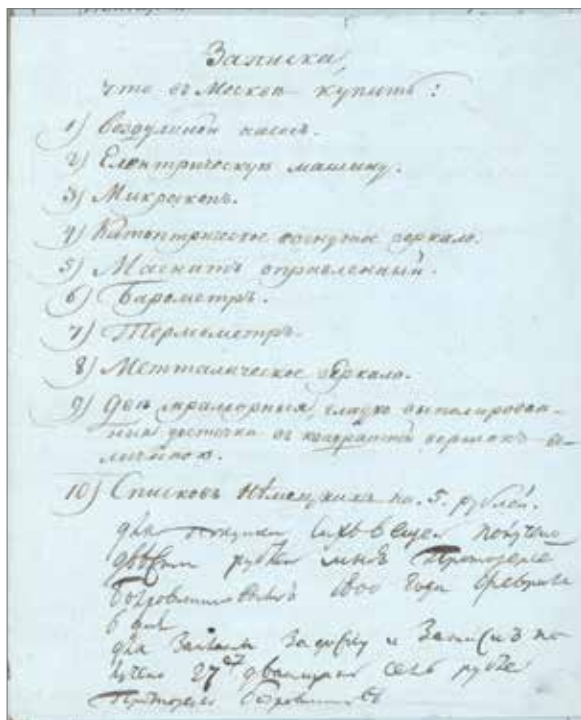
просвещения. Это были представители нарождающейся провинциальной интеллигенции — преподаватели народного училища и семинарии, чиновники, образованные купцы, семинаристы. По инициативе Болховитинова и его соратников и при поддержке губернатора Александра Борисовича Сонцова в мае 1798 года создается губернская типография, в которой печатались сочинения местных авторов. Деятельными членами кружка являлись Илья Николаевич Дебольцов (1747–1827), Василий Игнатьевич Македонец (ок. 1751–1812), Григорий Александрович Петров (ок. 1765–1841), Иван Никитич Черенков (ок. 1770 — после 1819), Алексей Павлович Зеновьев (ок. 1762 — между 1826 и 1835), Гавриил Петрович Успенский (1765–1820), Петр Васильевич Соколовский (ок. 1763–1829), Степан Васильевич Юшков (ок. 1774–1828), Авраам Семенович Страхов (ок. 1766–1829), Иван Никитич Еллинский (?–?), Иван Яковлевич Зацепин (ок. 1777 — между 1855 и 1859), Иван Дмитриевич Ставров (1771–1848)¹².

Хорошее образование, пылливость натуры и широта мышления способствовали возникновению у семинарского префекта интереса к прошлому России. Он приступает к работе над «Российской историей» («книгой для юношества», как почему-то сказано в «Православной энциклопедии»¹³). В сентябре 1792 года работа была в полном разгаре; к Новому году «отделаны

«две эпохи, то есть до нападения татар»¹⁴. Однако недостаток источников, явно ощущаемый в Воронеже, слухи о том, что за написание подобного же сочинения взялся Н.М. Карамзин (в 1792 году Болховитинов побывал в Москве), имевший для этого больше возможностей, порождали у Евфимия Алексеевича чувство неудовлетворенности своим трудом. 19 января 1793 года он писал московскому издателю С.И. Селивановскому: «Некоторые приятели мои уже аплодируют мне; но я на них не очень полагаюсь»¹⁵. Е.Ф. Шмурло так формулирует причины, по которым «Российская история» не была завершена: «Вероятно, [Болховитинов] вскоре он и сам убедился, что труд этот ему не по силам, что надо предварительно поработать на более “мелком и частном”, и он оставил свою “Историю”, не кончив ее. А потом его отвлекли другие литературные работы»¹⁶. Действительно, к общероссийской истории Евфимий Алексеевич не вернулся, увлекшись делом «частным» — историей Воронежского края.

Подступался к делу он постепенно, начав с «надгробного слова», а затем и биографии владыки Иннокентия (Полянского). Тогдашние книги имели сложные и подробные заголовки. Чтобы дать современному читателю некоторое представление на сей счет, приведу названия указанных книг Е.А. Болховитинова: «Слово надгробное преосвященному Иннокентию, епископу Воронежскому, преставившемуся в Бозе сего 1794 года апреля 15, то есть в субботу Светлой недели, говоренное по совершению Божественной литургии при начале погребального молитвословия в воронежском Благовещенском соборе того же апреля 19 числа, с присовокуплением к тому речи и разговора стихами, говоренных также над гробом пред последним целованием тела, и с приложением краткого летописца преосвященных Воронежских от основания епископского престола в Воронеже до нынешнего времени» (М., 1794); «Избранные поучения преосвященного Иннокентия, бывшего епископа Воронежского, проповеданные им во время своего правления епархией с 1788 года сентября 17 по 1794 год апреля 15-го, с приобщением краткого начертания жизни и кончины его» (Воронеж, 1799).

Второй фигурой из числа местных иерархов, к которой обратился Болховитинов, стал епископ Тихон Задонский. Евфимий Алексеевич особо отметил свое глубоко

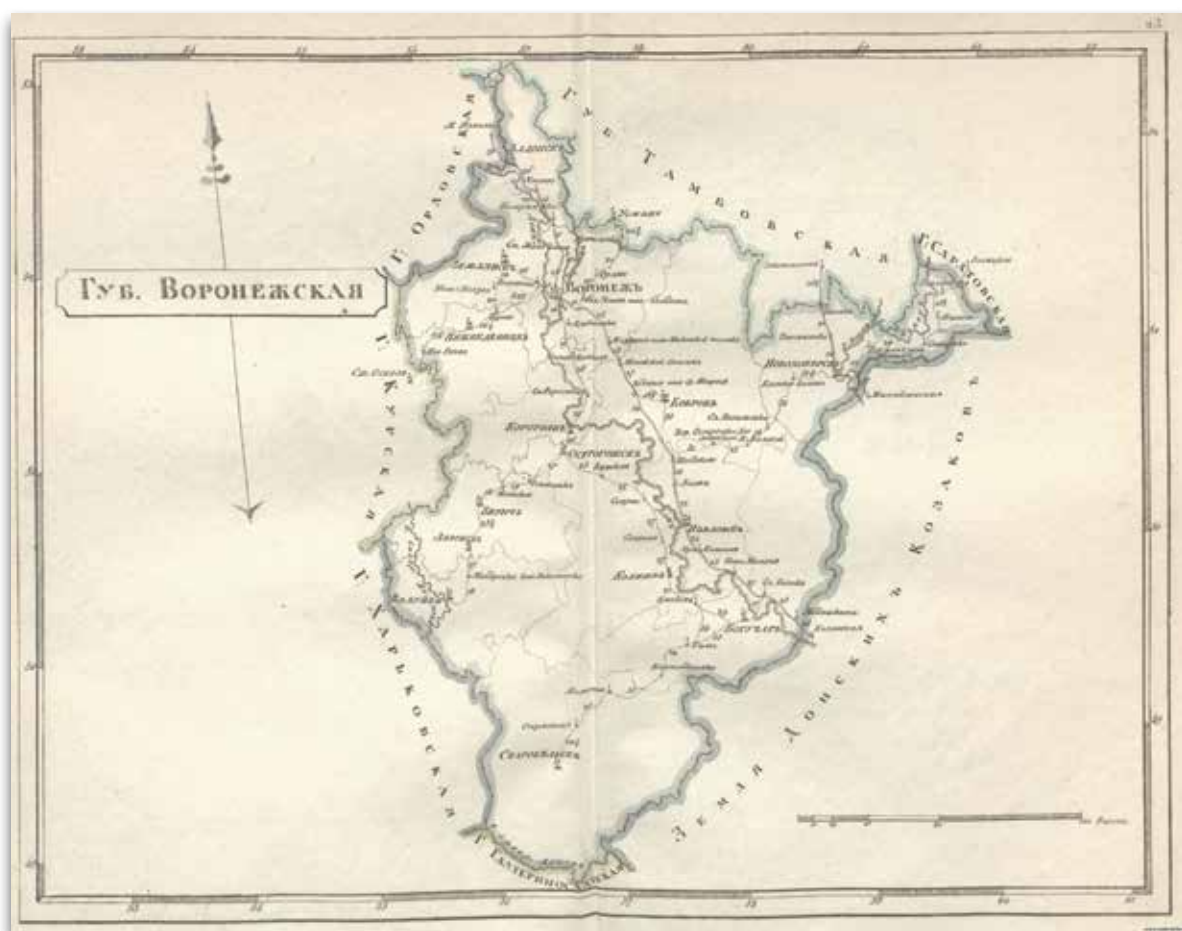
Расписка Е.А. Болховитинова в получении денег

личное отношение к этому выдающемуся пастырю: когда епископ Тихон III в августе 1783 года при погребении святителя Тихона произносил надгробное слово, «я присутствовал при сем слове и совокуплял слезы мои с слезами всех слушателей». Первоначально вышло «Полное описание жизни преосвященного Тихона, бывшего прежде епископа Кексгольмского и Ладожского и викария Новгородского, а потом епископа Воронежского и Елецкого, собранное из устных преданий и записок очевидных свидетелей, с некоторыми историческими сведениями, касающимися до Новгородской и Воронежской иерархий, изданное особенно для любителей и почитателей памяти преосвященного протоиерея Е. Болховитиновым» (СПб., 1796), три года спустя — «Остальные сочинения преосвященного Тихона, бывшего прежде епископа Кексгольмского и Ладожского, а потом Воронежского и Елецкого, для удовольствия и душевной пользы благочестивых читателей, а особливо для любителей памяти сего преосвященного, собранные и изданные Воронежской семинарии

префектом павловским протоиереем Евфимом Болховитиновым» (СПб., 1799).

Как видим, из всего разнообразия сюжетов местной истории Е.А. Болховитинов прежде всего освоил церковный, что было вполне естественно в силу происхождения, образования и статуса Евфимия Алексеевича. Он не ограничился только биографиями архиереев, а стремился воссоздать живые образы этих людей, используя рассказы современников, речи и проповеди самих владык. Уделяя внимание «летописцу преосвященных», Болховитинов постоянно расширял объем сообщаемых сведений. А уж затем последовало погружение в более древние и обширные пласты гражданской истории.

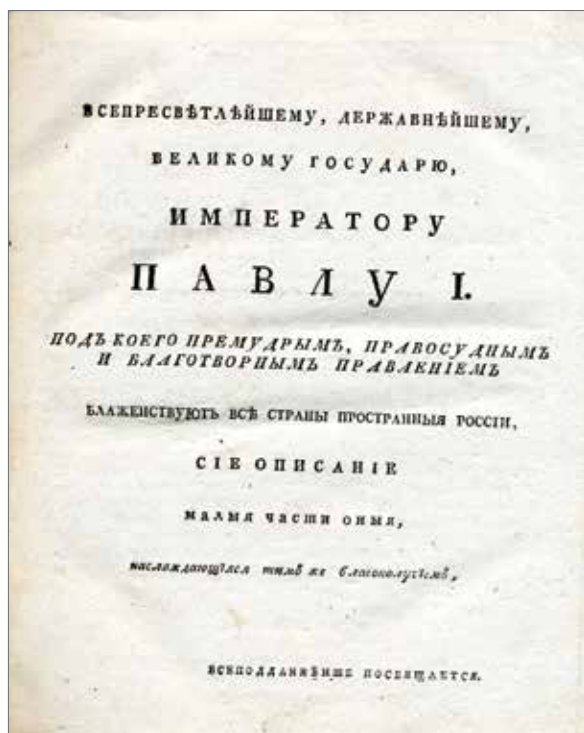
Упомянутый выше Е.Ф. Шмурло, дореволюционный биограф Е.А. Болховитинова, начало работы последнего над историей Воронежской губернии относил к середине 1790-х годов. Достоверно мы можем сказать лишь то, что труд был завершен в 1799 году; на его подготовку, понятно, ушел не один год. Источниковедческие и археографические приемы, характерные для болховитинского «Описания Воро-

Воронежская губерния. Карманный почтовый атлас всей Российской империи, разделенной на губернии, с показанием главных почтовых дорог. СПб., 1808

нежской губернии», прослеживаются уже в книгах о преосвященных Тихоне и Иннокентии. Историк и краевед С.О. Шмидт отмечал: «Болховитинов был подготовлен к созданию своего «Описания» всем опытом российской науки и личным опытом ученого и писателя. <...> Болховитинов, как и Карамзин, понимал потребность российских читателей в обобщающего типа трудах по отечественной истории, причем таких, которые могли бы служить и спра-

Посвяtitельный лист Павлу I

вочным пособием. Однако Болховитинов не обладал ни великим литературно-художественным дарованием Карамзина и его склонностью к психолого-политическим рассуждениям, ни его известностью и свободой действий. Он рано определил для себя основные задачи и формы творческой деятельности историка — выявление, сохранение, введение в научный оборот источниковой базы науки отечественной, особенно церковной, истории, разработка самой методики исторического исследования и создания трудов научного справочного назначения. <...> Но если Карамзин стремился к созданию определенных исторических конструкций, <...> то Болховитинов сознательно избегал комбинирования фактов (с отступлением от строгой хронологической последовательности) и декларировал еще в 1794 году: «Сущность истории состоит в том, чтобы представить бытие и деяния сколь можно так, как они были, и в таком порядке, как они были»¹⁷.

Изучая процесс становления краеведения во второй половине XVIII века, А.А. Севастьянова отметила, что в последние десятилетия данного периода начал доминировать один из трех способов изложения исторических событий — авторский, отодвинув в сторону два других — летописно-хроникальный и государствоведческий. Самыми значительными трудами названной группы во всей провинциальной историографии исследовательница считает труды Е.А. Болховитинова¹⁸. В своей сфере Евфимий Алексеевич являлся наиболее ярким автором, но не первопроходцем. Выходу его «Описания» предшествовали книги В.В. Крестина по Архангельску (1784, 1790, 1792), П.И. Рычкова по Астрахани (1774), Казани (1767) и Оренбургу (1762), А.А. Засецкого по Вологде (1780), И.К. Васькова по Костроме (1792), С.И. Ларионова по Курску (1786), Н. Ильинского по Пскову (1790–1795), П. Иродионова по Торопцу (1778), Н.Ф. Дильтея по Туле (1781). Со значительной частью этих книг Е.А. Болховитинов был знаком и мог отталкиваться от уже существующего опыта. Однако применяемая им методика систематизации материала оставалась совершенно оригинальной. Точки соприкосновения имели место лишь при изложении сюжетов российской истории. Еще Е.Ф. Шмурло заметил, что наиболее зависим от общих исторических трудов первый раздел книги Е.А. Болховитинова — «Всеобщее историческое сведение

о Воронежской губернии по месту, жителям, пространству и произведениям оной». Но это вполне объяснимо: ведь нельзя понять место губернии в истории страны, не имея детального представления о последней. Е.А. Болховитинов использовал все имевшиеся на тот момент труды по истории России и исследования по отдельным проблемам — И.Н. Болтина, И.И. Голикова, Г.Ф. Миллера, А.И. Мусина-Пушкина, В.Н. Татищева, М.М. Щербатова, а также сочинения Геродота, Страбона, Юстина, путевые заметки К. де Бруина и С.Г. Гмелина, сообщения византийских авторов, сведения русских летописей, различные акты, публикации в «Древней Российской вивлиофике», исторические и географические словари. При этом он оказался в необычной с точки зрения современного исследователя, но бывшей вполне естественной два с лишним века назад ситуации, когда местные источники удается разработать в большей степени, чем общероссийские. Как следствие, самая яркая и информативная составляющая книги — изложение истории города Воронежа, описания уездных городов и исторический очерк епархии. Эти разделы Болховитинов выстраивал самостоятельно в соответствии с данными, которые ему удавалось обнаружить самому.

Описания уездных городов построены у Болховитинова по единому плану: местоположение, историческое прошлое по архивным данным, перечисление зданий, количество жителей в соответствии с итогами пятой ревизии (перепись податного населения 1794–1795 годов), общая площадь городских земель, герб, рассказ о местных монастырях (если они имеются) и уезде. Здесь почти нет исторической части, вместо нее — краткие сведения о наиболее крупных селениях. Удостоилась нескольких строк и Репьевка Коротоякского уезда. Наиболее подробным и детальным выглядит описание Павловска, где автор имел возможность пользоваться более обстоятельным материалом. Раздел о епархии включает общеоисторический очерк, описание монастырей и биографии иерархов.

Перечень нерешенных вопросов в труде Е.А. Болховитинова может быть сколь угодно обширен: проблема летописного Воронежа, дата основания города, судьба крепости в период Смутного времени, процесс заселения края в XVII столетии, персоналии воевод и так далее. Но справедливо ли с позиций сегодняшнего состояния краеведения

оценивать первый опыт исследования родного края, предпринятый на рубеже XVIII–XIX веков? Книга Болховитинова должна соотноситься с уровнем современной ей науки. И здесь надо признать: автор шел в ногу со временем, а кое в чем даже опережал его.

Многоплановость содержания и разнообразие использованных источников отражены уже в названии книги: «Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии, собранное из историй, архивских записок и сказаний». Подробный анализ источников дает Е.Ф. Шмурло¹⁹, я же назову лишь основные: материалы пятой переписи податного населения — «ревизские сказки» (1795), исповедные церковные ведомости (1798), рукописное «Описание Воронежской губернии 1777 года», разнообразные грамоты, указы, отписки, отказные, переписные, писцовые и строельные книги, церковные синодики, хранившиеся в архивах отдельных государственных учреждений, епархий, монастырей и церквей.

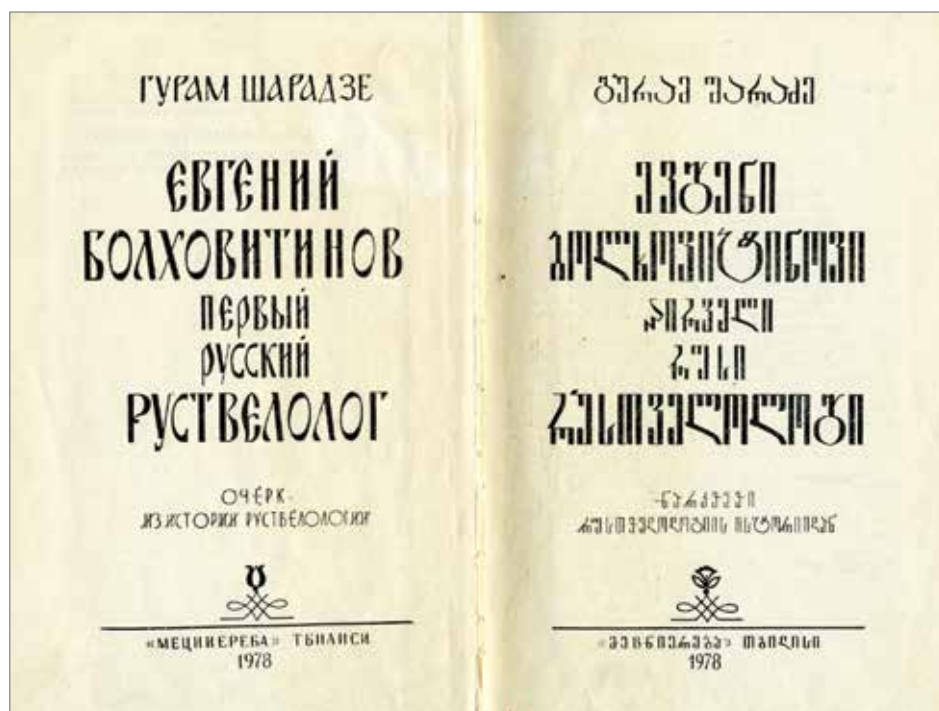
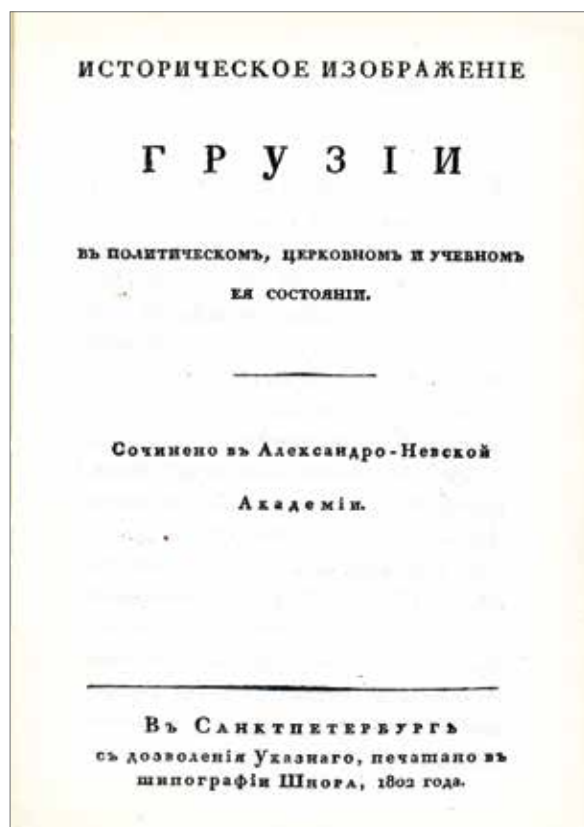
В 1801–1809 годах в Москве выходил составленный Л.М. Максимовичем и А.М. Щекатовым «Географический словарь Российского государства, сочиненный в настоящем оною виде», где «по азбучным статьям» была размещена вся книга Е.А. Болховитинова. Как отметил Е.Ф. Шмурло, из 219 ее страниц в словарь полностью вошли 193, расположенные там «самым беспорядочным образом»²⁰. Он же сделал вполне обоснованный вывод: первоначально книга планировалась большей по объему, чем оказалась в печатном виде. В последующих томах словаря опубликованы статьи о «донских казаках», городах Богучаре, Калитве, Ливенске, Острогожске²¹, явно принадлежащие перу Евфимия Алексеевича: для них характерен общий план изложения, единые источники, приводятся даже расстояния между перечисленными городами и Воронежем — все эти города до 1797 года значились в составе Воронежского наместничества. Таким образом, начало работы Болховитинова над «Описанием...» можно отнести ко времени ранее 1797 года.

Первопроходческий труд Е.Ф. Болховитинова по определению был всеохватным, включая исторические, географические и экономические аспекты местной истории. Это поставило позднейших авторов в более выгодное положение: они могли, отталкиваясь от сделанного Евфимием Алексеевичем, рассматривать более глубоко и детально ту

или иную частность, в остальном отсылая читателя к его сочинению. Вплоть до конца 1840-х годов, когда в научный оборот были введены так называемые «воронежские акты», касавшиеся в первую очередь событий XVII века, все знания о прошлом Воронежского края базировались исключительно на книге Болховитинова.

Работа над ней завершилась во второй половине 1799 года. По времени это совпа-

дает со смертью дочери Евфимия Алексеевича Пульхерии и жены Анны. В оставшиеся месяцы 1799 года он решил постричься в монахи и уехать из родного города, но, прежде чем покинуть Воронеж, передал рукопись в губернскую типографию. Принимать постриг Е.А. Болховитинов намеревался в Петербурге — интеллектуальный уровень провинции он давно перерос. Дата отъезда Болховитинова из Воронежа практически везде указана неверно — 1799 год. Это тем более странно, что реальная дата отражена и в его письмах к В.И. Македонцу, и в монографии Е.Ф. Шмурло. 25 января 1800 года воронежские семинаристы преподнесли покидавшему город педагогу торжественную оду с трогательной надписью: «Его Высокоблагословению бывшему Воронежской семинарии префекту, Павловскому протоиерею отцу Евфимию г. Болховитинову при отъезде в Санкт-Петербург Воронежская семинария, сетуя яко о неусыпном надзирателе и ободрителе муз, в знак благодарности с истинным высочтиманием приносит 1800-го года генваря 25 дня»²². 6 февраля 1800 года Е.А. Болховитинов расписался в получении двухсот рублей на покупку учебных приборов для Главного народного училища²³. Таким образом, выехать из Воронежа он мог только после этого дня. 15 февраля Болховитинов уже находился в Москве, а 1 марта прибыл в Петербург. Книга увидела свет в том же году, но печаталась в отсутствие автора.

Книга Г. Шарадзе
о Евгении
Алексеевиче
Болховитинове

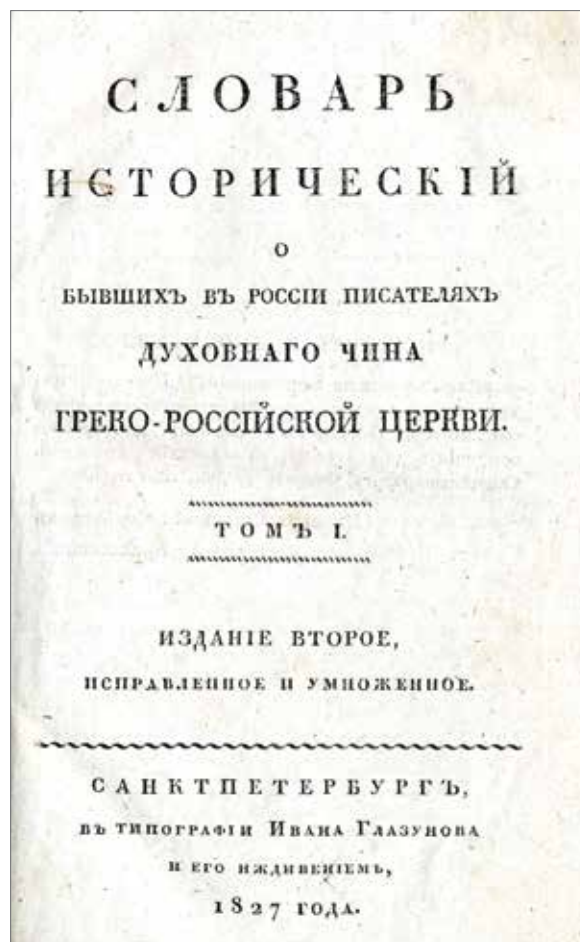
**Могила митрополита Евгения (Болховитинова)
в Сретенском приделе Софийского собора в Киеве.**
Современная фотография

Дальнейшая жизнь Е.А. Болховитинова хорошо известна. 9 марта 1800 года Евфимий Алексеевич принял монашеский постриг с именем Евгений и стал преподавателем и префектом Александро-Невской духовной академии. Вскоре его произвели в архимандриты и назначили настоятелем Свято-Троицкого Зеленецкого монастыря. В январе 1802 года он возглавил Троице-Сергиеву пустынь под Петербургом. В 1804 году хиротонисан во епископа Старорусского, викария Новгородской епархии. С 1808 года — архиепископ в Вологде, с 1813-го — в Калуге, с 1816-го — в Пскове, с 1822-го — митрополит Киевский и Галицкий, член Святейшего Синода. Похоронен в Сретенском приделе киевского Софийского собора. Везде владыка Евгений не оставлял занятий местной стариной: ратовал за сохранение общегражданских и церковных древностей, публиковал документы и книги — в том числе о далекой Грузии (СПб., 1802), что позволяет называть его первым российским картвелологом²⁴.

Наиболее крупной работой Е.А. Болховитинова послеворонежского периода является словарь русских писателей, духовных и светских. В поисках сведений о литераторах — своих современниках — историк обращался к ним самим и собрал обширную коллекцию автобиографий. По мнению А.Л. Зорина, словарь был завершён в начале 1810-х годов²⁵. Его первая часть — сло-

варь духовных писателей — опубликована в 1818 году и переиздана с дополнениями в 1827-м; словарь светских писателей в полном объеме увидел свет в 1845-м — уже после смерти митрополита Евгения. Не исключено, что замысел создания словаря возник у автора еще в Воронеже — к такому выводу спустя столетие пришел библиограф Е.К. Бетгер, анализируя многочисленные владельческие пометы на полях принадлежавшей Евфимию Алексеевичу книги Н.И. Новикова «Опыт исторического словаря о российских писателях» (СПб., 1772)²⁶.

Вообще роль воронежского периода в жизни и творчестве Е.А. Болховитинова трудно переоценить. С.О. Шмидт считал «Описание Воронежской губернии» выдающимся для тех лет образцом совмещения в научном труде приемов, характерных для нарративной (повествовательной) истории, с арсеналом методик специальных исторических дисциплин, экономической науки, географии; в этом плане заметно влияние болховитиновского сочинения на последующее развитие краеведения (не только воронежского) и даже, полагаем, на процесс создания Н.М. Карамзиным «Истории государства Российского»²⁷.

* * *

В 2011 году книгу Е.А. Болховитинова «Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии» переиздали в серии «Историко-литературные памятники Воронежского края». В одном переплете помещены факсимильное воспроизведение издания 1800 года

и новый комментированный набор, где учтены все авторские исправления и добавления. Таким образом, можно считать, что двухвековая издательская история этого труда (сама по себе крайне любопытная, но оставленная нами ввиду ограниченности объема публикации за рамками повествования) благополучно завершилась.

¹Православная энциклопедия. Т. XVII. М., 2008. С. 63.

²Выдержки из дружеских писем Евгения (впоследствии митрополита Киевского) к воронежскому приятелю его Василию Игнатьевичу Македону // Русский архив. 1870. № 4–5. Стб. 837.

³Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. И-29. Оп. 124. Д. 116. Л. 64.

⁴Шмурло Е.Ф. Митрополит Евгений как ученый. Ранние годы жизни. 1767–1804. СПб., 1888. С. 6, 36.

⁵Болховитинов Е.А. История Воронежской семинарии // Никольский П.В. История Воронежской духовной семинарии. Воронеж, 2011. С. 521.

⁶Шмурло Е.Ф. Указ. соч. С. 43–45; Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. Л., 1988. С. 119; Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 2. М., 1992. С. 207; Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т. 1. М., 1994. С. 265; Московская энциклопедия. Т. 1. Лица Москвы. М., 2007. Кн. 1. С. 549 (здесь пребывание Е.А. Болховитинова в Москве ошибочно датировано 1784–1788 гг. Правильные даты указаны в «Православной энциклопедии» — см. прим. 1).

⁷Никольский П.В. Указ. соч. С. 108–113.

⁸Данский А.А. Очерк жизни и ученых трудов Евгения, митрополита Киевского и Галицкого // Воронежский литературный сборник. Воронеж, 1861. С. 228; См. также: Летописный синодик г. Елисеевых. 1737–1800 гг. Воронеж, 1886. С. 81.

⁹Рукавіцина-Гордзієвська Є.В. Київський митрополит Євгеній (Є.О. Болховітинов). Біобібліографія. Бібліотека. Архів. Київ, 2010. С. 29.

¹⁰Данский А.А. Указ. соч. С. 227; Шмурло Е.Ф. Указ. соч. С. 105.

¹¹ГАВО. Ф. И-29. Оп. 1. Д. 20. Л. 288–291.

¹²См.: Акиншин А.Н. Воронежский круг общения Е.А. Болховитинова // Из истории

Воронежского края. Вып. 8. Воронеж, 2000. С. 44–56.

¹³Православная энциклопедия. Т. XVII. С. 64.

¹⁴Шмурло Е.Ф. Указ. соч. С. 199.

¹⁵Письма Е.А. Болховитинова к С.И. Селивановскому // Библиографические записки. 1859. Т. 2. № 3. Стб. 68. См. также: Ананьева Т. «Читайте для познания Киева...» // Митрополит Евгений Болховитинов. Вибрані праці з історії Києва. Київ, 1995. С. 9.

¹⁶Шмурло Е.Ф. Указ. соч. С. 199.

¹⁷Шмидт С.О. Е.А. Болховитинов и становление науки российской истории // Из истории Воронежского края. Вып. 9. Воронеж, 2001. С. 12–13.

¹⁸Севастьянова А.А. Русская провинциальная историография второй половины XVIII века. М., 1998. С. 153, 186.

¹⁹Шмурло Е.Ф. Указ. соч. С. 211 и далее.

²⁰Там же. С. 260.

²¹Географический словарь Российского государства... Ч. 1. М., 1801. Стб. 497–498; Ч. 2. М., 1804. Стб. 255–270; Ч. 3. М., 1804. Стб. 129–130, 1108; Ч. 5. М., 1805. Стб. 943–946.

²²Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского, № 707/497. Ода опубликована в «Воронежских епархиальных ведомостях» (1873. № 10. С. 384–394).

²³ГАВО. Ф. И-64. Оп. 1. Д. 11. Л. 5. Впервые опубликовано: Гайворонский А.И. Золотые архивные россыпи. Из истории культуры Воронежского края (конец XVIII — начало XIX в.). Воронеж, 1971. С. 51.

²⁴См.: Шарадзе Г.С. Евгений Болховитинов — первый русский руствелолог. Тбилиси, 1978 (на груз. яз.). В книге факсимильно воспроизведен болховитиновский труд.

²⁵Русские писатели. 1800–1917. Т. 2. С. 208.

²⁶Археологический ежегодник за 2005 год. М., 2007. С. 520, 533.

²⁷Шмидт С.О. Указ. соч. С. 13.

Михаил Николаевич Глазков

«Мною собрано около 100 тысяч томов...»

О журналисте, литературном критике, библиографе
Сергее Порфирьевиче Постникове (1883–1965)

На сегодняшний день едва ли не единственным источником сведений о С.П. Постникове является книга архангельского краеведа Ю.В. Дойкова¹, вышедшая, однако, тиражом всего 10 экземпляров и, таким образом, оставшаяся практически недоступной широкой публике. Постараемся в какой-то степени восполнить этот пробел с привлечением итогов собственных разысканий.

Родился Сергей Порфирьевич в Архангельске в многодетной семье. Его отец — кандидат богословия, преподаватель греческого языка Архангельской духовной семинарии Порфирий Константинович Постников (1855–1894) — в 1891 году по выслуге лет получил чин статского советника. Мать, Мария Андреевна, была дочерью священника. Неудивительно, что Сергей в 1903-м окончил

городскую духовную семинарию. Но еще во время учебы им всецело овладели революционные идеи, и вскоре он вступил в партию социалистов-революционеров (ПСР). Принял активное участие в революции 1905 года, с 1906-го являлся членом губернского комитета ПСР. Постниковым заинтересовались власти. Один из жандармских документов характеризует его как «крайне вредную в политическом отношении личность», «заслуживающую особого внимания». В результате он оказался под негласным надзором полиции.

выходить ежемесячный журнал «Заветы». С этим литературно-политическим изданием сотрудничали И.А. Бунин, А.А. Блок, Н.А. Клюев, М. Горький, М.М. Пришвин, С.Н. Сергеев-Ценский, С.М. Городецкий, К.Д. Бальмонт, А.Н. Толстой, И.С. Шмелев, И. Северянин, А.М. Ремизов, А.А. Ахматова, Н.С. Гумилев, О.Э. Мандельштам, Е.И. Замятин, Л.Н. Андреев, В. Ропшин (псевдоним Б.В. Савинкова) и другие видные поэты и писатели. Сергей Порфирьевич, один из основателей «Заветов», состоял членом редколлегии, исполнял обязанности секретаря. Журнал имел опре-

В 1906–1908 годах Сергей Порфирьевич лечится от туберкулеза в Крыму, сотрудничает с местными подпольщиками. Его арестовывают и сажают в тюрьму, но через несколько месяцев за отсутствием достаточных улик освобождают. На Постникова обращает внимание высшее руководство ПСР. В 1909 году он отбывает в Париж делегатом V Совета партии. По возвращении живет в Москве, дает частные уроки, затем устраивается заведующим общественной Благушинской библиотекой. В 1910-м женится на Елизавете Викторовне Ящуржинской — тоже эсерке. Далее следует партийная командировка в Баку (1910–1911).

Вехой в жизни С.П. Постникова стал 1912 год, когда в Петербурге по инициативе лидера ПСР В.М. Чернова начал

*Журнал
«Заветы»*

*Виктор
Михайлович
Чернов*

деленное влияние и популярность. Его упоминал В.И. Ленин в письме к М. Горькому (1912), браня за «систематическое запутанное, трусливое, увертливое ренегатство», которое «хуже всякого ликвидаторства»². Кстати, первый номер «Заветов» вышел одновременно с большевистской газетой «Правда». Закрыло их царское правительство тоже вместе — в августе 1914 года. Полученный в ту пору опыт журнальной работы очень пригодился С.П. Постникову, позже редактировавшему ряд других изданий, писавшему статьи и рецензии.

* * *

В 1915 году Сергей Порфирьевич поступил на службу во Всероссийский союз городов в Петрограде, при этом смог завершить обучение в Московском коммерческом институте³. Его авторитет в партии заметно возрос, он был выдвинут кандидатом в депутаты Государственной думы от ПСР по Архангельской губернии.

Февральскую революцию С.П. Постников встретил восторженно. В марте 1917 года он основывает газету ЦК ПСР «Дело народа», работает секретарем редакции партийного издательства «Революционная мысль». В апреле его избирают членом Петроградского комитета ПСР. На III съезде партии (май — июнь 1917 года) Постников присутствует в качестве делегата. Ему доверяют руководство фракцией эсеров в Петроградской городской думе. Наконец осенью Сергей Порфирьевич становится депутатом Всероссийского Учредительного собрания по списку ПСР от Воронежской губернии.

В начале 1918 года пришедшие к власти большевики разгоняют «Учредилровку». «Дело народа» закрывают и привлекают редакцию к революционному суду «за распространение клеветы» и «призыв к выступлению против РСДРП(б)». Сергей Порфирьевич подвергается допросам, переходит на нелегальное положение, участвует в VIII Совете ПСР. В 1919 году выпуск газеты на короткое время возобновляется в Москве. С.П. Постников до окончательной ликвидации издания успел выпустить девять номеров. Вместе с тем он, желая, вероятно, получить прикрытие, поступает на работу заведующим библиотекой Межевого института наркомата просвещения РСФСР. В 1920-м ему едва удается ускользнуть от чекистов, направлявшихся в его квартиру, скорее всего, с мандатом на арест. Все обнаруженные в квартире документы ВЧК изъяла⁴.

В одном из писем С.П. Постников сетует: «Я тяну здесь (в Мос-

кве. — М. Г.) уже год, <...> попавши сразу на нелегальное и бесквартирное положение; но, думаю, долго не выдержу. А садиться совсем не хочется, так как наша публика будет сидеть долго»⁵. ПСР финансирует его выезд за границу⁶. Отправившись по Балтике на лодке, он оказывается в карантинном лагере в Финляндии (тем же способом бежала и Елизавета Викторовна).

1921 год Постников проводит в эстонском Ревеле, редактирует журнал «Революционная Россия». После переезжает в Берлин, становится одним из партийных лидеров эмиграции, входит в руководящую «эсеровскую пятерку» Заграничной делегации ПСР во главе с В.М. Черновым⁷. Также он

Газета
«Дело народа»

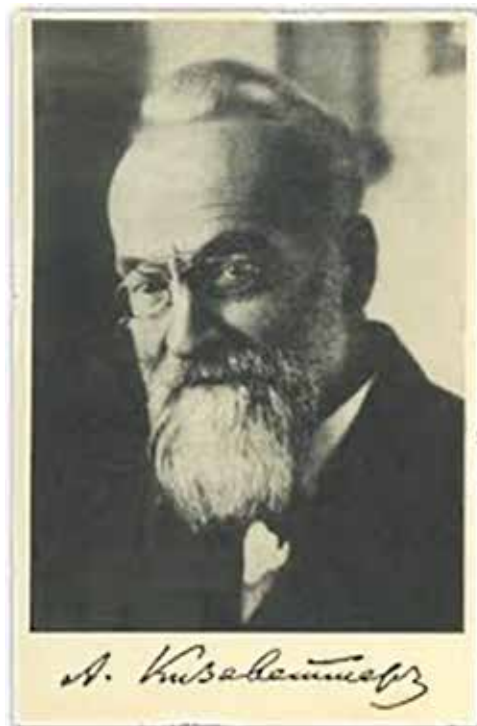
Газета
«Голос
России»

*Ученицы русской гимназии Земгора в столовой.
Прага. 1920-е годы*

заведует литературно-художественным отделом газеты «Голос России», в разных изданиях публикует антисоветские статьи, а в 1923 году по приглашению посла Чехословакии в Германии перебирается в Прагу, где начинает главное дело своей жизни — организует и возглавляет библиотеку Русского заграничного исторического архива (РЗИА)⁸

*Александр
Александрович
Кизеветтер*

Позже Сергей Порфирьевич вспоминал: «Архив русской эмиграции начался с маленького дела подбора газет при библиотеке пражского Земгора⁹ (кстати сказать, и самая библиотека, зародившись на одной из полок буфета земгоровской столовой, теперь занимает почти целый этаж и имеет в своем составе свыше 50 000 книг, с большой читальней). С осени 1923 года Архив <...> выделен в самостоятельное учреждение. <...> Он имеет свое собственное помещение — Прага, Тосканский Палац (этот старинный пражский дворец в 1918 году был передан МИД Чехословацкой Республики. — *М. Г.*) — и постоянную смету. <...> Получается 75 ныне выходящих русских, украинских и белорусских заграничных изданий. <...> Начинают поступать архивы как общественных организаций, так и частных лиц. Многие материалы Архив получает бесплатно, но в случае необходимости приобретает их за плату: на это имеются особые кредиты. Для хранения материалов Архив имеет специальные сейфы. Разрешается также и вопрос о научной разработке материалов: проф. А.А. Кизеветтер¹⁰ изъявил свое согласие взять на себя организацию Ученой комиссии. В целом ряде больших центров

русской эмиграции Архив имеет постоянных сотрудников. В ближайшем будущем учреждается Совет, в состав которого привлекаются лица различных эмигрантских общественных группировок¹¹.

Говоря о РЗИА, нельзя умолчать о ближайшем помощнике С.П. Постникова — историке, архивисте Александре Филаретовиче Изюмове (1885–1950).

Для пополнения архива и библиотеки Сергей Порфирьевич использует свои обширные связи в эмигрантских кругах, а также имеющиеся у него немалые финансовые ресурсы¹². Поступающие в РЗИА материалы приводят в порядок и систематизируются. На их основе С.П. Постников создает капитальный труд — «Библиографию русской революции и гражданской войны (1917–1921)», изданный в 1938 в Праге при поддержке чехословацкого Министерства иностранных дел.

Постникову и Изюмову удалось собрать десятки тысяч книг

и журналов на разных языках по истории революции, Первой мировой и Гражданской войн, русской эмиграции¹³. Наладив сотрудничество с советской Книжной палатой и московским Литературным музеем, библиотека РЗИА получала из СССР издания политического, экономического, культурного харак-

*Издание
«Социалист-
революционер»*

Прага. Тосканский дворец на Градчанах, где в 1920–1930-х годах размещался Русский зарубежный исторический архив (РЗИА)

тера¹⁴. Учреждение посещал президент Чехословакии Эдвард Бенеш. Бывали здесь ученые, дипломаты, предприниматели из США, Великобритании, Франции, Италии и других стран. Делу благоприятствовали доброжелательное отношение чехословацких властей к эмигрантам, довольно высокий уровень жизни в стране, наличие некоторых материальных возможностей у местной русской диаспоры. РЗИА превратился в один из главных архивно-библиотечных центров отечественной эмиграции первой волны, получил общеевропейскую известность.

У Сергея Порфирьевича, который, кстати, имел статус государственного чиновника, почти не оставалось времени на партийно-политическую работу. Он еще остается в руководстве Заграничной делегации ПСР, редактирует журнал «Социалист-революционер» (1927–1932), издаваемый в Париже, участвует в съезде II Интернационала в Вене (1932). Но постепенно его взгляды меняются. Постников говорит и пишет в чехословацкой прессе о достижениях СССР, о положительных тенденциях в советской внутренней политике и культуре, в виду нарастающей угрозы германской агрессии против Советского Союза занимает твердую патристическую позицию.

После оккупации Третьим рейхом Чехословакии С.П. Постников делает все, чтобы спасти РЗИА от конфискации, и это ему удается. Более того, в 1939–1945 годах он наращивает фонд библиотеки, понимая всю его уникальность и ценность, настоящую и будущую востребованность, в том числе гражданами СССР. В архиве собираются нацистские материалы на русском языке, военные бюллетени, власовская литература, многое другое. Сергей Порфирьевич готовит книгу «Библиография идеологии и политики эмиграции», которую, однако, не успел опубликовать при жизни. Отметим, что в годы Великой Отечественной войны он пристально следил за сообщениями

*Всесоюзная государственная библиотека иностранной литературы. 1950-е годы.
(После войны часть библиотеки РЗИА была передана в фонды ВГБИЛ)*

советского радио, переживал поражения и радовался победам Красной армии, посылал хлеб советским военнопленным в лагеря, контактировал с участниками чешского Сопротивления, из-за чего его задерживали и допрашивали в гестапо.

Когда 9 мая 1945 года советские войска вступили в Прагу, С.П. Постников с энтузиазмом встретил соотечественников. Однако 30 июня его арестовывают контрразведчики СМЕРШ 1-го Украинского фронта. Позднее (1946) он писал В.Б. Шкловскому: «Я знал, что буду арестован, т. к. в прежде занятых городах головка эмиграции арестовывалась. Но я, при полной возможности, не ушел в зону америк[анских] и англ[ийских]

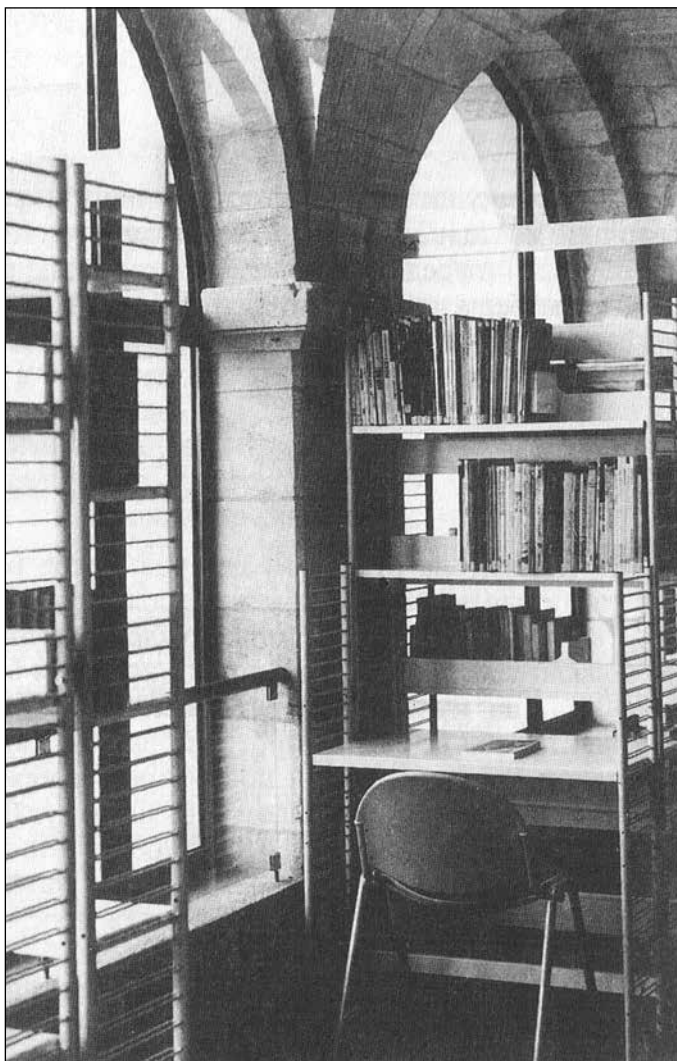
оккупаций, т. к. не хотел ничего общего иметь с немцами, туда убежавшими»¹⁵. Вместе с большой группой русских эмигрантов Постникова депортируют в СССР. Фонд библиотеки РЗИА вывозят в Москву (650 ящиков, девять вагонов), а бывшего заведующего «за антисоветскую деятельность» приговаривают (12 ноября 1945) к пяти годам исправительно-трудовых лагерей¹⁶.

* * *

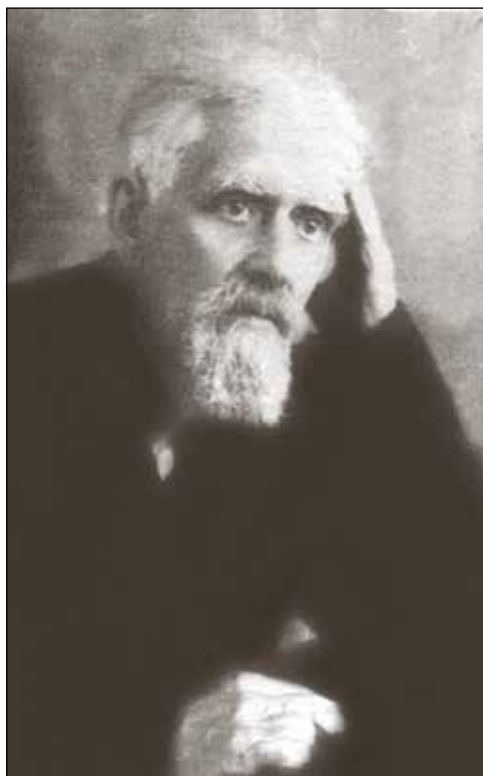
Срок Сергей Порфирьевич отбывал в Североуральске Свердловской области. Он неоднократно письменно обращался к лицам, которые могли бы ходатайствовать о его помиловании, в том числе к В.Д. Бонч-Бруевичу как давнему знакомцу и соратнику по революционной борьбе. В первом письме (1947) Постников особо упирал именно на данное обстоятельство: «Участников революции 1905 года осталось очень немного, а я всю свою жизнь отдал служению народу. Пусть я ошибся в путях служения, но за свои ошибки я уже достаточно наказан и жизнью, <...> и советской властью. <...> Я просидел уже половину срока моего заключения. Много болел, перенес дистрофию и желтуху в тяжелой форме. <...> Мне уже 65 лет, я очень ослаб после желтухи и мне очень хочется дожить свой недолгий век на свободе». Говоря о Русском зарубежном историческом архиве, Сергей Порфирьевич отметил: «Всего мною собрано около 100 тысяч томов. Россия (белоэмигрантские материалы, изданные за рубежом. — М. Г.) собрана почти полностью. Эмигрантская литература собрана на все 100%. Вся библиотека мною систематизирована. <...> Мною подготовлялась большая работа “Библиография идеологии и политики эмиграции” (около 700 стр.), но эта работа прервана моим арестом. <...> При выходе на свободу я закончил бы свою вышеупомянутую работу и предоставил ее в распоряжение ученых и политических органов Советской власти. Я считаюсь единственным специалистом в области изучения

эмигрантской политической литературы, т. к. 25 лет ее собирал и систематизировал. <...> На основании подготовленных мною материалов получается интересная картина всех спектров политической эмиграции. В 1920-х годах это — литература от монархистов-легитимистов до анархистов-безвластников, в 1930-х годах — от фашистов и националистов до троцкистов. Работа моя библиографическая и имеет чисто научный характер. Владимир Дмитриевич, помогите мне закончить эту работу»¹⁷.

Бонч-Бруевич позже на письмо ответил, но срок Постникову так и не сократили. Освободился он в 1950 году и уехал к своей сестре Л.П. Покидиной (о ней см. ниже) в город Никополь Днепропетровской области, откуда сообщал В.Д. Бонч-Бруевичу: «Я в 1912–14 гг.

Рабочее место читателя в архиве

*Сергей
Порфирьевич
Постников*

был основным и главным редактором и секретарем “Заветов”. <...> У нас печатались произведения М. Горького, Л. Андреева, А. Белого, Ремизова, Бунина и многих других. <...> В истории русской журналистики возникновение и жизнь нашего журнала, мне кажется, интересная страница. Теперь я пишу “Литературные воспоминания” — “Из истории одного журнала”. <...> Я уже старый человек, 68 лет, нигде не работаю и живу из милости в чужой семье. Поэтому вопрос заработка стоит для меня очень остро»¹⁸.

Между тем С.П. Постникову по мере сил помогали различные знакомые, время от времени предоставлявшие ему возможность получать гонорары за литературные рецензии, мемуарные записки (среди его тогдашних адресатов — Л.Н. Гумилев, К.Г. Паустовский и другие). Однако денег все равно не хватало, и в 1951 году он поступил швейцаром в чайную¹⁹.

Не раз Сергей Порфирьевич ходатайствовал о разрешении вернуться в Чехословакию к жене. В частности, Л.П. Берии он писал: «В Праге осталась моя жена — Постникова Елизавета Викторовна, тоже старый человек,

69 лет. На рабочих курсах она преподает русский язык. Оба мы люди без гражданства. Утратив советское гражданство, мы не приняли чужого. Два года я стараюсь получить советское гражданство, но безуспешно, т. к. не могу достать нужных рекомендаций — в г. Никополе нет людей, знающих меня». Постников обращался к Берии с просьбой поспособствовать тому, «чтобы я мог дожить мой оставшийся мне недолгий век с моей женой, с которой я прожил 40 лет. <...> Я никогда не был враждебен Советскому Союзу. Моя жизнь в Советском Союзе показала мне колоссальную силу его, постоянный рост богатства и неуклонное движение к коммунизму. Я чувствую себя верным сыном своей Великой Родины»²⁰.

*Владимир
Дмитриевич
Бонч-Бруевич*

В письме к В.Д. Бонч-Бруевичу (1957) С.П. Постников просит показать его очередное ходатайство о воссоединении с женой «кому-либо из ЦК КПСС. <...> Я думаю, это поможет в моем деле. Мне так жалко, что весь собранный мной материал по библиографии сгинет в пражских подвалах. За несколько месяцев я мог бы все привести в по-

рядок. <...> Я слабый и больной. Думаю, что больше одного-двух лет не проживу. А перед смертью хотелось бы повидать жену <...> и закончить <...> всякие ученые работы²¹.

В 1953 году Сергей Порфирьевич был уволен из чайной. На пенсию права он не имел и жил за счет скудных литературных гонораров, пока через два года не получил наконец разрешение переехать в Прагу. Чехословацкое правительство и Академия наук республики назначили ему пенсию, и Постников смог продолжить свои труды. Рукопись «Библиографии...» все-таки увидела свет, но лишь много позже (1993) в Нью-Йорке под названием «Политика, идеология, быт и ученые труды русской эмиграции. 1918–1945 гг. Библиография» (Т. 1–2).

Умер С.П. Постников 29 января в Праге спустя четыре года после кончины супруги и был похоронен в одной с ней могиле на пражском Ольшанском кладбище. 29 ноября 1991 года вышло постановление Главной военной прокуратурой СССР о его реабилитации²².

* * *

Скажем в заключение несколько слов о братьях, сестрах и детях С.П. Постникова. Людмилу (1880–1938) тройка УНКВД по Архангельской области приговорила к расстрелу за «систематическую контрреволюционную агитацию среди домашних хозяек». Всеволод (1881–1909), журналист и активный участник революционного движения, скоропостижно умер. Александр (1885–1923) во время Гражданской войны при власти белых служил архангельским прокурором, а после поражения Белой армии бежал за границу; умер в Берлине. Николай (1887–1908), как и Всеволод, страдал тяжелым недугом, скоро сведшим его в могилу. Зосима (1892–1920), белый офицер, был расстрелян ЧК в Архангельске «за активную борьбу против Советской власти»²³. Лишь Лидия (в замужестве Покидина. 1890–1973) дожила до глубокой старости и умерла своей смертью в Никополе. Что касается детей Сергея Порфирьевича, то оба они — Виктор (1910?–1913) и Николай (1915–1920) — скончались совсем маленькими.

¹Дойков Ю.В. С.П. Постников. Материалы к биографии (1883–1965). Архангельск, 2010.

²Письма В.И. Ленина М. Горькому. М., 1933. С. 69.

³Дойков Ю.В. Указ. соч. С. 234.

⁴ГАРФ. Ф. 5888. Оп. 1. Д. 87. Л. 43–44.

⁵Исторический архив. 2008. № 5. С. 83.

⁶Там же.

⁷Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы. Т. 2. Несбывшиеся надежды. М., 2001. С. 323, 328.

⁸РЗИА — крупнейший из архивов русской эмиграции в Европе межвоенного периода. Существовал в 1923–1945 гг. Был создан постановлением Комитета Земгора (см. прим. 9) как «Архив русской революции» в составе библиотеки при Культурно-просветительном отделе Пражского отделения Земгора. В 1924 г. получил название «Русский заграничный исторический архив в Праге». Согласно положению о нем от 14 августа 1924 г., его задачей было «собираание, хранение, систематизация и научная обработка материалов по истории России и входящих в нее народов».

⁹Так сокращенно именовался созданный в 1915 г. Главный по снабжению армии комитет всероссийских земского и городского союзов. В 1921 г. эмигрировавшие

деятели Земгора учредили вместо него Российский земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей, унаследовавший прежнее название.

¹⁰Кизеветтер Александр Александрович (1866–1933) — историк, публицист, общественный деятель, член Конституционно-демократической партии.

¹¹Постников С.П. Культурное дело // Дни (Берлин). 1924. № 454. 7 мая. С. 2–3.

¹²Часть источников этих ресурсов выявить пока не удалось.

¹³Фонды Русского заграничного исторического архива в Праге. Межархивный путеводитель. М., 1999. С. 3.

¹⁴Глазков М.Н. Культурные связи эмигрантов первой волны с советским обществом 1920-х гг. // Гуманитарные науки и образование. 2015. № 1. С. 117–120.

¹⁵Дойков Ю.В. Указ. соч. С. 209.

¹⁶Там же. С. 205.

¹⁷НИОР РГБ. Ф. 369 (В.Д. Бонч-Бруевич). К. 320. Д. 20.

¹⁸Там же.

¹⁹Там же. Письмо от 13 июня 1951 г.

²⁰Дойков Ю.В. Указ. соч. С. 71–72.

²¹НИОР РГБ. Ф. 369 (В.Д. Бонч-Бруевич). К. 320. Д. 20.

²²Дойков Ю.В. Указ. соч. С. 205.

²³Там же. С. 91, 210–211, 281–282.

ПОДПИСКА-2018

Уважаемые читатели!

Оформить подписку на наш журнал можно:

- В любом почтовом отделении.

Индекс в каталогах: «Роспечать» — 73371,

«Каталог Российской Прессы» — 99716.

Подписной портал «Почты России»: podpiska.pochta.ru
(оплата банковской картой).

Подписку также можно оформить через агентство
«МК-Периодика»: (495) 681-91-37,
(495) 684-50-08 (для зарубежных подписчиков).

- На сайте www.vm.ru

- В редакции по адресу: 127015, Москва, Бумажный пр-д, д. 14, стр. 2.
Телефон для справок: (499) 557-04-07.

Стоимость полугодовой подписки с доставкой по почте — 900 рублей.

- В книжном магазине ТД «Библио-Глобус»
ежедневно с 10.00 до 19.00

по адресу: Москва, ул. Мясницкая, д. 6/3, стр. 1, зал 8, оф. 30.

Электронная версия журнала — на www.pressa.ru

**МОСКОВСКИЙ
ЖУРНАЛ**

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

<http://www.mosjour.ru>

*127015, Москва, Бумажный проезд, дом 14, строение 2.
Телефон: (499) 557-04-27 доб. 414*

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

**История одного из древнейших поселений
на территории современной Москвы —
ныне исчезнувшего села Семеновского**

**О живописце, графике, реставраторе
Алексее Александровиче Рыбникове
(1887–1949)**